ОГОНЁК

№ 28 ИЮЛЬ 1956

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

АВТОМАТИЧЕСКАЯ ЛИНИЯ

Легким движением мастер Павел Кальченко включил автомат, загудели моторы, сложные машины на всем огромном стане пришли в движение... Проходит несколько минут, и с основного стана на выходной рольганг со скоростью до 200 метров в час движется сварная труба большого диаметра. Она кажется бесконечной. Специальный станок автоматически отрезает определенную ее часть.

На трубопрокатном заводе имени Куйбышева в городе Жданове автоматы заменили труд трубосварщиков. На линии занято всего несколько рабочих, мастеров, инженеров. Автоматизирована и внутренняя сварка труб.

Завод освоил выпуск бесшовных и электросварных труб со спиральным швом.

На снимке: выход готовой трубы с автоматического трубосварочного стана спиральной сварки.

Фото Б. Кудоярова.

На первой странице обложки: 13 февраля 1956 года на сопке Комсомольской в антарктическом поселке Мирный был поднят государственный флаг СССР.

На последней странице обложки: Мирный с самолета.

Фото специального корреспондента «Огонька» Е. Рябчикова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 28 (1517) 8 ИЮЛЯ 1956

34-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

По безбрежному массиву плывет тракторная жатка. Скоро на это поле придет комбайн, чтобы подобрать и обмолотить валки.

ЖАТВА НА КУБАНИ

— Вы спрашиваете, какой самый радостный день в жизни колхозника?

Николай Григорьевич Табаков, председатель колхоза имени Сталина, на минуту задумывается...

— Много в нашей колхозной жизни бывает такого, что волнует душу. И первая борозда, проложенная по омытой вешними водами земле, и зеленые всходы, и пора цветения. Но ни с чем не сравним день жатвы, день, когда человек получает плоды своего труда. Подойдешь к пшеничному полю, прислушаешься к звону колосьев, и чудится в них музыка! Золотистое зерно, что пойдет в закрома,— один из тех ручейков, которые образуют могучие реки нашего богатства.

В нынешнем году колхозники артели имени Сталина, Курганинского района, Краснодарского края, с особым нетерпением ждали начала уборки. Ведь это первый год шестой пятилетки! Много было труда вложено. И теперь можно уже сказать, как окупился этот труд, какой вклад внесут колхозники станицы Курганной в общенародное дело. С одного гектара колхозники снимут не менее 25 центнеров зерна. Есть и такие поля, где урожай превысит 30 центнеров пшеницы с гектара.

Дорог каждый час. Колхозники вместе с механизаторами Курганинской МТС убирают хлеба в восковой спелости раздельным способом. Сначала идут тракторные жатки и скашивают хлеб в валки. Затем, через 2—3 дня, когда зерно дозреет в валках, подсохнет, комбайны подбирают валки и обмолачивают их. Эта операция позволяет сократить сроки уборки на 7—8 дней, получить с каждого гектара дополнительно 2—3 центнера зерна. Умножьте на 8 400 гектаров посевов зерновых в колхозе — и станет наглядной экономическая выгода раздельной уборки!

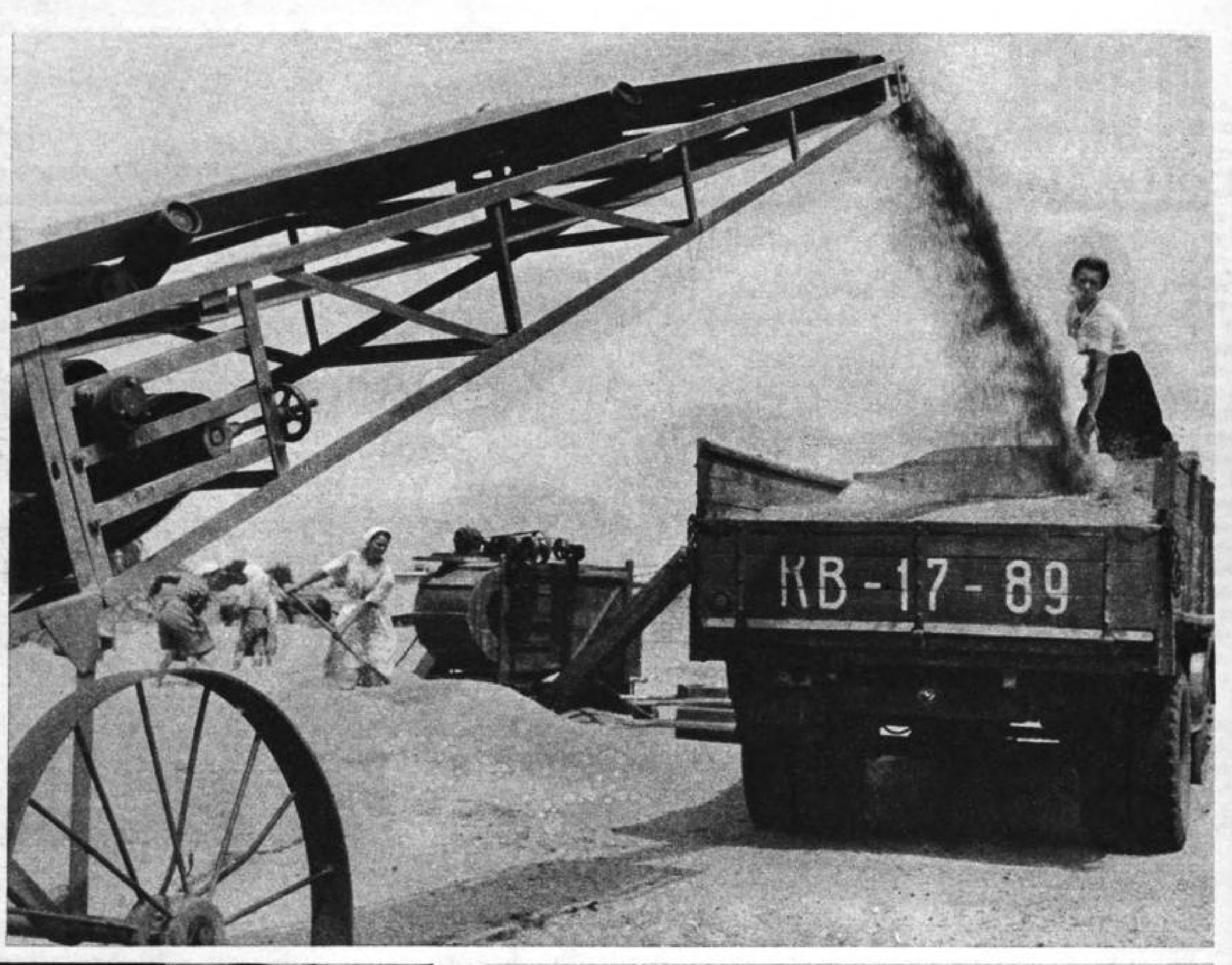
На наших снимках показан первый день раздельной уборки урожая.

В. ПОЛЯКОВ

Фото Я. РЮМКИНА.

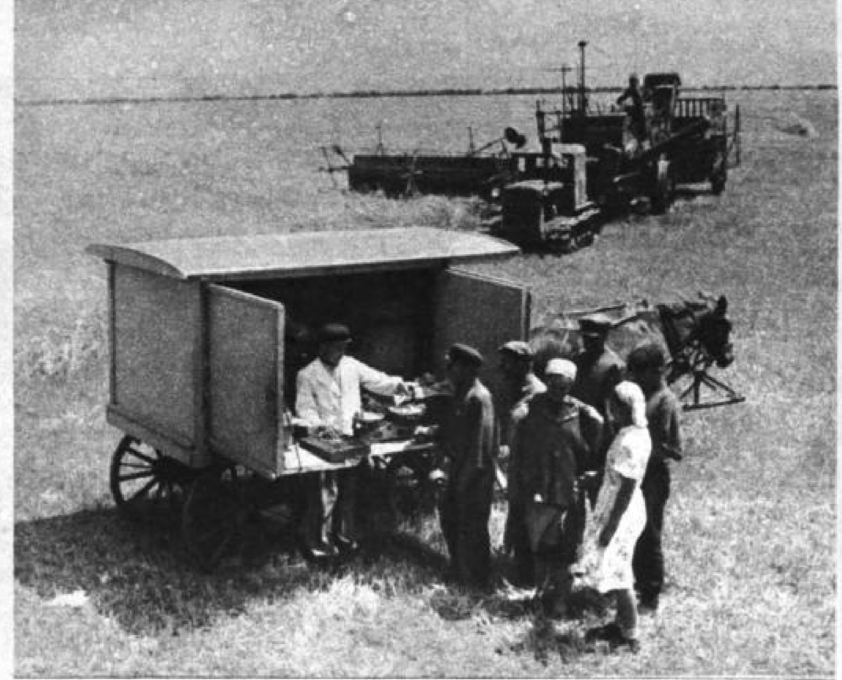
— Есть две нормы! Идем на третью!— говорит комбайнер Иван Алексеевич Маслов трактористу Ивану Евсеевичу Китаеву.

Колхозники механизировали один из токов. Теперь очистка и погрузка зерна идут с помощью техники. Транспортер подает зерно в автомашину.

Еще солнце не показалось из-за кургана и капельки росы блестят на траве, а колхозницы уже покидают полевой стан. С рассветом начинают они свой труд.

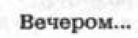

Когда комбайн остановился на технический осмотр, подъехала передвижная лавка. Все необходимое можно купить прямо в поле.

И ночью не умолкает шум работы. Вот молодые колхозницы просушивают зерно. Они делают это с помощью лопат... Нам хотелось бы привлечь к этому снимку внимание работников Всесоюзного института механизации сельского хозяйства. До каких пор лопата будет орудием механизации?

Вечером...

В атмосфере радушия и дружелюбия

Специальные корреспонденты «Огонька»
Ю. СЕМЕНОВ и А. ГОСТЕВ

СТАЛИНГРАД. На борту парохода «Александр Полежаев». Председатель Сталинградского исполкома А. В. Дынкин рассказал Его Величеству шахиншаху Ирана о восстановлении города и новом строительстве.
— Как могли вы так быстро все это сделать?— спросил шахиншах.
— Нам помогает вся страна.

Государственные деятели Камбоджи на советской земле

«Наш народ связывает с установлением прочных и тесных отношений с Союзом Советских Социалистических Республик самые лучшие надежды»,— заявил на Центральном аэродроме прибывший в нашу страну выдающийся государственный и общественный деятель Камбоджи принц Нородом Сианук. Вместе с ним прибыли принц Сисоват Монипонг, премьер-министр Камбоджи Ким Тит, председатель Национального собрания Камбоджи Ум Шеанг Сун. Приезд принца Нородома Сианука и других государственных деятелей Камбоджи в Советский Союз знаменует начало нового этапа в развитии дружеских отношений между двумя странами.

Гостей из Камбоджи на аэродроме встречали товарищи Н. А. Булганин, Г. М. Маленков, Е. А. Фурцева и другие советские руководители. Принца Нородома Сианука приняли: Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Булганин, Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев.

На снимке: встреча гостей из Камбоджи на аэродроме.

ТАШКЕНТ. Осматривая ткацкий цех Ташкентского текстильного комбината, шахиншах заметил:
— Тут просто море станков... Это одно из самых больших предприятий, которые я видел.
Шахиншах поинтересовался, продает ли комбинат свои изделия Ирану. Получив утвердительный ответ, шахиншах сказал, указывая на красочные, веселой расцветки ситцы:
— У нас особенно любят такие ткани.

В КОЛХОЗЕ «КЗЫЛ-УЗБЕКИСТАН».
— Сколько собираете хлопка с гектара?— спросил шахиншах у председателя колхоза тов. Маткобулова.
— 37 центнеров в среднем.
— Если это услышат крестьяне Ирана, они удивятся,— заметил шахиншах.
На обеде, устроенном колхозом в честь иранских гостей, шахиншах сказал:
— Я подымаю бокал за успехи колхоза, за дружбу иранского и советского народов.

МОСКВА, Кремль. Перед началом переговоров советских руководителей с шахиншахом Ирана Мохаммедом Реза Пехлеви.

ИХ НАДОМ — ВЕЛИКИЙ ПРАЗДНИК В УЛАН

П. КРАВЧЕНКО

Фото Б. КУЗЬМИНА

Десять тысяч долларов обещали тому, кто поймает коммуниста Сухэ-Батора и доставит его властям. Объявление об этом тридцать шесть лет тому назад было расклеено на всех трактах и в городках «Внешней Монголии».

А спустя год революционные войска вошли в столицу Монголии, и Сухэ-Батор выступил с речью. Он сказал:

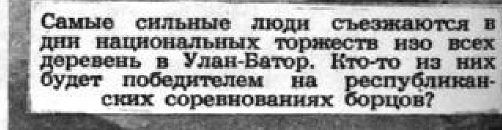
«Для освобождения нашей страны от иностранных захватчиков и для завоевания свободы и прав монгольскому народу мы избрали Народное правительство и решили создать государственную власть на совершенно иных началах... Прежние министры смещаются со своих постов и должны в полном порядке сдать свои дела».

Так Монголия — первой из стран Азии — стала на путь народной демократии. Одиннадцатого июля она справляет тридцать пятую годовщину победы народной революции в Монголии и образования первого народного правительства.

Обычно к торжеству, которое открывается 11 июля в Улан-Баторе, съезжаются люди со всей страны. Это великий праздник. Он и называется «Их надом» — «Великий праздник».

В Улан-Баторе собираются тысячи аратов. Они привозят с собой юрты, располагаются довольно уютно: вокруг привычная степь, и высоко в небе висят тоже привычные беркуты.

Приезжают гости из дальних багов — сельских местностей.

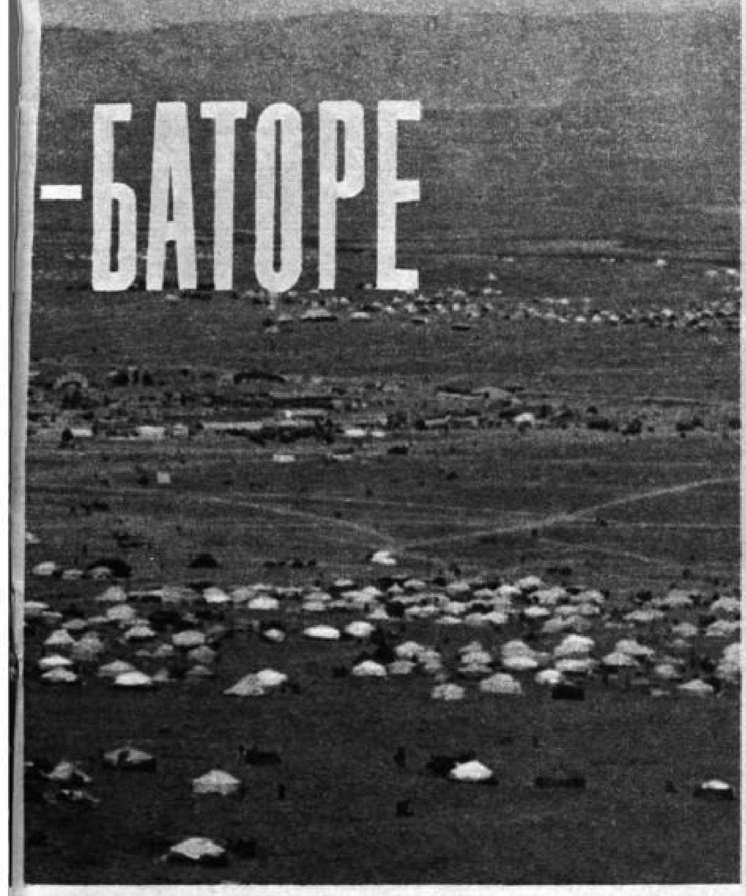

Самые сильные люди съезжаются в дни национальных торжеств изо всех деревень в Улан-Батор. Кто-то из них будет победителем на республиканских соревнованиях борцов?

Скачут наездники.

-БАТОРЕ

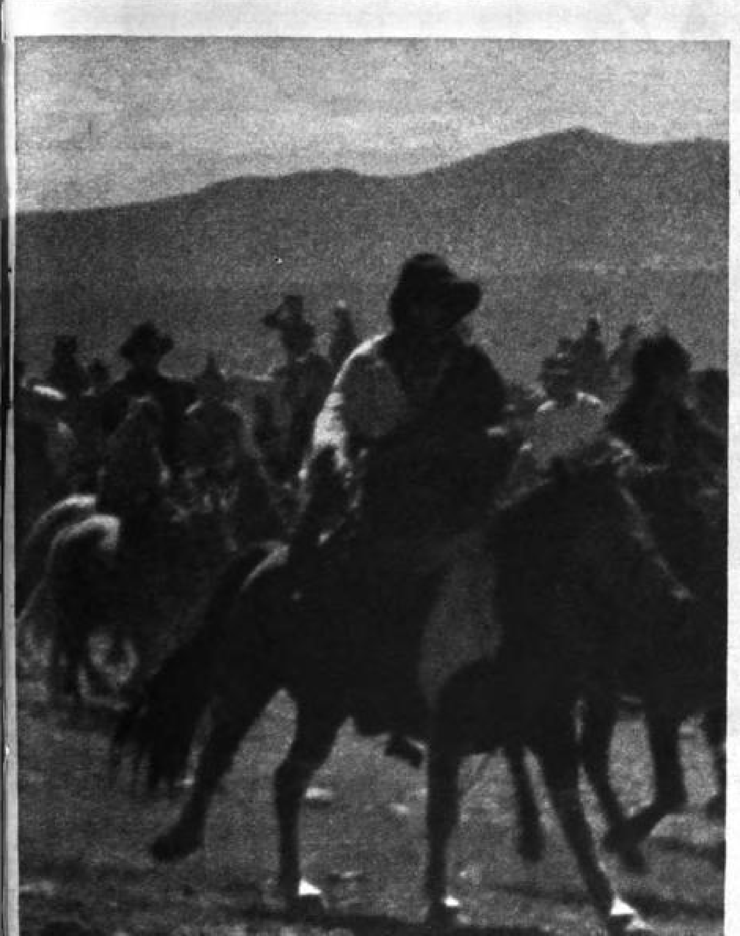
Все знают, как трудно смотреть на эстраду, когда головы заслоняют сцену. Но выход есть. Приедешь на своем коне — и видишь всех сверху.

И начинается праздник. Идут по полю, уставленному флажками, лучшие стрелки из лука. У каждого из них грамоты, завоеванные в соревнованиях.

— Кто прискачет первым?

Выставка «Их надом». «У него — белый, а у меня — сизый. Дай белого».

А вечером, когда все утихло, над Улан-Батором все еще светятся огни выставки достижений республики. Араты видят в ней свое будущее и не торопятся расходиться.

«ДЕНЬ БОРЦОВ» В ЮГОСЛАВИИ

15 лет назад, 4 июля 1941 года, Центральный Комитет Коммунистической партии Югославии принял решение начать всеобщее народное восстание против фашистских оккупантов. Эту историческую дату Народная скупщина ФНРЮ недавно объявила национальным праздником — «Днем борцов».

С первых дней фашистской оккупации страны Коммунистическая партия Югославии выступила во главе всенародной освободительной борьбы. Национальная буржуазия, королевское правительство и верховное командование армии без боя сдали Югославию оккупантам. Все бремя организации борьбы за свободу и независимость страны легло на югославских коммунистов. Уже 10 апреля 1941 года в Загребе состоялось заседание ЦК КПЮ, на котором был создан военный комитет во главе с товарищем Тито. 15 апреля партия обратилась к народу с воззванием: «Не падайте духом, крепче сплотите свои ряды... Коммунисты и весь рабочий класс Югославии будут бороться в первых рядах до окончательной победы над захватчиками».

В день вероломного нападения гитлеровской армии на СССР на заседании Политбюро ЦК КПЮ были обсуждены меры, которые необходимо было предпринять в резко изменившейся обстановке. В своем обращении к народу 22 июня ЦК КПЮ сообщил о новых злодеяниях фашистских захватчиков и призвал всех трудящихся на вооруженную борьбу с оккупантами.

«Пролетарии всей страны Югославии — по местам! В первые боевые ряды. Крепко сплотите ряды вокруг вашего авангарда — Коммунистической партии Югославии. Непоколебимо и сознательно исполните ваш пролетарский долг! Немедля готовьтесь к последнему и решительному бою... Борьба Советского Союза — это и ваша борьба, ибо он борется против вашего общего врага, под чьим ярмом вы стонете...»

Обращение заканчивалось словами:

1943 год. Маршал Иосип Броз Тито (в центре) во время четвертого наступления.

«Вперед, в последний и решительный бой за свободу и счастье человечества!»

Призыв коммунистов всколыхнул всю страну. Повсюду стали создаваться партизанские отряды. 4 июля на окраине Белграда состоялось историческое заседание ЦК КПЮ, на котором было принято решение начать вооруженное восстание народа. События быстро нарастали. 7 июля в селе Белая Церковь в Сербии крестьяне под руководством участника антифашистской войны в Испании Иовановича Жикицы подняли восстание. Это было начало. 13 июля вспыхнуло народное восстание в Черногории, 22 июля — в Словении, 27 июля — в Хорватии, Боснии и Герцеговине. Вся страна была охвачена огнем народной вооруженной борьбы. Всюду создавались партизанские отряды и бригады, возникли освобожденные районы. В ходе борьбы зарождалась новая, народная власть — народно-освободительные комитеты. Формировалась Народно-освободительная армия.

В справедливой освободительной борьбе против общего врага крепла традиционная дружба югославского и советского народов. Своими героическими боевыми действиями партизаны и народная армия Югославии сильно помогли родным братьям — советским воинам. Советская Армия, разгромив фашистских захватчиков на территории СССР, пришла на помощь югославскому народу. Советские и югославские воины вместе били врага. Совместными усилиями югославских и советских воинов 20 октября 1944 года был освобожден Белград — столица Югославии.

Свой национальный праздник «День борцов» трудящиеся Югославии отмечают новыми успехами в строительстве социализма. Растут промышленность и сельское хозяйство. Улучшается материальное благосостояние народа. Расцветает культура. Только что закончившиеся переговоры товарища Тито и других югославских руководителей с руководителями Советского Союза открыли новые перспективы дружественного сотрудничества народов Югославии и СССР на благо двух братских народов, на благо мира и социализма.

В. ПЛАТКОВСКИЙ

Белград.

ПАССАЖИРЫ ПОЕЗДА МИРА

Триста граждан Финляндии провели в Москве несколько дней, каждый из которых, по их собственным словам, был предельно насыщен впечатлениями. Днем вы могли видеть наших гостей в магазинах на улице Горького, в цехах автозавода или павильонах Сельскохозяйственной и Промышленной выставок. Случилось так, что в первый же вечер гости стали участниками Праздника молодости в Центральном парке культуры и отдыха. Финские плотники, пожарники, каменщики, артисты и врачи танцевали и пели вместе с молодыми москвичами. Композитор Серафим Туликов исполнял с эстрады свою новую песню «Тула, родина моя», сообщив предварительно, что сам он родом из Калуги. Песня, однако, была хорошая, мелодия простая и звучная, и группа финских туристов начала подпевать. Слово «самовар», конечно, упоминалось в этой песне, и один из гостей сказал, что ехать в Москву с речами о мире, все равно, что ехать в Тулу со своим самоваром.

— Газеты пишут, что контакты между государственными деятелями — важное для мира дело,— сказала Эйла Копийнен, молодая женщина в национальном финском костюме.— Я согласна. Но встречи между простыми людьми и такой вечер, как сегодня,— это не менее важно,— заключила она.

— Нравится вам наш парк?— спросила учительница В. И. Шипова свою новую знакомую Айну Марию Кокка, по профессии тоже учительницу.

— Да, очень нравится,— отвечала финская женщина.

— А что из того, что вы видите в Москве и в этом парке, вы хотели бы увидеть в Хельсинки?— последовал новый вопрос.

— Такое же настроение, как у москвичей,— отвечают гости.

Мы переходим из аллеи в аллею, там и тут встречая группы финских туристов. Нилло Сойлунен идет один: не поспеть за молодежью,— городской лекарь ходит маленькими шагами, часто останавливается, чтобы передохнуть. Ему шестьдесят три года, но он не самый старый в поезде мира и дружбы. Почти четверть века доктор Сойлунен не выезжал из города Торнио. Что же заставило его предпринять это путешествие?

Доктор отвечает не сразу:

— Профессор Каллио из Хельсинки был недавно здесь, в Москве. Вернувшись, он сказал, что нам, финнам, нечему учиться у русских врачей. Он провел в Москве три дня и после этого сделал такое заявление.

— Уж не оно ли заставило вас сесть в поезд?

— Да,— отвечает доктор Сойлунен.— Я решил это дело проверить...

В Зеленом театре Сельскохозяйственной выставки ровесник доктора Сойлунена профессор Феликс Иверсен по-русски читал адрес от сторонников мира города Тампере. Не везде он делал верные ударения, но из тех, кто находился в театре, никто, конечно, не думал о произношении. Над сценой бок о бок развевались флаги Финляндии и СССР. И ораторы говорили о главном: наши страны — рядом, наши сердца — рядом, и в будущем мы должны быть рядом!

К. НЕПОМНЯЩИЙ

Учителю Юрье Альбину Питкянену понравилась выставка детского рисунка. Он делает запись в книге отзывов.

Первый день в Москве. Финские гости на Празднике молодости танцевали и пели вместе с молодыми москвичами.

Гости из Финляндии внимательно следят за ходом шашечных боев. В центре — профессор Феликс Иверсен.

Фото Галины Санько.

РЕМБРАНДТ

Корнелис **КЕЛК**

15 июля 1956 года исполняется 350 лет со дня рождения Рембрандта Гарменса ван Рейна (1606—1669). Известный голландский романист, поэт и литературный критик К. Келк по просьбе редакции журнала «Огонек» написал статью о Рембрандте. В ней нельзя не видеть живое выражение любви голландского народа к творчеству своего великого соотечественника.

Так уж повелось: коренной амстердамец лишь неохотно согласится с тем, что жители Роттердама, Гааги или восточных провинций Голландии не хуже его самого в состоянии воспринять искусство Рембрандта. Для амстердамца Рембрандт, хотя и родился в Лейдене,— фигура до того типично амстердамская, что ему кажется, лишь житель Амстердама в состоянии понять и любить этого мастера от всего сердца. В действительности такое убеждение, конечно, далеко от истины: Рембрандт принадлежит не только одному городу или одной стране, а всему миру.

И все же амстердамцу, пишущему эти строки, никогда не удается полностью отрешиться от чувства особой близости к своему великому земляку: он не может забыть, как еще ребенком, гуляя с матерью, видел на Иоденбрэстраат дом, где жил Рембрандт, или как собирал центы в копилку — точную копию этого дома. Он не забудет, что первое его посещение государственного музея было посвящено «Ночному дозору», самой знаменитой картине в Голландии. Грубыми репродукциями известных рембрандтовских картин, как «Ночной дозор» или «Синдики», были украшены мамины коробки из-под печенья, отцовские сигарные ящики, а также всякие тарелки, вазочки, кружки и блюда.

Таким образом, сознание родственной близости Рембрандта до того овладевало амстердамским ребенком, что впоследствии ему нелегко было сбросить эти детские представления и по-новому взглянуть на уже ставшее ему привычным произведение. А затем, когда с присущим юношеству бурным энтузиазмом по-новому открывал он великого художника, то с возмущением начинал отвергать лубочные репродукции, коробочки и ящики. Чувство глубокого родства с Рембрандтом, приобретенное в детстве, никогда уже не покидает тебя. И в дальнейшем, в каком бы музее мира ты ни очутился, если там имеется произведение Рембрандта, с непреодолимой силой тебя влечет к нему. Что греха таить, в таких случаях иногда на глазах появляются слезы: так встречаешь что-то родное, очень близкое.

В ближайшее время каждый голландский ребенок узнает подробности биографии мастера[1]. Для удобства читателей я вкратце их воспроизведу. Рембрандт был сыном лейденского мельника Гармена ван Рейна. Его мать была дочерью пекаря. Рембрандт родился 15 июля 1606 года, пятым ребенком в этой семье, которая была, однако, достаточно обеспечена для того, чтобы учить своего многообещающего отпрыска в латинской школе и даже записать его в лейденский университет (1620). Был ли Рембрандт действительно студентом, мы не знаем, но во всяком случае он получил хорошее общее образование. Его редкостное дарование живописца было неоспоримо, и поэтому его отдали в учение лейденскому живописцу и бургомистру Якобу ван Сваненбургу, а впоследствии — амстердамскому живописцу исторических сцен Питеру Ластману.

[1] В связи с юбилеем великого художника в Голландии готовится издание книги о Рембрандте, которая будет роздана ученикам средних школ.

В 1625 году Рембрандт кончил учение и стал самостоятельным мастером в Лейдене, а когда в 1631 году переехал в Амстердам, был уже известным художником.

Почему он переехал в Амстердам? Человека с его дарованием не мог не притягивать главный голландский город, превращавшийся с начала XVII века в центр мирового значения. Правда, Амстердам по сравнению с другими был не особенно большим городом; число его жителей, которых сейчас около миллиона, тогда не превышало ста тысяч человек. Но для Республики Объединенных Нидерландов, для маленького энергичного народа, сбрасывающего иностранное иго, для голландских мореплавателей, купцов и промышленников Амстердам действительно был великим портовым городом. Благодаря удачному местоположению и притоку иностранцев, в том числе богатых энергией и деньгами беженцев из еще не освобожденной южной части Нидерландов, Амстердам опередил такие когда-то цветущие торговые центры, как Венеция, Брюгге и Антверпен: в нем чувствовалось биение мощной жизнедеятельности. Именно это привлекло Рембрандта.

Среди художников голландской школы Рембрандт был одним из самых признанных, но все же оставался обособленной, выделяющейся личностью. Он, пожалуй, больше остальных осознал, насколько живопись в состоянии выражать духовные богатства. Рембрандт не изображал лишь внешние явления окружающего мира, и он чуждался увлечения фактурой вещей. Он, казалось, везде добавлял что-то свое к внешности вещей: в своих библейских картинах он искал драматизм реальности, в своих портретах изучал и открывал тайны человеческой души. Сидя перед зеркалом, он часами терпеливо следил за игрой переживаний, отражающихся на лице. Всю свою жизнь он неутомимо искал самую заветную, самую потайную суть людей и вещей. Его искусство — прежде всего страстное стремление постичь все.

У него было немало общего с современниками: он любил роскошь. Но он ценил творчество других и был неутомим в стремлении учиться у своих предшественников. И вот еще вещь необычная и новая в те времена: он увлекался восточным искусством. Живя в таком космополитическом городе, как Амстердам, он, как нигде, имел возможность вникнуть в разнообразие жизни. В его душе росло стремление все объять, взором охватить все то, что существовало далеко за пределами маленькой Республики Объединенных Нидерландов. То он наряжает своих родственников — отца и мать, братьев — и самого себя в восточные одеяния, то изображает негров, то рисует слонов. Его библейские картины по архитектурным соотношениям и одеждам персонажей во многих деталях существенно отличаются от произведений современных ему живописцев. В этом молодом уроженце Лейдена, с недавних пор ставшем амстердамцем, жила поистине всеобъемлющая душа.

Откуда в доме молодого художника Рембрандта ван Рейна взялись все эти экзотические вещи, ткани, оружие, одежда и редкости? Неужели он был так богат? Да, его искусство хорошо оплачивалось людьми, не привыкшими стесняться в деньгах. Кроме того, он женился на девушке из богатой семьи, Саскии ван Эйленбург, дочери одного из бургомистров города Лейвардена, что на севере Нидерландов. С Саскией он познакомился в Амстердаме у ее родственника, торговца картинами

УРОК АНАТОМИИ. 1632. *Музей в Гааге.*

Хендрика ван Эйленбурга. Молодая, знатная и красивая жена во многом содействовала его авторитету среди нового богатого бюргерства. Цены заказываемых ему картин благодаря Саскии несомненно повысились. Один из самых почетных заказов исходил из Кловенирсдулен (так называлось собрание стрелков, добровольное военное общество, существовавшее тогда почти во всех городах и рекрутировавшее своих членов главным образом среди богатых буржуа). Здесь впервые и состоялся разговор о будущем «Ночном дозоре», точнее, о «Выходе стрелков под командованием капитана Франца Банинга Кока», как сначала названа была картина.

Сколько портретов знатных людей Рембрандт написал в эти годы! Через Саскию он знакомился все с новыми и новыми аристократами. Но Рембрандт не идет проторенными дорогами, он неизменно продолжает свои изыскания — об этом свидетельствует большое количество его автопортретов. Он не прикрашивает оригинала. Его стремление изобразить, как он говорил, «самое естественное движение» постепенно развивается и углубляется — он становится живописцем «движений души». Он прежде всего изображает человека, и преимущественно самого человеческого в его глазах человека — Христа. Но для современников Рембрандта его восприятие оказалось слишком реалистичным, и, сам того не замечая, он отдаляется от духа своего времени. Именно это проникновенное восприятие жизненных тайн открывает ему бренность поры расцвета, мимолетной, как весенняя пора. Он предпочитает красоту увядающей осени, прелесть ее умирающих цветов.

Образ Христа он находит в среде простых евреев, проживающих по соседству. В своих автопортретах он прежде всего фиксирует морщины, оставляемые быстро промелькнувшими годами. Такое трагическое воззрение на жизнь неизбежно привело его к конфликту с обществом, воображающим себя на вершине жизненного благополучия и не признающим даже возможности упадка. Люди того времени, конечно, не осознавали все это так ясно, но именно этим они руководствовались в жизни. Самой положительной чертой сложившегося таким образом характера общества было национальное самосознание, а самой отрицательной — нетерпимое чванство.

Рембрандт никогда не участвовал в жизненном пире людей самодовольных. В первые десять лет его жизни в Амстердаме могло казаться, что он участник этого пира, но в действительности он праздновал что-то другое, сугубо личное: торжество гениального художника, чувствующего, что его самые заветные мечты сбываются. После женитьбы на Саскии он в 1639 году поселяется в собственном большом доме на Антонибрэстраат (или Иоденбрэстраат), в настоящее время превращенном в музей, где хранятся многие офорты и рисунки, а также несколько картин мастера. Теперь в передней за столиком кассир продает входные билеты и репродукции. Здесь можно видеть бывшую граверную Рембрандта со станком. На втором этаже дома расположены мастерские, где работали ученики художника и где было достаточно места для его богатой коллекции художественных предметов и редкостей. Окна, выходящие во двор, открывают вид на выцветшие черепичные крыши соседних зданий, которые существовали еще при Рембрандте или строились при нем.

В этом доме увидел свет его сын Титус, родившийся уже после того, как в раннем возрасте умерли первые трое детей Рембрандта. Титуса впоследствии он изображал на многих картинах. Рождение сына стоило жизни любимой им жены: Саския умерла в 1642 году; она всегда была хрупкой женщиной.

В том же году Рембрандт закончил крупный групповой портрет стрелков Франца Банинга Кока, так называемый «Ночной дозор». На огромном полотне действительно изображены члены этого добровольного общества, но как они размещены! Многие из них лишь с трудом отыскивали и узнавали себя на картине. Обычно же каждое лицо на групповых портретах занимало более или менее равноценное место: для заказчиков главным было сходство, они стремились увековечить свою личность. Именно с этой целью делался заказ. Было совершенно недопустимо, что художник столь легкомысленно отнесся к такому серьезному поручению! Картина была принята лишь потому, что ее писал Рембрандт, но уже чувствовался холодок в отношении господствующего бюргерства к великому гению, пренебрегающему общепринятыми условностями.

Купленный в 1639 году дом на Иоденбрэстраат не был еще оплачен. После смерти Саскии начинается бесконечная тяжба с ее богатыми и могущественными родственниками. На Рембрандте всей тяжестью лежал долг за дом, но он не отказался от привычной жизни, покупал все, что ему нравилось, и назначал цены, которые больше определялись его любовью и уважением к искусству, чем соображениями трезвого покупателя. Какая-то вдова взялась воспитывать Титуса и, кажется, добилась у Рембрандта обещания жениться на ней. Но художник не может жениться вновь, ему это запрещает завещание Саскии. Если он женится, ему придется вернуть все, что оставила покойная жена, и тогда долги намного превысят его состояние. Не без скандала вдова покидает Рембрандта. Но с 1645 года там жила простая деревенская девушка, служанка Хендрикье Стоффельс, скоро занявшая место хозяйки. Она фактически, хотя и без брака, становится второй женой Рембрандта, его опорой, поддержкой. Ее милый и самоотверженный характер помогает Рембрандту преодолевать все трудности. Больше, чем боготворимая им Саския, с которой он прожил самые праздничные годы своей жизни, Хендрикье была для Рембрандта олицетворением женственности. Он ее не украшает драгоценностями, как делал это с Саскией,— его достаточно волнует глубокая человечность Хендрикье. Много портретов он писал с нее, и мы ее знаем хорошо, хотя ни одного ее слова не дошло до нас. И сейчас порой мы ее узнаем в наших простых, трудолюбивых женщинах. Отлучение Хендрикье от церкви — результат «незаконной» связи с Рембрандтом — заставляет ее страдать, но она не бросает своего любимого и вскоре дарит ему дочь Корнелию. Когда трудности доходят до предела — после банкротства художника в 1656 году, продажи с молотка его имущества в 1658 году и потери большого дома,— они переселяются в маленькую квартирку на Розенхрахт. Молодой Титус и она объединяются, чтобы защитить от кредиторов 52-летнего художника, вынужденного начинать жизнь сызнова. Рембрандт может спокойно работать, пока эти два близких ему существа занимаются скромной торговлей картинами. А он работает неустанно! И еще раз судьба улыбается ему. В 1654 году закончилось строительство большой амстердамской ратуши, в настоящее время известной как «Дворец на площади Дам». Здесь требовались большие настенные панно.

Слава этой ратуши была бы беспредельной, если бы тогда нашлись люди, достаточно дальновидные, чтобы поручить эту огромную работу Рембрандту. К сожалению, публика недостаточно благоволила к нему, и заказ получили другие. Но когда в 1660 году умирает художник Флинк, одна из стен все же достается Рембрандту. Он должен был дать изображение заговора Клавдия Цивилия с товарищами в Схакерском лесу — исторического эпизода времен римского владычества в нашей стране. В это полотно Рембрандт вложил такой драматизм, что правители города уже в 1662 году удалили панно из галереи ратуши: оно было слишком страстное, захватывающее и никак не соответствовало господствующему вкусу. Гордость художника не позволила ему требовать деньги за отвергаемую картину, но в конце концов он согласился на то, чтобы в пользу кредиторов из огромного 26-метрового полотна вырезали около одной четверти, составляющей ныне картину «Клятва верности Клавдию Цивилию», хранимую в Национальном музее в Стокгольме.

Поистине, призвание, оказавшееся способным преодолеть все удары действительности и развиваться с такой целеустремленностью, несмотря на издевательства и замалчивание, должно быть великим и питаемым стойким духом! Рембрандт продолжает работать, когда в 1663 году скончалась Хендрикье Стоффельс, и даже тогда, когда в 1668 году умер только что женившийся Титус. Он остается лишь с маленькой Корнелией, в нужде и бедности. Рембрандт, не переставая, работал в годы горя так же, как в годы счастья. Шестьсот его картин известны миру, две тысячи рисунков, около трехсот офортов. Он, вероятно, один из самых многогранных художников, когда-либо существовавших. Участвуя в жизни своих современников, он в то же время находился словно вне этой жизни, в мире непостижимых величественных грез, творец, романтик бесподобной оригинальности и реалист. После смерти великого мастера в 1669 году имя его постепенно подвергалось забвению. Казалось, что другие художники возвысились над ним, но в XVIII веке слава Рембрандта опять стала расти, а в XIX столетии даже возникла специальная наука о нем.

В настоящее время у нас делается все возможное для того, чтобы составить полное представление о творчестве гениального художника; его история стала как бы частью отечественной истории голландского народа. Еще совсем недавно значительный вклад в науку о Рембрандте сделал амстердамский профессор Хеллинга, обратясь к картине «Ночной дозор». Это произведение в 1946—1947 годах было полностью реставрировано. Картина, столетиями висевшая в помещении стрелкового общества, где камин топился торфом, сильно пострадала: краски стали тусклые и потемнели. Живопись так изменилась, что после реставрации она показалась чудом. Без преувеличения можно утверждать, что весь голландский народ обновил свое знакомство с «Ночным дозором» (напомним, что название это картина незаслуженно получила из-за мрачных тонов ее потускневших красок), все, кто мог, пришли посмотреть, как расцвел «Ночной дозор».

Издавна волнует наших искусствоведов вопрос о том, почему выдающийся голландский поэт XVII века Вондель и современный ему великий живописец Рембрандт так мало были связаны между собою?. Это было предметом многих споров. Дело, повидимому, в том, что Вондель в отличие от Рембрандта искал и добился благосклонности властителей. Вероятно, поэтому он, как и его соотечественники, неодобрительно смотрел на величественную самобытность Рембрандта. Поэт посвящал хвалебные стихи посредственным художникам своего времени, а для гениального земляка нашел лишь порицающие слова.

В чем же состоит открытие профессора Хеллинги? В 1955 году после очень старательного сопоставления трагедии Вонделя «Хайсбрехт ван Амстель» с «Ночным дозором» Рембрандта он пришел к заключению, что своеобразное и часто непонятное размещение фигур на этом полотне во многом соответствует тексту трагедии Вонделя, трагедии, которую художник не мог не видеть на сцене. Хеллинга весьма остроумно доказывает, что богато наряженная и украшенная непонятными до сих пор эмблемами девушка в желтой одежде не является здесь случайной, а представляет собой символ победы, торжества Голландии, и в частности Амстердама. Подробное обсуждение деталей этого вопроса увело бы меня, конечно, слишком далеко, но этого примера достаточно, чтобы показать, насколько серьезно творчество Рембрандта изучается до сих пор в Голландии. Этот пример также говорит о страстном патриотизме Рембрандта; хотя Вондель им пренебрегал, художник высоко ценил поэта: Рембрандт умел стать выше личных взаимоотношений.

Об огромном благородстве души говорит и вся жизнь Рембрандта, посвященная искусству, а не славе и богатству — этим главным целям людей его времени. Он вращался среди простых людей, многие соседи были его друзьями, а скромная домашняя работница — лучшей подругой. Со знатными людьми его отношения были натянутыми.

Рано постаревший, одинокий, Рембрандт умирает в нужде, после того, как в своей жизни узнал и ярчайший блеск и самую мрачную печаль. Ныне, однако, личная трагедия мастера сгладилась временем, остались лишь его произведения — великое достояние не только Амстердама и Голландии, но и всего мира.

Рембрандт Гарменс ван Рейн (1606—1669). АВТОПОРТРЕТ. 1669. **Музей в Гааге.**

«Огонек». 1956.

Рембрандт Гарменс ван Рейн. ПЕЙЗАЖ С КАМЕННЫМ МОСТОМ 1637.

Музей в Амстердаме.

Повесть

Николай ТИХОНОВ

Рисунки О. ВЕРЕЙСКОГО.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Фуст и Гифт вышли из домика. Кругом, кроме глухого шума реки, не было других звуков. Темные домики стояли на маленькой горке, в которую пониже дороги били сердитые волны. Казалось, что кто-то там, на севере, все больше и больше наполняет реку, и воде некуда деваться, и она ревет от безвыходности и отчаяния.

Они вернулись в комнату. Риклин храпел, засунутый в спальный мешок. Рот его был полуоткрыт, он лежал, скрючившись, маленький и жалкий, и напомнил Фусту покойника на корабле, которого зашьют в парусину и бросят в море. Фу, что за мысли приходят в голову!

Фуст и Гифт сидели, прислушиваясь к тому, что делается на дворе, но только порывы ветра иногда долетали до них. Ветер тряс ставни и дверь. Было неуютно и холодно. Они пили виски и больше не пьянели.

— Гифт, — сказал Фуст, — что вы думаете о создавшемся положении?

— Скажите, откуда вы знали, раньше чем пришел яркендец, о том, что с теми, — он не хотел называть имен,— по слухам, все кончено? Кто вам сказал, что они не придут?..

— Я же вам сказал: одна ведьма...

— Нам не до шуток, Фуст...

— И, однако, это правда. Послушайте, как было. — И он рассказал Гифту, слушавшему его с большой озабоченностью, как горская девушка, которую он видел первый раз в жизни, нагадала, что они не придут. — Что это такое? — сказал, окончив рассказ, Фуст.

Гифт стал серым и говорил, как будто рассуждал сам с собой:

— Одно из двух: или это мистика, в которую я не верю, или это двойная игра. Девушка в этой игре — участница, и она знала все раньше нашего гонца. А если им в руки попала записка яркендца?

— Но она же утонула! — воскликнул Фуст.

— А если яркендец не тот человек, которого послал Улла-хан, а послан совсем другими, чтобы ввести нас в заблуждение? — сказал Гифт. — Я начинаю сомневаться в этом яркендце. Мы поверили ему слишком быстро. Мне показалось, что когда он оставил нас и пошел к дороге, то с ним шел кто-то, похожий на Фазлура. Все...

— Что все? — спросил Фуст.

— А то, что мы начали распутывать эту нить... Вернемся к началу. В чем заключалась задача тех, кто хотел нам противодействовать? Надо было, чтобы мы не дошли, чтобы мы вернулись. Сорвать нашу миссию — вот что было их задачей. Теперь мы стоим перед решением.

— Вы хотите сказать, что все сделано, чтобы мы вернулись...

— Да, — сказал Гифт, — но давайте разберемся по порядку. Какие у вас факты?

— Вот мои факты. В день нашего отъезда на рассвете в Лахоре наш шофер повез нас нарочно к бензиновой колонке, а там я увидел Фазлура и племянницу Аюба Хуссейна. Это было подстроено, чтобы Фазлур получил последние инструкции.

— Это серьезно, Фуст. Почему мы не обратили на это внимания?

— Я обратил. Слушайте, Гифт. До этого я видел ее на демонстрации, где собирали подписи под лозунгами борьбы за мир. Она была там резко активной и держалась очень независимо. Тогда я думал, что я обознался, но теперь я утверждаю, это она. Ее изменил наряд. На вечере она была в роскошном сари, а там — в одежде работницы. Дальше... Наш шофер, этот вечно нахмуренный и молчаливый человек, неразлучен с Фазлуром. А сам Фазлур — сын нищего, студент-революционер, ламбадар сказал, что он, наверное, коммунист. Вы видите, как все складывается...

— Подождите, Фуст. А этот странный пилигрим, который оказался просто агитатором коммунистической крестьянской партии, бунтовщик, резавший помещиков? Разве Фазлур не устроил этой встречи? Несомненно, это один из его агентов.

Фуст перебил его:

— Вы совершенно правы, Гифт. Но тогда, если мы всю эту цепочку доведем до девушки и купца, то от мистики ничего не останется. Но я должен вам сказать, сердце мое билось, когда я слушал эту девушку, как она страшно читала по саже на моей ладони. Все-таки исключим пока колдунью. В ней что-то было. Я это чувствовал.

Гифт зловеще усмехнулся.

— Ну, исключим девушку. Все равно, линия непрерывна и направлена на наше окружение.

— Но тогда она начинается с купца? — сказал Фуст, глядя прямо в глаза Гифту. — А что, если она действительно начинается с него? Ведь подарил же он мне под видом особого уважения персидскую миниатюру, которая оказалась жалкой копией, преподнесенной в насмешку.

— Откуда вы это знаете? — спросил Гифт.

— Я установил это случайно. — Фуст не хотел больше вспоминать об этой миниатюре.

— Тогда я скажу вам, что этот купец есть начало цепи. Кто вас познакомил? — Гифт так пристально смотрел в упор на Фуста, что тот ответил с презрительной поспешностью:

— Он принес мне письмо Ассадуллы-хана.

— Хм! — Гифту стало холодно, он налил себе виски и выпил стакан залпом.— Тогда все это направлено против вас, Фуст.

— Что значит направлено против меня, Гифт? Ловушка рассчитана на нас обоих.

— Да, но...

— Вы привели Гью Лэма, Гифт. А что, если этот наивный сторонник мира — тоже коммунист и агент той стороны? Забавная получается картинка, скажу я вам! Я чувствую себя, как в восьмом лагере на Белом Чуде...

Гифт вздрогнул, лицо его побледнело:

— Но я не Найт, помните это, Фуст! Меня забыть на горе не удастся!

— Что вам только приходит в голову, Гифт? Я сравниваю опасность, а не участников.

— Раз вы сравниваете опасность, вы сравниваете и тех, кому она угрожает. Оказывается, мы в очень прочной ловушке, Фуст...

Фуст невесело усмехнулся:

— Может быть, вы скажете, поедем обратно? Природа против нас — чудная отговорка. И ламбадар ждет с полицейским показать нам танцы пастухов, а?

Гифт ответил не сразу.

— Да, мы в ловушке. Мне это тоже ясно. Все это организовано. Я не видел вашей ведьмы, но мое чутье говорит, что ее появление тоже организовано.

— Если бы видели ее, вы так просто этого не говорили бы, — неожиданно сказал Фуст.

Но Гифт не сдался. Он ответил, и в его голосе было какое-то мрачное торжество, точно он радовался поражению Фуста:

— Я не говорю просто. Я говорю обоснованно. Если считать ее звеном общей цепи, то она и яркендец очень хорошо входят в общую цепь. Без них в цепи явный недобор колец. Таким образом, перенесем девушку из области мистики в реальный мир. Кто первый заговорил о невозможности пути дальше? Фазлур. Кто последний сказал, что ехать нельзя? Полицейский...

— Но тут нет связи...

— Как нет?! Этот полицейский сказал же, что арестовать Фазлура он не может, так как нет оснований. Песенка против правительства не основание... Это сказал нам полицейский. А сегодня он является с запиской... Я уверен, что когда мы завтра приедем к ламбадару, поверив записке, ламбадар скажет, что он ее не писал. А кто писал? Тут-то мы снова и увидимся с нашим дружком Фазлуром, который нас встретит насмешливой улыбкой. Охотника перехитрила дичь...

— Черт возьми, Гифт, я больше не могу! У меня сдают нервы. Я не могу закрыть глаза, чтобы не видеть или пустыню с горами, где кричат какие-то голоса, или этот погребальный костер и этого индуса с зубом мертвеца, как наваждение.

— Выпейте еще. Сегодня нужно пить. Это проясняет мысли.

— Я начинаю думать, что все это задумано уже давно.

— Что задумано, Фуст?

Гифту стало жарко. Он снял свою куртку и сидел, раскуривая трубку. В зажигалке не было бензина. Спички ломались, хотя они и были восковые и взяты из альпийского запаса.

— Наступление на меня, — сказал Фуст, встав у стены так, что при свете догорающего очага тень его дошла до потолка и переломилась. — Меня послали сюда, чтобы я погиб. Вы думаете: они живы, те, которые идут из Китая? Как вы думаете? Может быть, нас послали спасать мертвых? Мертвые спасают своих мертвых. Как вы думаете?

Гифт мрачно пожал плечами.

Фуст ударил кулаком по стене.

— Нет, я еще жив! Пусть мои враги не торжествуют. — Он говорил, обращаясь к двери. — Вы все хотите мира, но вы его не получите. Я, Джон Ламер Фуст, не дам вам мира! Вы ненавидите меня, но я вам тоже отвечаю ненавистью. Давайте продолжим эту войну одного против всех, войну всех против всех, Гифт! Нам, может быть, суждено стать теми людьми, которые начнут первыми новую мировую войну. Мы должны перед этим знать всё: все холмы, горы, перевалы, проходы, души и сердца. Кто разгадает, кто мы? Сколько там, в Китае, наделали Кинк и Чобурн, сколько они там разгромили, убили, запутали? Никто не знает, сколько они вложили палок в колеса красному Китаю, и никогда не узнает. Наше искусство — искусство невидимых мастеров. Азия, кажется, сожрала Кинка и Чобурна, и нас сожрут азиаты. Их слишком много, Гифт. Россия — враг номер один, и она тоже Азия.

— Фуст, ложитесь, хватит! — сказал Гифт, вставая. Его трубка раскурилась, и он в облаке дыма шагнул к Фусту. — Ложитесь, Фуст. У меня голова идет кругом...

— У меня тоже. — Фуст ударил кулаком по столу. — Но мы не дадим им триумфа! Мы начнем наступать. Завтра же. Первым делом мы уберем этого Фазлура... Какой ветер!..

— Вам кажется, Фуст. Никакого особого ветра нет...

— Ничего, мне легче. Есть еще виски?..

— Не пейте больше, Фуст. Завтра трудный день!

— Гифт, это была мистика или реальность?

Окончание, см. №№ 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27.

— Я не понимаю, о чем вы говорите...

— Я говорю о гаданье...

— О, дьявол, ну покажите мне эту девушку, и я вам все скажу!

— Как я покажу? Она ушла с Фазлуром. Нет, она ушла раньше. Но все равно вместе с Фазлуром. Я убью его! Завтра же...

— Спите, Фуст, не будем говорить лишнего. Тут мы одни. Но вы верите в мистику. Ложитесь.

— Вы правы. — Фуст тряхнул головой. — Подумайте, я могу столько выпить, что у другого искры пойдут из глаз. Я не пьянею. Но сегодня я не в себе. Нервы — это дрянь. Нельзя так много слоняться в дебрях, где человеческая жизнь ничего не стоит.

— Она нигде ничего не стоит, Фуст.

— Да, — Фуст рассмеялся холодно и трезво, — вы правы, надо спать. Она нигде ничего не стоит. Ложитесь и вы, Гифт. Оружие держите под рукой. Обязательно! Ложитесь! — И он сел на постель, которая отвратительно заскрипела.

Он проснулся так же неожиданно, как заснул. Что за сон? Он подходил опять к погребальному костру, когда его только зажгли, костер вспыхнул, осветив так ярко все пространство, что Фуст закрыл глаза рукой. Но когда он снова взглянул, никакого костра не было. Снежная пустыня окружала его. И ночь прорезал крик. Фуст бросился туда, чтобы кончить того, кто кричит. Он надоел. Пусть он замолчит навсегда! Фу! И тогда лежащий встает, идет к нему, останавливается перед ним и хохочет. Фуст видит, что это Фазлур.

Фуст проснулся. Обрывки мыслей путались в голове: Фазлур, Фазлур смеется над нами! Сам спит с той колдуньей и смеется. Пора с ним разделаться. И нечего ждать утра. Голова, как каменная, но сознание свежее, руки не дрожат.

Он надел теплую штормовую куртку, капюшон и вышел из дому. Луна стояла над рекой, которая глухо рычала внизу. Темные скалы вокруг, маленький склон, как островок, на котором разбросаны домики. Кто это спит рядом с дверью у стены, под навесом? Закутанный в черное толстое одеяло спал полицейский, и его охотничье ружье прислонено к стене. Он никуда не ушел. Подслушивал? Фуст постоял над спящим, но тот даже не шевельнулся. Так спит усталый человек. Может, он и не подслушивал? Не разберешь. Больше ничего не разберешь. Ветер утих. В какой хижине ночует Фазлур? Он, наверное, вместе с шофером. Они два сапога — пара. Оружие надо держать наготове. Теперь игра идет всерьез. Он осторожно крался по тропинке к темному домику.

Что это за тени на пригорке? Два высоких странных силуэта. А! Это пасутся лошади. Откуда они? Повидимому, одна англичанина, другая его вестового, а откуда еще третья? Он вгляделся. Это не лошадь, это мул полицейского, того, что храпит там, под навесом.

Фуст обошел домик. Там кто-то шевелится во сне. Это хорошо, что спят. Хорошо неожиданно войти. Он ступал по камням, но они были гулки и неровны, оседали под ногой, нельзя бесшумно открыть дверь, все равно там, внутри, будет слышно.

Фуст остановился у двери и слушал. Ему показалось, что он слышал шорох. А может, Фазлур там с этой колдуньей? Нет, он не так прост. Он хитрый враг, дерзкий. Посмотрим, кто кого!

Фуст нажал на дверь. Она подалась и открылась. Он вошел. Тут было немного темнее, чем на улице, холодно и сыро. Тут даже не было очага. Вернее, он где-то был, но огня на нем не разводили. Или он погас давно. В углу что-то темное под грудой одеял. Без света не разберешь. Он вынул фонарик и держал его в одной руке, в другой сжимал пистолет. Свет фонарика упал на спящего. Но тот крепко спал или притворялся. Фуст кашлянул и постучал ногой о пол. Сверток заворочался. Из груды одеял высунулось лицо, удивленное, с большими глазами и хитрым острым носом. Фуст наклонился, осветив лежащего, хотя он уже знал, кто это. Это был Умар-Али. Шофер узнал в мрачной ночной фигуре Фуста. Солдатская исполнительность, умение вставать по тревоге никогда не покидали его. Отбросив одеяло, он поднялся во весь рост и, стоя без обуви на каменном полу, ждал приказаний. В этом сумасшедшем мире все так устроено, что даже нельзя выспаться. Что хочет этот американец ночью от шофера, когда ехать некуда?

— Где Фазлур? — спросил Фуст, и свет его фонарика ударил прямо в лицо.

Умар-Али молчал, точно он не слышал вопроса.

— Где Фазлур? — повторил Фуст.

Тогда Умар-Али с лицом каменным, как эти стены, ответил:

— Фазлур ушел в горы. Он с нами не пойдет дальше. Он сказал, что пришел домой. Куда же ему еще идти?

— Ты ему сказал что-нибудь? Да, сказал? И он поэтому ушел? Ты сказал, как ламбадар разоблачил его, ты сказал ему?

— Я ему ничего не говорил. Я ничего не слышал. Я ничего не знаю. Что я мог ему сказать?

Фуст дрожал от ярости. Он охотно схватил бы сейчас этого жесткого, крепкого, как воловий бич, человека за горло и бил бы по голове рукояткой пистолета, пока тот не ответил бы на все вопросы. Вместо этого Фуст громко сказал:

— Все вы обманщики и трусы, бродяги, клятвопреступники! Ты тоже вместе со всеми! Ты тоже скажешь, ехать нельзя.

— Ехать нельзя! — как эхо, ответил Умар-Али.

— Почему? Тысяча дьяволов, почему нельзя?

— Потому, что ждут обвалов с часу на час. И большой воды. Посмотрите на реку. Она уже непохожа на себя. Ехать нельзя.

Фуст стоял, переминаясь с ноги на ногу. Порыв злобы охватил его.

— Ты поедешь! Ты поедешь, хотя бы небо опрокинулось на землю! Я прикажу тебя бить, пока из тебя не выйдет твой поганый дух. Все равно, и мертвый ты поедешь! Я тебя посажу за руль и мертвого... Где Фазлур?

Непроницаемое лицо перед Фустом корчит какую-то гримасу. Или это игра теней?

— Где Фазлур?

— Фазлур в своем доме! — сказал Умар-Али.

— Где он, где его дом? — закричал вне себя Фуст.

— Я не знаю, где его дом. Спросите у народа. Тот скажет. Я только шофер. Народ вам скажет: Фазлур вернулся к своему народу, сагиб.

А! Почему нельзя тут же убить этого человека? Фуст молча повернулся и медленно-медленно, не глядя под ноги, начал подниматься к себе. Луна зашла за тучи.

Река непохожа на себя, сказал Умар-Али. Что значит: похожа или непохожа? Вода в ней тяжелая, как ртуть, но не ртутного цвета, она темнокоричневая, бронзовая какая-то. Фуст вошел в дом, снова лег, сунув пистолет под мешок, который служил ему вместо подушки. И сон принял его на свои легкие руки.

Эта ночь не имеет конца. Снилось ему или он действительно стоял сейчас в домике, где спал Умар-Али? Не хватает теперь, чтоб ему снова приснился Фазлур.

Он открывает глаза. Это настолько неожиданно, что он садится на кровати. Луна светит так ярко в окно, что не надо свечи. Перед ним стоит Фазлур. В белом сиянии луны он такой же, как и днем. Давно знакомый Фазлур. Его-то и не хватало. Его, наверное, отыскал со страху шофер. Это хорошо. Значит, страх еще существует... Ну что ж, поиграем... Это ты, Фазлур?

— Это я, Фазлур.

Тогда Фуст начал тихо хихикать:

— Ты привел эту девчонку? Где она? Ты не ушел к своему народу, как сказал этот дурак сейчас?..

— Какой дурак вам это сказал?..

— Твой дорогой приятель, с которого я сниму шкуру, Умар-Али... Дурак Умар-Али...

— Он не дурак... Я его не видел...

— Что же ты сам пришел? Гадалка-ведьма сказала, что я тебя зову и жажду видеть?

— Нет, я пришел сам. Ни шофер, ни девушка мне ничего не говорили. Я пришел поговорить с вами. Теперь я знаю все. Мой путь пришел к концу, и я хочу поговорить с вами первый раз за всю дорогу, так как больше нам не придется разговаривать.

Я пришел поговорить о моей стране, о моем народе, о себе и о вас. Я знаю все: вы не те, за кого себя выдаете. Вы велели арестовать Арифа Захура. По какому праву вы, чужой человек в нашей стране, это могли сделать, я не знаю. Вы погубили своего друга Найта на горе Белое Чудо. Из-за вас погибло трое храбрецов, пожертвовавших жизнью, чтобы спасти чужого им человека во имя человеческого чувства. Вы трус: вы бросили носильщиков в снежной пустыне, чтобы спастись самому... Сегодня вы испугались, я видел, как вы испугались слов простой горской девушки, которые я говорил за нее! Вы поверили ее гаданью. Вас свела судорога от страха.

Я знаю, кто вы и зачем идете на Барогиль и дальше. Я узнал все от людей Уллы-хана. Те, кого вы ждете, погибли, но мне их не жаль, потому что они были подобны вам. Я не знаю всего грязного и кровавого, что вы сделали в своей жизни, но я презираю вас и хочу спросить: зачем вы приходите в нашу страну, к моему народу, чтобы проливать кровь и сеять недоверие? Не думайте, что мы доверчивы и беззащитны. В этих горах знают, что такое храбрость и что такое оружие. В Читрале лучшие мастера делают оружие для храбрецов. У нас так же легко исчезнуть человеку, как камню, упавшему в реку. Я бы мог сделать, чтобы эта ночь была вашей последней ночью на свете, но я не хочу. Я скажу больше: я хочу, чтобы вы ушли из нашей страны и больше в нее не возвращались. И последнее, что я хочу сказать: не надо вам ехать завтра. Завтра ждут обвалов и наводнения. Я говорю это потому, что не хочу вашей гибели, которую вы трижды заслужили.

Фазлур видел, как Фуст во время его речи, не поворачивая головы, судорожно шарил рукой за мешком, лежавшим в головах, потом резко приподнялся, когда Фазлур кончил говорить. В то же мгновение Фуст снова услышал спокойный голос горца:

— Сидите. Вы ищете ваш пистолет, вот он. Я взял его, когда вошел и вы спали.

Фазлур протянул ему пистолет. Фуст, как лунатик, схватил его и сказал злорадно:

— Стой! Ты сказал свою последнюю речь, а не я. Пусть эта ночь будет для тебя последней.

Сухо щелкнул курок. Фазлур открыл дверь и ушел. Дверь еще шаталась от толчка, когда Фуст выхватил из заднего кармана брюк новую обойму, перезарядил пистолет и подошел к окну. Оно распахнулось с сухим треском.

Он стал целиться в камни, ожидая, что появится Фазлур. Ему показалось, что какая-то тень скользнула меж камней на тропе. Он выстрелил. Эхо выстрела раскатисто повторили горы.

Но река ревела сильнее. Бурая грива ее вспухала все выше. Полицейский даже не пошевелил бровью во сне. Англичанин повернулся на другой бок. Гифт вошел в комнату и оглядывался с некоторой растерянностью.

— Гифт, не пугайтесь. Вы думали, что я застрелился? Так вот взял и выстрелил в себя. Нет, Гифт, давайте говорить, как мужчины. Мы окружены врагами, и я был прав. Улла-хан нас предал...

— Какая ведьма во сне вам это нагадала?

— Не ведьма, дорогой Гифт. Там, где вы сейчас стоите, стоял только что наш дорогой Фазлур, и он сам это сказал мне. Я стрелял в него и не попал. Он умеет бегать от пуль. Колдунья его заворожила.

Он рассказал про посещение Фазлура и про его прощальные слова.

— И вот теперь действительно скажите мне: если вы ставили на Уллу-хана и он нас предал, что вы скажете в свое оправдание, Гифт? Я вам не верю, Гифт, я вам больше не верю! Может быть, все это подстроено вами? Почему вы так спокойны? Вы давно точите зуб против меня. Вы хотели моей гибели и подстроили все это?

Гифт посерел, как его штормовая куртка. Глаза Гифта стали темными, как будто провалились и смотрели из какой-то далекой глубины. Он прохрипел придушенным голосом, точно кто-то сжал ему горло:

— Вы всегда думали, Фуст, что только вы такой сильный, а Гифт всегда такой слабый и ничтожный. — Тут он сделал дикую гримасу и сказал, растягивая слова: — «Все Гифты бездарны. Все они эгоисты и предатели. Не будите его». Я все слышал. Вы думали, что я не слышал, как вы укладывали ворованное богатство в ящики в Равальпинди, потом спали с этой стервой, которую я всегда презирал. Я не хотел говорить об этом, но сегодня вы меня вынудили.

Фуст долго молчал. Потом он начал говорить прерывающимся голосом, и Гифту показалось, что он сейчас заплачет. Но он не заплакал. Он сказал:

— Никаких богатств не было. Там были камни, не имеющие никакой ценности, простые, как булыжник...

— Не пробуйте меня обмануть, Фуст. Может быть, мы сегодня с вами умрем. Все бывает. Не хитрите хоть в последний момент.

Фуст улыбнулся, но полумрак помешал Гифту увидеть эту улыбку. Голос Фуста окреп, стал звучным и бодрым:

— Вот что, Гифт, вы сказали настоящие слова, единственные, может быть, за эту ночь. Может быть, мы сегодня с вами умрем. Это так. Нам выхода нет. Это ловушка. Ее подстроили ловкие руки. Может быть, мы сами ее создали. Не будем больше ни о чем говорить. Мы облегчили, как могли, наши души. Сейчас я хочу подытожить нашу беседу. Я верю вам, Гифт, я верю, — не знаю, почему, — что Улла-хан нас не предал. Это ловкий ход Фазлура. Я верю, что наши друзья живы и мы еще насолим нашим врагам.

Англичанина будить не надо. Что толку в нем! Он спит, как мертвый. Пусть спит. Он все проспал, даже Индию, даже самые последние трущобы в этих диких горах. Я был бы рад, если бы у него этой ночью украли лошадей и ему пришлось бы идти пешком в Читрал. Гифт, мы живы, мы бессмертны! Мы знаем все! Только вперед! Вы согласны?

Гифт смотрел, прищурившись, втянув голову в плечи. Он сказал:

— Согласен.

Фуст добавил:

— Речь Фазлура была объявлением войны. Да здравствует война! Давайте выпьем за это! Я готов спеть с вами первый раз дуэтом, как это вы поете:

В старой, доброй стране,
Там я жил, как во сне...

Страна-то оказалась злой...

Они достали виски, налили стаканы, выпили, и то ли от нервного переутомления, то ли от усталости, но они не заметили, как уснули, где сидели.

Они проснулись, когда было уже позднее утро. Свет проникал в комнату, и было ужасно холодно. Они недоумевающе смотрели друг на друга. Потом разом поднялись.

Они вышли из домика. Холодные скалы громоздились над ними. К грохоту реки присоединялся какой-то отдаленный гром, как будто далеко-далеко перекатывалась гроза... Они пошли к домику, где ночевал Умар-Али.

— Странно, что нигде нет англичанина, — сказал Гифт, — он сбежал спозаранку.

— Ему стыдно за вчерашний пьяный разговор, — ответил Фуст, — но я думал, что мы хоть наступим на этого идиота полицейского, который спал у нас на пороге. Но и его не видно. Хорошо, что машина внизу.

Да, машина была внизу, и около нее возился Умар-Али.

— Умар-Али, где все?

— Все ушли, — сказал шофер таким обычным тоном, как будто все, кто был в деревушке, отправились на прогулку перед завтраком.

В его голосе не было намека на усмешку. Он стоял подтянутый и строгий, как всегда. Можно было подумать, что не было этой кошмарной ночи.

— Пойди собери вещи и принеси все в машину, — сказал Фуст, — и поживей! Ты видел, когда они уехали?

— Да, они уехали все вместе: англичанин, вестовой, полицейский, — как только рассвело.

— Они ничего не говорили тебе?

— Со мной им говорить было не о чем. Но полицейский сказал, что мы увидимся вечером в Читрале у ламбадара.

— Да? Так он сказал? Хорошо, иди и возвращайся поскорей.

Пока шофер переносил вещи и укладывал в машину, Фуст и Гифт смотрели на реку, тяжелые, мутные, желтые воды которой как будто вспухали на глазах.

Они стояли и прислушивались к грохоту, который, казалось, шел откуда-то сверху и глухо рос. Он уже перекрывал рев реки и существовал совершенно отдельно.

Они не заметили сначала, что Умар-Али тоже прислушивается к этому все приближающемуся грохоту. Казалось, что где-то в горах идут тяжело нагруженные поезд за поездом.

Оглянувшись, Фуст увидел стоящего с озабоченным лицом шофера.

— Все убрано? — спросил Фуст.

— Все убрано. Все готово.

— Скоро поедем.

— Хорошо бы ехать скорей. Все уже ушли.

— Почему они ушли?

— Всегда уходят, когда ждут беды...

— А ты боишься? Чего же ты не ушел?

— Я не боюсь. Я думаю, что мы поедем тоже, пока есть время.

— Куда же, по-твоему, мы поедем?

— В Читрал.

— Ты смеешься. Мы поедем вперед.

В лице шофера не изменилось ни одной черточки. Только глаза стали какими-то узкими и по-ястребиному заблестели.

— Я не поведу машину, — спокойно сказал он.

Фуст отступил на два шага.

— Ладно, — сказал он. — Я поведу сам. — Он подмигнул Гифту. В руках у Гифта шофер увидел пистолет. Пистолет был направлен на него. — Ты сядешь сзади и будешь вести себя тихо, — сказал Фуст, — или... — он взмахнул рукой и пошел к машине.

Когда Фуст влез в нее и Гифт велел жестом шоферу идти, тот покорно сделал три шага, обернулся, стремительным ударом вышиб пистолет из руки Гифта, подхватил его и побежал по холму к отвесному гладкому выступу, стоявшему над дорогой.

Гифт остановился и смотрел ему вслед, не зная, что делать, потому что совсем рядом раздался такой удар, как будто упал многоэтажный дом и разбился на куски и земля раскололась.

Грохот перешел во всеоглушающий рев, и там, за последним верхним домиком, начало расти и вспухать что-то бесформенное, коричневое, и это непонятное выросло в стену, которая обрушилась вниз, и за ней появилась другая коричневая стена. Гифт побежал к той отвесной скале, куда уже добегал Умар-Али. Он не знал, почему он бежит. Его гнало такое чувство страха, которое лишает человека всякой сообразительности и не дает ему остановиться. Он только знал, что сзади него мир рушится. Там что-то бесновалось, неслось, грохотало, и этот грохот потрясал все его существо. Он скользил по сухой траве, падал, снова подымался и бежал. Он видел, как на скале показались человеческие фигуры, и Умар-Али сбросили длинную веревку, шофер ухватился за нее. Его втягивали наверх. Одна мысль была у Гифта в голове: если ему не сбросят веревку, то это конец. Ему казалось, что страшная волна грязи, камней, воды накрывает уже его с головой. Он задыхался. Сердце билось, казалось, поперек горла.

Он лез на четвереньках последние метры к этому шершавому отвесному уступу. Высоко над ним стояли люди. Что-то ударило его по плечу так, что он вскрикнул. Это была веревка. На ее конце была петля. Он накинул ее себе на грудь, пропустил под руки и прислонился к скале. Его втянули сильные руки лю-

дей на скале. И когда он увидел, что рядом с ним стоят Фазлур, Умар-Али и неизвестные ему люди в крестьянских одеждах, он хотел что-то сказать, но все они смотрели вниз широко раскрытыми глазами, и он тоже повернулся и замер.

Там, где стояли домики, подымались и дышали, как живые, волны коричневой грязи, в которой то появлялись, то исчезали огромные камни, куски скал, одинокие стволы деревьев, вертевшиеся между камней. Казалось, что коричневые волны перетирают камни, как орехи, и грохот этого перемалывания висел в воздухе. Прорвавшаяся вниз часть грязевого потока и вода реки встретились на дороге, и в их сшибке, в неимоверном всплеске пены мелькнула несколько раз черная машина, которая разрезала эту массу и углублялась в нее, как подводная лодка, погружающаяся в бездну моря. Потом над черным верхом машины навис новый коричневый вал и упал всей тяжестью вниз, закрывая ее. Воды реки, как будто их подстегнули гигантским бичом, уже буйствовали на дороге, и смешение камней, грязи и воды с могучей силой и стремительностью рождало все новые и новые грохоты. С особым звуком разорвался и пополз вниз по скале тот кусок горы, на котором стояли домики. И когда сползшая земля и камни упали в кипящую воду, река всплеснулась так, что пена долетела до стоявших на скале.

Все кругом было необыкновенно и удивительно. Верхушки скал порозовели и потеплели. Но все кругом неистовствовало, и сверху по тропинкам бежали к обрыву крестьяне, чтобы увидеть, что происходит внизу. Они давно ждали этого, но никогда не могли представить себе всю невероятную картину обвала и наводнения. И когда они стояли на обрывах и смотрели в кипевшую под ними пропасть, ими овладевал страх. Они садились на камни, у них подкашивались ноги, женщины вскрикивали и хватали друг друга за руки. Дети плакали, собаки выли.

Но глаза Фазлура, Умар-Али, Гифта и всех, кто был на склоне, упорно возвращались к тому месту, где была машина Фуста, и это место уже нельзя было найти в клокотавшем и постоянно изменявшемся движении могучего грязевого потока, в который непрерывно сверху прибавлялись новые волны жидкой грязи, новые камни, ударявшие друг о друга, а кругом обваливались скалы и вверх били огромные фонтаны бешеной воды, и казалось, этому не будет конца.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Был очень жаркий вечер. Фазлур и Нигяр сидели рядом на окне и слушали, как дышит вечерний город, где жаждут глотка прохлады люди и животные. Едва заметная влажность, предвещавшая конец сухой жары, ощущалась в воздухе, и все знали, что скоро придут дни, когда теплые дожди хлынут на иссохшую землю и она напьется досыта влаги. Но сейчас даже свистки и гудки маневрирующих на станции паровозов и звонки велосипедистов, разукрашенных тонг и дребезжащих экк[1], несущихся педикапов и резкие, дребезжащие сигналы трамваев звучали с особенной сухостью.

В черном море крыш и тяжелой листвы светились острыми разноцветными огнями базары. И люди, несмотря на жаркий, душный вечер, двигались большими толпами, и шелест шагов издалека казался рокотом набегающих на низкий берег волн. Торговцы и покупатели, разморенные жарой, все же склонялись над материями, казавшимися в ярком свете лавок особо заманчивыми и красивыми. Жарко блистали украшения — все эти браслеты, кольца и ожерелья, перед которыми останавливались женщины, молодые и старые. К начищенным до ослепляющего блеска медным блюдам и кувшинам нельзя было притронуться, они казались раскаленными. Красные и желтые, оранжевые и зеленые воды в бутылках не приносили облегчения, сколько бы их ни пили. И там, где пекли, варили, жарили на улице, где стояли облака пара и слышались лязг ножей и стук черных котелков, сковород и чашек с дымящейся пищей, тоже толпился народ, оглушаемый криком продавцов, предлагавших попробовать горячих блюд, горьких и сладких. В пыльной мгле поднимались к небу толстые двухохватные стволы фикусов. Со старых чинар с шершавым шорохом слетали листья. Тополи в садах казались завернутыми в черные запыленные чехлы. Пыльные пальмы в зеленом воздухе вечера были словно вырезанные из металла. Тамаринды, как слоны, спали, прижавшись друг к другу.

На траве бульваров, в кафе на открытом воздухе, в садах, на крышах старых домов, на окнах и скамейках, на берегах арыков — всюду сидели люди, отдыхали и делились разными городскими новостями, и хороших рассказчиков слушали с таким же вниманием, с каким Нигяр слушала вернувшегося только что Фазлура. И хотя она уже говорила с ним днем, но теперь он рассказывал по порядку, потому что ему самому доставляло странное удовольствие шаг за шагом проходить этот недолгий, но длинный путь от прощального поцелуя Нигяр в рассветный час за будкой с бензиноколонкой до расколовшегося мира, в гневе своем погубившего человека, которого старый охотник назвал оборотнем.

Нигяр слушала его, и ей было радостно и страшно представлять себе Фазлура среди тех опасностей, которые ему угрожали. Она виде-

[1] Экка — легкий экипаж.

ла этот додж, управляемый безумцем и мчавшийся навстречу безумцу, искавшему гибели; женщину, явившуюся ночью, как привидение, полное угроз; путь по обваливающейся дороге над пропастями. В ее ушах жил грохот стихии, валившей скалы, рев разъяренной реки, сметавшей с лица земли все живое.

Фазлур выносил все на ее суд, и сердце Нигяр, как настоящий прокурор, хотело, чтобы не оставалось никаких неясностей.

Она следовала мысленно за Фазлуром по бесконечной Пенджабской равнине, по берегам Инда и Кабула, взбиралась на Ловарийский перевал, удивлялась миру вершин и старому пилигриму, искателю народной правды, воину классовых битв, нестареющему горцу.

Ей хотелось знать, что было с теми, кто пробирался оттуда, из далекого китайского мира, бежал в страхе перед революцией, какая судьба их постигла.

— Это были такие же, как Фуст, оборотни,— сказал Фазлур.— Под видом дружбы с китайским народом они заключили союз со всеми бандитами, проливавшими кровь крестьян Синцзяна, их путь залит слезами и кровью многих жертв. Они бежали от суда народа, но суд все равно свершился...

— Их схватили? — спросила Нигяр. — Кто же их судил?

— Их судили горы. Каракорум! Это строгий и суровый судья. Они попали в снежную бурю и замерзли в снегу. Их трупы нашли на перевале караванщики, шедшие из Яркенда в Вахан. Об этом есть уже в газетах и есть официальное сообщение государственного департамента, поскольку они были американцы.

— А что случилось с Гифтом после того, как ты его спас? Он не мог донести, чтобы тебя потом обвинили в смерти Фуста?

— Ну, видишь, Нигяр! — сказал, рассмеявшись, Фазлур, и от всей его фигуры повеяло такой молодостью, спокойствием и силой, что и она засмеялась и погладила его руку. — Не знаю, успел ли сказать Фуст про мой разговор с ним о том, что я о них думаю, но приписать мне все, что случилось утром в ущелье, — значит возвести меня в божественное достоинство. Гифт вел себя как человек, который благодарен мне за спасение, но, потрясенный происшедшим, нуждается в отдыхе. Мы доставили его в Читрал и там с ним расстались, я думаю, навсегда. Мне только жаль, что он не разделил судьбу Фуста в тот момент, когда начался конец мира. Я отправился домой повидать своих, а Умар-Али благополучно добрался до Лахора. Он сначала шел до Дира, я знаю, с караванщиками, которые возвращались от подножия Тирадьж-мира, куда пришли с норвежцами-альпинистами, неся их грузы, а от Дира на попутной машине до Малаканда, дальше уже было легче. Ламбадар дал ему справку о гибели машины, и об этом уже известно из газет.

Нигяр задумалась. Она сидела молча, как бы прислушиваясь к звукам города, невидимого в душной темноте вечера.

Потом она сказала:

— А та девушка-предсказательница, была она красива?

— Да, она была красива, настоящая читральская горянка: мягкие длинные каштановые волосы, дерзкие глаза, дерзкий язык. Я не думал, что она окажется такой предсказательницей.

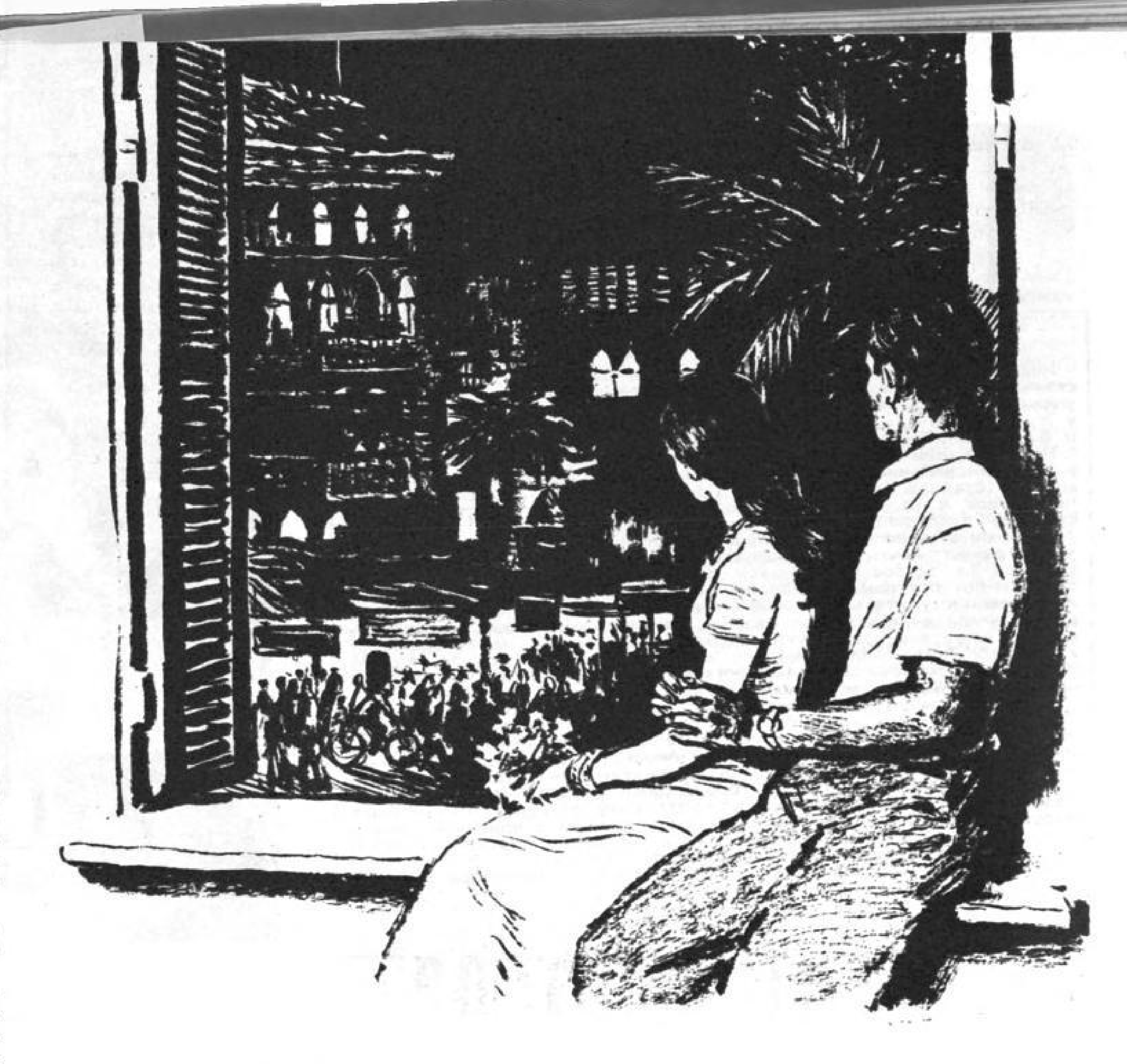
— Предсказателем был ты, — сказала мягко Нигяр. — Эта сцена была, как в кино, не правда ли? Темная комната, свеча, девушка наклонилась к руке. А откуда ты взял, что гадать надо на саже?

— Это старый народный способ. В Индии наливают на ладонь чернила, у нас гадают на саже. Но, конечно, это только обман, и это старина. Девушка не знала уже такого гадания. Она вообще не умела гадать.

— Она ждала тебя на тропе?..

— Да, она привела меня к своему отцу, который рассказал об опасности, угрожавшей нам, пошел вместе с девушкой и со мной, указал на ту скалу, где можно спастись, если поток ринется с горы и река выступит из берегов. Я уговорился с Умар-Али, что если они не согласятся ехать в Читрал обратно и что если будет наводнение, то с этой скалы я брошу ему веревку, хорошую, толстую веревку, которую мы возили с собой...

— Но ты, значит, взял у Фуста его веревку? — спросила Нигяр.

— Нет, это не была альпийская веревка Фуста, это была веревка, которую Умар-Али всегда берет в горы.

Он кончил свой рассказ, и они сидели и смотрели на движущиеся, как на сцене, огни большого Лахора и слушали шум голосов вечера. Откуда-то долетали приглушенный смех и песня. Им было хорошо так сидеть, как будто они были на высокой горе, и внизу шла жизнь, которую они могли окинуть взглядом, жизнь, которую ничем нельзя было остановить, как тот поток, сломавший каменные преграды и вырвавшийся на свободу.

— Как разумна, как удивительна могла бы быть жизнь! — сказала Нигяр.

— Если бы ты видела детей Свата, сидящих на земле и с широко открытыми от восхищения глазами слушающих учителей, ты бы порадовалась. Ты, как и я, знаешь нашу богатую и нищую страну. Сейчас, кажется мне, пришла пора, когда уже ясно многим, что довольно нашему народу ходить с завязанными глазами за чужим поводырем, точно наш народ в самом деле слепой...

Нигяр прижалась к нему плечом и сказала горячим шепотом:

— Когда у нас будет сын и мальчик вырастет, тогда ты возьмешь его с собой, пусть он пройдет все тропинки и дороги на равнине и в горах, которыми ты когда-то ходил в своей молодости. Но когда он вырастет, жизнь будет совсем другой, и ты сам не узнаешь дорог своей молодости, так они изменятся. Посмотри, как хорош наш любимый город!

Они смотрели, и перед ними в черной зелени садов переливались огни Лахора, как будто в черном бархате неба плавали звезды или в озере черного вина вспыхивали и гасли золотые, синие, зеленые, белые искры.

— Если бы меня навсегда изгнали из Лахора, из страны, — сказал Фазлур, — я поселился бы по ту сторону границы, в деревушке, на ближайших к границе холмах, чтобы каждый вечер смотреть, как горят и переливаются огни Лахора вдали, в темноте ночи.

Ночь наступала. Затихали базары, закрывались лавки, с улиц уходили толпы, таяли огни в домах и на улицах. Город отходил ко сну, засыпали люди и животные в караван-сарае, засыпали сады и дороги, засыпали путники на дорогах, чтобы с первыми лучами продолжать свой путь.

Нигяр и Фазлур смотрели в эту жаркую, пропитанную иссушающими запахами сладковато-душную тьму, и на ней, как на экране, мелькали сонные, тихие видения прошедшего дня.

Они видели и маленького Азлама, сидящего за книгой в этот час, мальчика с глазами мудреца и добрым сердцем; старую Мазефу, которая укачивала чужого младенца, родившегося в эту ночь; и в далеком маленьком городке, затерявшемся в предгорьях, Арифа Захура, пишущего в этот поздний час о своем народе, который прошел тысячелетний путь и теперь хочет жить по-другому, как живут сильные и свободные люди.

В горной глуши, в домике дорожной службы, спал старый дорожный специалист — маленький англичанин Риклин, во сне бормотавший какие-то бессвязные слова о наводнениях и мостах. Ему снилось, что он без конца строит мосты — и река сейчас же сносит их, он строит новые — и река гневно обрушивает их. Яростная пена реки летела ему в лицо, он хотел закрыться от нее, хотел поднять руку и не мог. Он мучился этим кошмаром, беззвучно кричал во сне и не мог проснуться.

Спал, сидя в самолете, уйдя глубоко в откинутое кресло, усталый пассажир по имени Генри Гифт. Самолет шел над морем. Внизу, в бездонной бездне, мелькали красные и белые вспышки маяков, в самолете была сонная, мягкая мгла, свет был потушен. Генри Гифт летел на Запад, и тело его проносилось с громадной скоростью через темные небесные пространства, как мертвый тюк, неподвижный и лишенный сновидений.

И глубоко под грудой скалистых обломков и валунов, над которыми проносилась неистовая, бешеная вода, швыряя вверх пригоршни взмыленной пены, лежало то, что осталось от Джона Ламера Фуста, любителя природы, участника многих экспедиций, члена Гималайского клуба, сотрудника известного географического журнала.

Горная ночь, холодная, серебряно-зеленая, над которой возвышалось ледяное тусклое сияние дикой громады Тирадьж-мира, стояла над бегом безумной реки, как бы хотевшей своим непрерывным грохотом заглушить все слова, которые он мог бы сказать, проснувшись, Джон Ламер Фуст. Но он уже не мог проснуться.

1953—1955.

О НАБОЛЕВШЕМ

Недавно в редакции «Огонька» состоялось совещание учителей, представлявших 28 московских школ. Одна из тем разговора — система учета успеваемости учащихся, о коренных пороках которой писали в № 22 «Огонька» («Бухгалтерия» в педагогике») тт. А. Т. Мостовой и П. Е. Халдей — руководители 330-й московской школы.

На совещании говорили о состоянии политехнизации, для которой в большинстве школ еще не создана удовлетворительная база: недостает станков, инструментов, приспособленных к возможностям подростков и раннего юношеского возраста. Остро чувствуется отсутствие квалифицированных педагогов-специалистов.

Педагоги отмечали, что проведенное частичное сокращение учебных часов делает почти невозможным выполнение планов, сильно отражаясь на здоровье учащихся. Выступавшие указывали, что при составлении программ, учебников и учебных пособий игнорируются предложения учительских коллективов, не учитывается опыт передовых учителей-практиков. Резкую критику участников совещания вызвал опыт ежегодных учительских конференций, на которые органы народного образования не выносили до сих пор ни одного творческого вопроса школьной жизни. Широко обсуждалась на совещании практика воспитательной работы.

Редакция вынуждена отметить, что деловой тон обсуждения чуть было не нарушило «директивное» выступление инспектора Мосгороно тов. А. З. Лобанова, посчитавшего своей обязанностью поучать присутствующих, как и о чем они имеют право говорить. Повидимому, привычка к казенным «подытоживаниям» итогов учебного года не позволила работнику гороно даже представить себе право педагогов критически оценить и по-деловому обсудить, что мешает работе школы. Его «окрик» в адрес выступающих с критикой привел к тому, что некоторые товарищи после заседания просили не печатать их речей, опасаясь последующей «проработки».

Ниже публикуется одно из выступлений — речь директора 96-й московской школы Александры Герасимовны Деминой.

В РАБОТЕ УЧИТЕЛЯ

После экзаменов. А. Г. Демина среди своих учениц.
Фото Г. Санько.

Когда я получила приглашение «Огонька», у меня возник было вопрос: а для чего это нужно? Слишком часто мы говорим о недостатках школьной жизни, а положение во многом остается тем же...

Мне хочется остановиться на состоянии учебного процесса. Мы строим его по программам, которые наши питомцы не в состоянии полностью освоить. Перегрузка программ пагубно влияет на здоровье школьников. Все знают о перегрузке программ, знают об этом и дети. Можно ли требовать от учеников отличной успеваемости, если они заранее убеждены, что сделать это не смогут? Вот почему многие учатся на тройки: только 35—40 процентов учащихся имеют отличные и хорошие отметки. И с этим мирятся все: и учителя, и ученики, и родители. Будучи не в состоянии осилить программу, многие ученики пользуются шпаргалками, списывают, обманывают учителя.

Наши дети долгие годы не видят весны; весна для них — это пора экзаменов. Нам, директорам, учителям, надоело слышать рассуждения о невозможности сократить ту или иную программу, хотя сделать это можно без ущерба. Сокращение программ возможно прежде всего за счет устранения повторений, лишних материалов, за счет более тесной связи одного предмета с другим.

Тяжелые условия созданы для учителя и тем, что в классе по 45 учеников. Считают, что на этом экономятся государственные средства, но почему-то никто не интересуется, во сколько обходится каждый второгодник государству. Если бы в классе было 30, а не 45 учеников, можно было бы значительно улучшить учебно-воспитательную работу. А в нынешних условиях учитель не может по-настоящему заниматься воспитанием. Он одержим одной мыслью: выполнить программу, спросить, переспросить, провести дополнительные занятия.

Некоторые учителя вынуждены жить по такому правилу: «Если у вас будет много неуспевающих, вас будут «склонять» на каждом совещании, но не добивайтесь и высокой успеваемости — вас будут «изучать»! И дети понимают хорошо, что двойка бьет по учителю, а не по ученику. Ученики любят говорить: «Нас плохо учат». Они усвоили, что «нет плохих учеников, а есть плохие учителя».

При существующих программах учителю нет времени заглянуть в душу ребенка, познать его внутренний мир. И иной педагог придерживается такого мнения: хороший ученик — это тот, который никого не беспокоит, не совершает явно хулиганских поступков и не имеет двоек. Но что у него в душе?! К нам в 9-й класс пришел из другой школы ученик Ш. Он произвел сначала хорошее впечатление: воспитан, начитан, приятной внешности. Через некоторое время мы узнали, какая гаденькая душонка у этого начитанного и «воспитанного» юноши. Он сам может блестяще решать задачи, но другим будет мешать слушать, он будет разглагольствовать о благородстве, а в классе девочкам говорит невозможные гадости. Здесь речь идет не о том хулигане, которого надо немедленно исключать из школы. Здесь мы имеем дело с учеником, который прячет гаденькое нутро за внешним благополучием: «Я уроки готовлю, я не грублю, никого не бью, а все остальное не должно никого касаться».

У нас есть в 10-м классе ученик Миша Ц., ему 19-й год, рост— 180 см, вес упитанного взрослого человека. Все парты ему малы. Он сидит в классе развалившись, во время урока алгебры учит историю, а на истории занят немецким. На одном из уроков учительница делает ему замеча-

ПОКОНЧИТЬ С «БУХГАЛТЕРИЕЙ» В ПЕДАГОГИКЕ

Учителя ждут слова министра

В редакцию продолжают поступать отклики на письмо тт. А. Мостового и П. Халдея «Бухгалтерия» в педагогике», опубликованное в № 22 журнала «Огонек».

Учителя в своих письмах в редакцию не одиноки: отклики приходят и от родителей, кровно заинтересованных в создании настоящей дисциплины в школе, в повышении качества обучения. Публикуя некоторые из полученных нами писем, редакция полагает, что министр просвещения РСФСР тов. Афанасенко, министры других союзных республик выскажутся по затронутым вопросам.

И у нас основным мерилом качества работы школы и учителей до сих пор является процент. Чтобы в этом убедиться, посмотрите форму отчета за учебный год, где почетное место занимает графа, требующая указать процент успеваемости по классу и по школе в целом. Скоро начнется августовское совещание учителей, и снова докладчики будут оперировать процентами. Давно пора покончить с вредной процентоманией!

Учитель 65-й средней школы И. ЦЫС.

Запорожье.

Статья заставляет серьезно задуматься о необходимости коренной перестройки учебно-воспитательной работы в школе. Но вот беда — откуда ее, эту перестройку, ждать? Годами приучали школьных работников рассчитывать только на — пусть запоздалые — инструкции сверху.

Учитель биологии Г. ЖАБИН.

Магнитогорск.

«Бухгалтерия» в педагогике раскрыта правильно. Нас давно возмущало, что педагога разными способами вынуждали «натягивать» процент успеваемости. Под нажимом сверху и мы иногда не выдерживали.

Коллектив учителей Ринтальской семилетней школы.

Карело-Финская ССР.

А вот мы попробовали в нынешнем году обойтись без «процентных натяжек». Естественно, что это отразилось на общем проценте успеваемости. Наш педагогический коллектив не будет уже в первых рядах, когда отдел народного образования выстроит, согласно традиции, все школы района «по проценту». И все же наша школа, большинство наших учителей работали нисколько не хуже других школ, очутив-

ние: «Когда вы начнете заниматься делом? Неужели вам не стыдно?..» Тогда он отвечает: «Вы, кажется, отвлеклись от темы». И еще возмущается, что подобные его поступки обсуждают на педагогическом совете.

В наших школах, к сожалению, немало еще учителей, которые работают плохо, формально, бездушно относятся к детям. Есть в школах и такие учителя, про которых товарищи Мостовой и Халдей писали в «Огоньке»: «Не поднимается рука» подписать положительную характеристику на такого педагога, хотя он проработал десятки лет в школе. Проработал он долго, но плохо, а ему за стаж дают орден.

Сколько раз мы говорили, что выпускники педагогических институтов приходят к нам слабо подготовленными. Они плохо знают программу средней школы и порою наравне с ребятами «изучают» законы физики, решают сложные алгебраические задачи. Многие выпускники педагогических вузов понятия не имеют о воспитательном процессе, допуская грубейшие ошибки.

О дисциплине. Нельзя дальше мириться с безответственностью многих школьников за свои поступки. Вот пример: десятиклассники 593-й школы договорились убежать с урока; все убежали, а один остался. На следующий день ребята разбили ученику, оставшемуся в классе, голову. Пострадавшего отправили в больницу. Виновных исключили из этой школы... и устроили в другую, где они получат аттестат зрелости с отличной отметкой за поведение. За все безобразия великовозрастных «детей» отвечает только директор школы: он, видите ли, не смог разъяснить, что десятиклассники не должны так плохо вести себя.

Разве можно воспитывать у школьников ответственность за поведение, если они знают, что все равно не они, а мы, учителя, за них будем отвечать? Всем ученикам, оканчивающим школу, мы даем аттестат зрелости и пишем: «при отличном поведении». А далеко не все заслуживают отличную отметку за поведение. Но у нас нет другого выхода. Поставив «4» за поведение, мы лишаем юношу аттестата зрелости, а попробуй хоть один директор сделать так, кончится плохо. Поэтому и пишем мы: «отличное поведение»,— а надо было бы справедливо и верно оценить уровень дисциплины и все же аттестат зрелости дать.

Школьникам необходим ученический билет с фотографической карточкой — пусть всегда носят при себе. И если вне школы — в театре, кино или на улице — ученик плохо себя ведет, свидетель этого может отобрать у него билет, передать в школу, и школа лишит его права посещать театр или кино. Но ничего подобного у нас нет.

Надо поставить вопрос и о родителях. Нельзя говорить о воспитании молодежи в отрыве от семьи, от окружения. Нужно повысить ответственность семьи за воспитание детей.

шихся теперь в первых рядах. Когда же кончится это попирание прав честных и добросовестных учителей?

Директор Мордовско-Боклинской средней школы
И. ЧЕРКАСОВ.

Чкаловская область.

Я не согласен с товарищами А. Мостовым и П. Халдеем, когда они «не берутся утверждать», что в данном вопросе «производится нажим вышестоящих учреждений на коллективы школ». Ну как же не производится?! Почему учителей, протестующих против укоренившейся «процентомании», обвиняют ...в склоке или прямо и настойчиво советуют им избегать трений? Процентомания заслоняет от многих наших руководителей печальные явления в школе.

Воспитатель детского дома
А. ВЕСЕЛОВСКИЙ.

Одесса.

Чем объяснить, что руководящие работники народного образования никак не отойдут от оценки работы школ по средним процентам успеваемости? Ответ может быть один: очень легко высчитать проценты, но гораздо труднее проводить глубокую и квалифицированную проверку многогранной жизни школы. Да, пожалуй, на это у некоторых работников отделов народного образования не хватит не только времени, но и умения и знаний: на местах еще часто встречаешь слабых инспекторов, неумелых и неподготовленных руководителей дела народного образования.

Директор 59-й средней школы Н. КАРГИН.

Чувашская АССР.
Канаш.

Как бы плохо ни учился школьник, учитель по требованию педсовета в конце четверти начинает «подтягивать» успеваемость. Он предлагает: «Кто хочет исправить отметку, тех я спрошу завтра». И спросит так, что вместо двойки в четвертном табеле появляется тройка, а затем и за год — при отсутствии знаний — выводится в худшем случае «3».

Учителя П. ГУДИЯ,
Г. РУДЕНКО и В. МАЗУНОВ.

Геническ.

В клинике 2-го Московского медицинского института. У Клары Аветисовой тяжелое заболевание щитовидной железы. Лечение пчелиным ядом может избавить ее от операции.

На снимке: профессор Г. П. Зайцев (справа), заведующий хирургическим отделением Б. Г. Попок, профессор В. Я. Брайцев, врач А. А. Архангельский и доцент Н. А. Дымович.

Целебный яд

А. ГУРЬЯНОВ

Фото А. Гостева.

Село Ярополец

Только что закончилась гражданская война. Питомцы Московского университета супруги Александр Алексеевич и Ольга Тимофеевна Архангельские едут в Волоколамский уезд. В окне вагона проплывают веселые пейзажи Подмосковья. На душе радостно. Нет предела мечтам. Рисуются светлые палаты и благодарные лица исцеленных людей...

От Волоколамска до села Ярополъца, куда едут молодые врачи, не меньше двадцати верст. Лениво тянет телегу крестьянская лошаденка. Если бы не возница, седокам только бы и оставалось, что подсчитывать ухабы.

Ямщик с увлечением говорит о родных местах:

— Село-то наше знаменитое... Хорошее село. В старину одна половина у Чернышевых во владении находилась. Может, слыхали? Был при Екатерине Чернышев, Берлин брал. Другая половина к Гончаровым отходила. Меньшую дочку Гончаровых, Наталью, сам Александр Сергеевич Пушкин засватал... Владимир Ильич в гости к нам приезжал. А как вышло-то? Любопытно... Строили кашинские мужики электростанцию. Наши прослышали и тоже давай строить. На реке Ламе. Когда Ильич-то к кашинским приехал, мы к нему депутацию. Так и так, мол, не хуже мы кашинских. Приезжайте и к нам посмотреть. Рассказывали наши ходоки: Ленин улыбается, видно, доволен, руки потирает и в ответ слово дает. Обязательно, значит, буду. И что же? Сдержал обещание. Хоть и крюку дал, а приехал от кашинских.

...Вот и Ярополец. Правду говорил возница. Красивое село. Просторный дом Гончаровых, где побывал поэт, и липа под окном, и беседка на «Соловьином острове» целы...

Вот они, светлые палаты! Сбываются мечты. Но для лечебницы нет ни кроватей, ни белья, ни медицинского оборудования. А главное, нет медикаментов.

В те трудные дни не раз всплывала в памяти Александра Алексеевича картина детства.

...Пасека на родной Владимирщине. Дед колдует с дымарем возле улья. Внук, названный в честь деда тоже Александром, вертится тут же. Маленький Александр больше мешает, чем помогает. Но обоим хорошо. Они закадычные друзья.

Саша отбежал в сторону и тут же с криком повалился на землю. Он порезал себе ногу до кости.

Дед бросил дымарь, дал подзатыльника постреленку, чтоб смотрел под ноги, послал чертей в адрес растяпы, бросившего где попало косу, достал иголку с суровой ниткой, перекрестился и стал зашивать рану.

Мальчик закричал сильнее, а дед прикрикнул:

— Не ори!

Потом, смягчившись, дед заговорил:

— Не ори, чудак эдакий. Мать услышит — и тебе и мне попадет. Не больно? Ну вот... Поставим тебе вокруг ранки шесть пчелок, и все быстро заживет. Самого Ивана Грозного лечили пчелиным ядом от подагры. Так-то...

Боль утихла, и мальчик уже с любопытством спросил:

— Дед, а почему это? Бабушка говорит, пчелки святые...

— Бабка наговорит... У пчелки есть жало. А в нем ядок, да не простой, а целебный. От него ни одна рана не загноится. Люди давненько про это узнали. В древние времена солдаты, когда на войну уходили, брали с собой мазь из пчелиного яда. Поранят солдата, он помажет мазью, и рана быстро заживет. И у тебя скоро все пройдет. Ты погляди-ка: отчего это пасечники долго живут и редко хворают? Их нет-нет, да и ужалит пчелка. А есть такие хитрые—нарочно поддаются, чтоб ужалила. Заноют ноги — вот и лечатся.

Через неделю нога у Саши зажила.

Интересно рассказывал старый пасечник про пчел. Старик был грамотный, много читал, умел отличать правду от сказок и суеверий и все полезное записывал в толстую тетрадь. Куда девалась эта тетрадь? Как бы она пригодилась!..

При больнице села Ярополец возникла маленькая пасека. Пчелы стали помощниками молодых врачей.

Студенты слушают

Прошло тридцать лет. Эти годы Александр Алексеевич посвятил теоретическому обоснованию и клинической проверке методов лечения пчелиным ядом. Поставлены тысячи опытов. Излечены сотни больных.

Сегодня лекция.

На столе лежит стопка историй болезней, рабочих записей, писем больных.

Пальцы Архангельского, умелые и точные пальцы хирурга, перебирают листок за листком картотеку.

...Пожалуй, эту карточку стоит отложить. Артист С. Амплуа — герой-любовник. Его движения должны быть красивы, а он волочил ногу. Тромбофлебит — закупорка вен. Год лечения обычными способами не принес выздоровления, попробовали лечить пчелиным ядом, и через месяц артист вернулся на сцену.

...Гражданка А. 67-летняя женщина, сбитая грузовой автомашиной. Надежды на заживление большой раны почти не было. Решили лечить пчелиным ядом. Буквально на глазах от края раны начал образовываться эпителий. Через десять дней рана полностью затянулась молодой кожей...

А это кто?.. Балерина Р. Тоже интересный случай. Во время танца повредила ногу. Образовался нарыв. После вскрытия развилась незаживающая, все увеличивающаяся рана. Грозила ампутация ноги. Больную на самолете доставили из Уфы. Она была в крайне подавленном состоянии, в отчаянии говорила, что предпочитает лучше умереть, чем лишиться ноги.

Через три месяца ее имя снова появилось на театральных афишах. Ее спас целебный яд.

Одну из карточек Александр Алексеевич дольше всего держит в руках... Тяжелый был случай. Медики хорошо знают, что такое спондилоартрит. Ограниченная подвижность и острая боль в позвоночнике в течение пятнадцати лет причиняли невероятные страдания и в конце концов лишили больного трудоспособности. Упорное лечение пчелиным ядом сделало свое дело. Человек вернулся на работу, ходит на лыжах.

...Сопровождаемый студентами, Александр Алексеевич медленно идет между рядами коек. Свою лекцию он решил начать с демонстрации больных.

— Обратите внимание, — говорит Архангельский, подводя студентов к постели молодой девушки,— сейчас мы сделаем пробу, с которой всегда начинаем лечение. Дело в том, что не все одинаково переносят действие пчелиного яда. После ужаливания жало пчелы удаляется, и в организме остается не более десятой части яда одной пчелы... Этого достаточно, чтобы определить реакцию организма.

Александр Алексеевич берет пчелу за брюшко, прикладывает ее к телу больной. Доля секунды — и процедура закончена.

— Ну-с, а теперь перейдем в аудиторию.

Студенты стараются возможно полнее записать лекцию, но часто, увлекаясь, забывают об этом, руки и карандаши бездействуют.

Пчелиный яд — слегка желтоватая прозрачная жидкость с запахом, напоминающим аромат свежего сена.

Один пчелиный укус — это от двух до четырех десятых миллиграмма яда. Зазубрины на жале не позволяют пчеле выдернуть его обратно, жало отрывается вместе с железой. Мускулы жалящего аппарата продолжают сократительные движения в течение часа, и лишь за это время полностью опорожняется мешочек с ядом. В незначительном количестве целебный яд содержится во всех органах пчелы и в меде. Но пора уже выпускать его и в ампулах.

...Механизм воздействия пчелиного яда на организм человека недостаточно изучен, но собранный материал лишний раз подтверждает правильность учения И. П. Павлова о значении нервной системы в лечении различных заболеваний. Яд воздействует на мельчайшие окончания нервной системы в коже, это раздражение передается в центральную нервную систему, стимулирует кровообращение и обмен веществ. Это, в свою очередь, позволяет организму восстановить нормальные функции тканей. Внешним показателем воздействия яда является улучшение сна, аппетита, увеличение гемоглобина в крови, снижение уровня холестерина. Очевидно, поэтому пчелиный яд дает быстрые и хорошие результаты при лечении таких заболеваний, как гипертония, бронхиальная астма, увеличение щитовидной железы. Все это открывает большие перспективы в лечении сосудисто-склеротических заболеваний.

Клиническая практика не знает случаев обострения заболевания в результате лечения пчелиным ядом. Правда, лечение пчелиным ядом противопоказано при нефритах и сахарном диабете. Но и это требует клинической проверки.

Пасека на дому

Друг, однокашник по университету, наведя справки в адресном столе, без предупреждения, как снег на голову, явился в гости к Архангельским. От радости они не знали, куда его посадить: ведь не виделись бог знает сколько времени.

Пошли воспоминания об университетских товарищах, взаимные расспросы. Давно ли в Москве? Что делали в войну? Как дети?

Дошла очередь и до чая. Ольга Тимофеевна рядом с сахарницей поставила вазочку душистого меда и добавила:

— Со своей пасеки...

— Попрежнему медком гостей потчуете? — шутливо спросил друг.— А далеко ли ваша пасека? Не в «Гастрономе» ли за углом?

— Ну что ты! Пасека на дому,— улыбаясь, ответил хозяин.— Пойдем, покажу.

В кухне под столом стояли ульи. Когда вернулись в комнаты, Александр Алексеевич сказал гостю:

— Из-за пчел у нас комедия разыгралась... Выселять хотели.

— Ну, и чем же кончилось?

— Сначала затеялся спор: куда отнести пчел — к животным или птицам? Ведь о пчелах в жилищной инструкции ничего не сказано. В конце концов за меня вступился главный хирург министерства. Не правда ли, веселые анекдоты? — уже серьезно сказал хозяин.— А что было делать? Который год два министерства не могут договориться о поставке нам пчел с колхозных пасек. Пришлось развести пчел на дому. Ты что же думаешь, мы их для меду держим? Нет...

В коридоре раздался звонок. Ольга Тимофеевна, открыв дверь, приветствовала еще одного гостя:

— Анна Георгиевна? Раздевайтесь, раздевайтесь... Чаек на столе. Знакомьтесь — наш друг молодости, Иван Андреевич.

Гостья назвала себя:

— Синякова.— И тут же спросила хозяйку:— А пчелки как? Сегодня ведь мороз лютый.

— Вы тоже пчеловод? — поинтересовался Иван Андреевич.

— Я? Нет. Я спасенная пчелами.

Старый друг взглянул на Александра Алексеевича, будто ожидая подтверждения мелькнувшей догадки. Тот молчал.

— Не пчелиным ли ядом до сих пор увлекаешься? Я думал, то лишь грехи молодости. Интересно, Анна Георгиевна, расскажите: что с вами было? Вы извините за такую просьбу, но... в старину мы спорили с ним. Откровенно говоря, я его не поддерживал.

— Ну хорошо, расскажу. Двенадцатилетней девочкой я заболела острым ревматизмом. Мучилась ни много, ни мало — тридцать шесть лет. И чем только не лечили! И в клиниках и на курортах. Ничего не помогало. Я тоже врач. Подсчитала: за годы болезни приняла килограммов десять разных порошков и четыре ведра различных капель и микстур. И все напрасно. Становилось хуже и хуже. Булку в руку взять не могла... Дело шло к развязке. В 1950 году оставила работу. Вскоре окончательно слегла. Понимала, что медленно умираю. Из медицинской литературы узнала о том, что метод лечения пчелиным ядом ревматизма, радикулита, ишиаса и других ревматических заболеваний утвержден министерством здравоохранения. Но почему-то до сих пор не практикуется, препарат не выпускают. Где было взять пчел? Как дозировать? Помог случай. Знакомые студенты рассказали о работе Александра Алексеевича в хирургической клинике 2-го Московского медицинского института. Написала ему письмо. Александр Алексеевич взялся лечить меня, хотя болезнь была очень запущена. И свершилось чудо: иначе я это назвать не могу. Я, как врач, понимала, насколько сильно был разрушен мой организм. На двадцатый день лечения почувствовала, что мне легче. Попробовала встать с постели. Поднялась, шагнула, ни за что не держась. Болей как не бывало. Вы, конечно, представляете мое состояние? Когда я рассказываю об этом, иногда не верят. Но ведь факт: через два месяца — подумайте! — я вернулась на работу. Вот уже пятый год прекрасно себя чувствую. Работаю эпидемиологом, хожу по квартирам, взбираюсь на пятые, шестые этажи и даже не всегда поминаю лихом тех, кто строит дома без лифта. Целый день на ногах.

— Так вот, маловер,— сказал Александр Алексеевич, как бы резюмируя рассказ доктора Синяковой,— завтра мы с тобой съездим в клинику профессора Григория Петровича Зайцева, под руководством которого я работаю... Там ты еще не то увидишь.

— Саша,— поднялся Иван Андреевич,— почему мы, сельские врачи, ничего не знаем? Да ведь это!..

Он, очевидно, не мог подобрать слов, чтобы дать оценку всему слышанному. Сделав несколько шагов по комнате, Иван Андреевич вдруг напустился на хозяина.

— Да ты и сам хорош, Александр! Копаешься себе, жалуешься, пчел не дают... Да об этом кричать надо, требовать. Что ты сделал? Где твои книги? Брошюрки хотя бы? Ты же не в Яропольце сидишь. Стыд! Министерство под боком... Академия... институты... лаборатории. Не понимаю тебя!

— Подожди, подожди, что ты на меня навалился? Правда, теперь академик Андрей Дмитриевич Адо заинтересовался проблемой пчелиного яда, но моя тема все же не в плане.

— Ну и что же? Кто тебе запрещает по всем этим вопросам идти прямо к министру? К президенту Академии медицинских наук?

— Александр Николаевич Бакулев поддерживает все передовое в медицине.

— Саша,— перебила их разговор Ольга Тимофеевна,— ты не забыл к Арапову? Пчелы в коробочке подготовлены...

— Да, да,— спохватился Архангельский,— вы посидите, я скоро вернусь.

Архангельский ушел. Ольга Тимофеевна спросила:

— Вы знаете профессора Арапова? Главного хирурга Военно-Морского Флота? На прошлой неделе во время операции он почувствовал острый приступ радикулита. Слег. Звонит из дому. Ты, говорит, пчелиный кудесник, делай, что хочешь. Хоть в улей сажай... Только вызволи хотя бы на несколько дней. Ответственные операции предстоят... Вот Саша и поехал к нему... Пойду погляжу на пчел. Извините.

Гости пошли следом. Ольга Тимофеевна взяла фонарик, приподняла край одеяла и крышку улья. Послышался характерный, похожий на непрерывное дыхание шумок. Это было дыхание жизни...

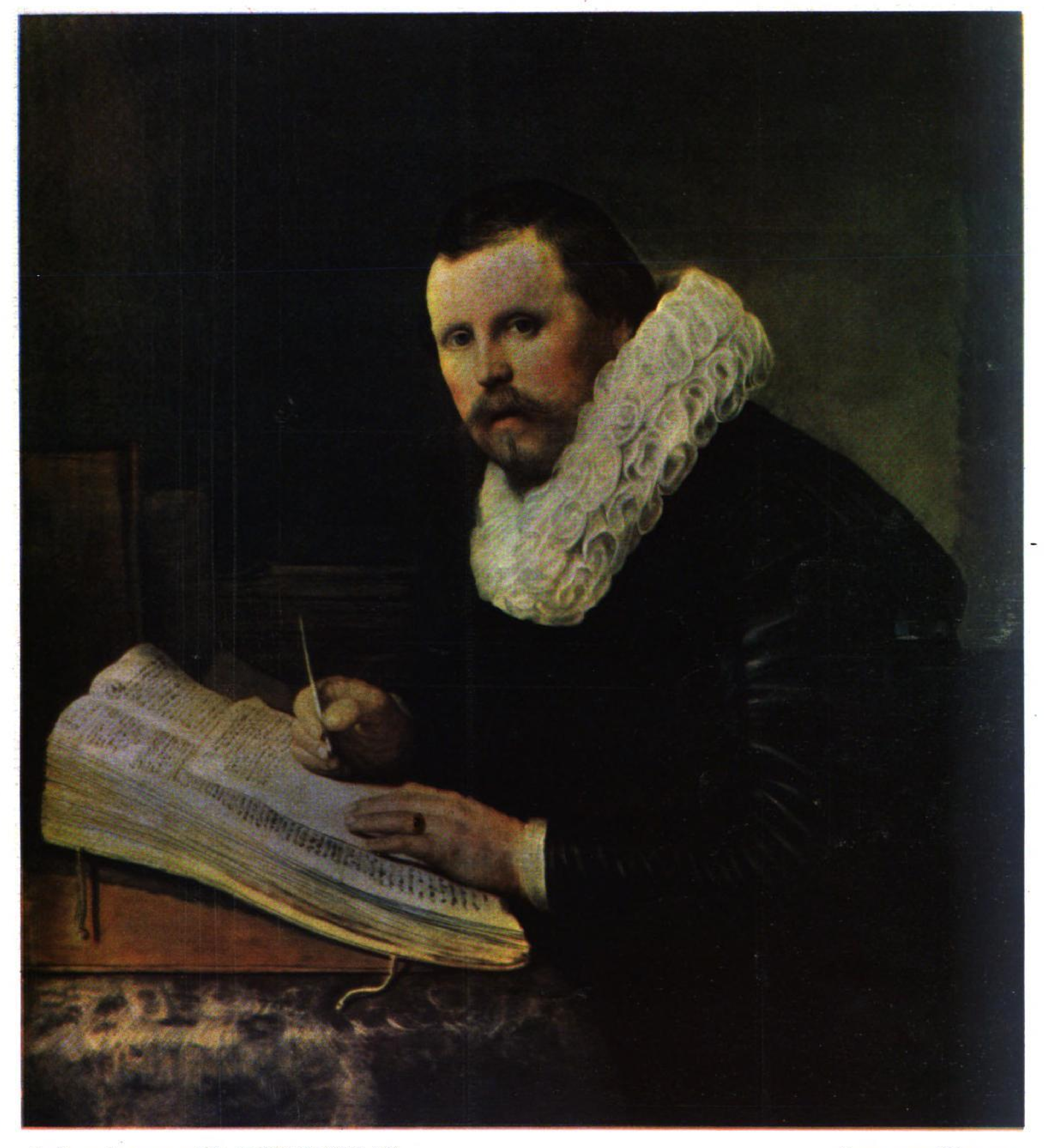

Рембрандт Гарменс-ван Рейн. МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА, ПРИМЕРЯЮЩАЯ СЕРЬГИ. 1657. **Государственный Эрмитаж.**

«Огонек». 1956.

Рембрандт Гарменс ван Рейн. ПОРТРЕТ СТАРУШКИ. Около 1650 года. **Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.**

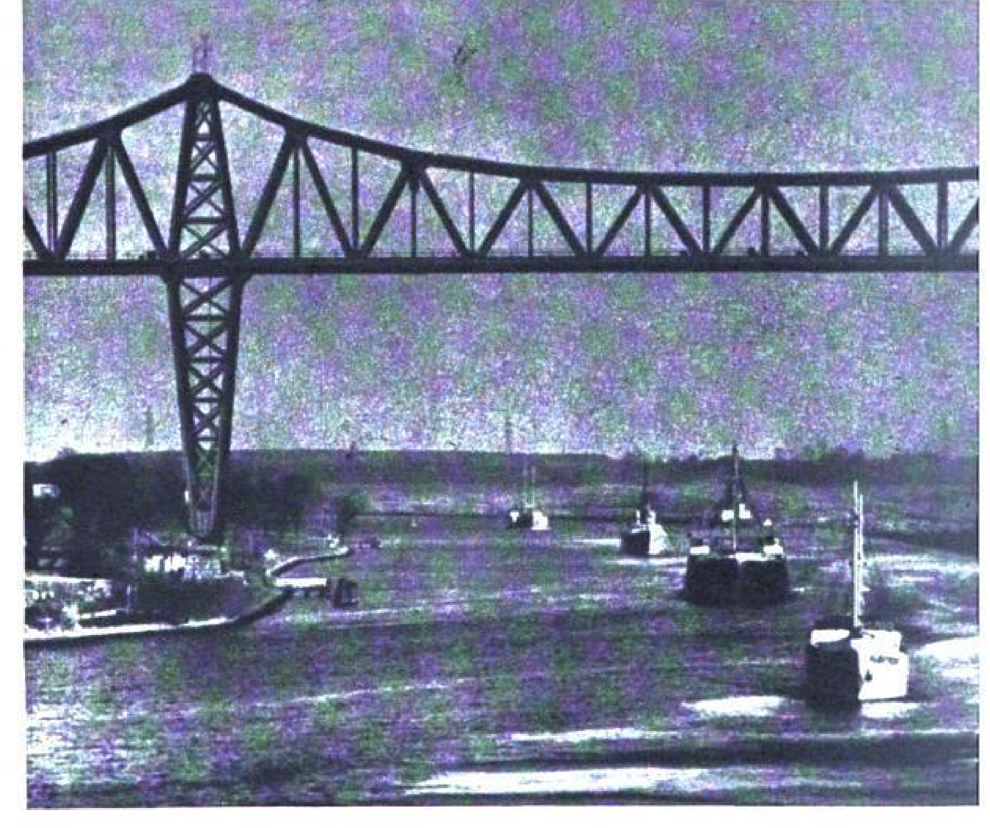
Рембрандт Гарменс ван Рейн. ПОРТРЕТ УЧЕНОГО. 1631. **Государственный Эрмитаж.**

Рембрандт Гарменс ван Рейн. ДАНАЯ. 1636. **Государственный Эрмитаж.**

Поход в Антарктиду

Е. РЯБЧИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Подъемные краны казались живыми: они то поднимали свои металлические головы, то опускали их: крановщики прощались с уходившим в далекое плавание экспедиционным кораблем «Обь». И долго потом вспоминались в большом походе на другой конец земли стальные громады, мерно кланявшиеся в Калининградском порту.

Буксиры, украшенные флагами, вывели «Обь» в канал, а потом в море. Началось путешествие в Антарктиду.

Ноябрь окутывал Балтику холодными туманами, налетал снежными зарядами, бил о борт студеной волной. На тускло светившемся экране радиолокатора возникали очертания то островов, то встречных кораблей.

«Обь» была не одна: следом взяли курс на «Землю тайн» близнец «Оби» — дизель-электроход «Лена» — и пловучий холодильник — рефрижератор № 7. Флотилия советских экспедиционных кораблей спешила к шестому континенту — в Антарктиду, где кончалась полярная ночь с ее ураганами и стужей и близилась «пингвинья весна». Нужно было захватить самое подходящее время для высадки экспедиции и строительства научной обсерватории «Мирный». Быстротечны весна и лето в Антарктиде, упустишь время — беда! Тяжело загруженный корабль шел полным ходом.

Сокращая путь, чтобы не огибать Ютландский полуостров, экспедиционная флотилия прошла Кильским каналом в Эльбу, а затем в Северное море.

Тлел декабрьский бледный рассвет, когда по шторм-трапу поднялся немецкий лоцман и занял место в рулевой рубке. На плоском берегу выросли готические строения, башни, трубы, словно из сказки о гномах, появились маленькие островерхие домики шлюза Хольтенау. Мы вошли в Кильский канал.

Внимание «населения» корабля привлекали не только мосты, нависавшие над каналом, не по-зимнему зеленые луга, пестрая оранжевая и красная черепица селений и даже не шумная бесконечная лавина встречных судов, а живые приветливые руки, бросавшие в воздух платки, береты и морские фуражки: в Западной Германии были люди, желавшие успеха советским исследователям.

На каждой миле оживала география. Свинцово-темная Эльба с вереницами землечерпалок и лучистыми маяками вывела в неспокойное Северное море. В тумане осталось устье Темзы. За кормой исчезли белые скалы Дувра, растаял и мыс Финистерре, что означает в переводе «конец земли».

«Скорей! Скорей!» — казалось, выстукивали машины. Срывались листки календаря, отсчитывались пройденные мили, раскрывались новые карты — все убеждало: нужно очень спешить!

Океан не сохраняет следов от кораблей. Но советские моряки помнили, что этой же океанской дорогой сто тридцать семь лет назад шли на парусных шлюпах «Восток» и «Мирный» открыватели Антарктиды — бесстрашные русские моряки и ученые. Над этой же ширью лилась русская песня, матросы ставили паруса... Фаддей Беллинсгаузен и Михаил Лазарев вынашивали замыслы об открытиях новых земель.

Та же великая цель влекла по дороге предков и советских исследователей: сотни людей плыли к обледенелому континенту изучать во время Международного геофизического года совместно с учеными многих стран Антарктиду, чтобы сорвать с нее все таинственные покровы.

«Обь» и «Лена» — корабли ледокольные. Они приспособлены для плаваний во льдах. Все рассчитано здесь для борьбы с морозом. А тут африканская жара, зной и духота океана. Открылись окна кают и салонов. Вся жизнь перенеслась из помещений на палубу.

От солнца задыхались люди и машины. Неистово ревели воздуходувки,— напрасно!.. Горячий воздух обжигал губы. А машины? Они изнемогали от тропической температуры. Но знатоки своего дела заставляли их работать на полную мощность.

На корабле шла размеренная жизнь: вот бортмеханик Михаил Чагин со свойственной ему аккуратностью очищает фюзеляж самолета «ЛИ-2» от соли морских брызг, а в бассейне, устроенном под самолетом, моряки и ученые спасаются от жары.

Во время «водной тревоги» капитан И. А. Ман приказал спустить шлюпку; толпа фотолюбителей и корреспондентов, отъехав от дизель-электрохода, запечатлела «Обь» среди нестерпимо синего простора.

Экспедиционный корабль выглядел необычайно, как своеобразный авианосец: на специально построенной кормовой «вертолетной площадке» покоились ящики с разобранным вертолетом, на палубе стояли самолеты.

День за днем, неделя за неделей видишь один океан. Только вода. Зрелище величавое, но и гнетущее.

Наконец корабль подошел к экватору. В седой древности, еще во времена парусного флота, зародился веселый обычай пестро и шумно отмечать переход через экватор.

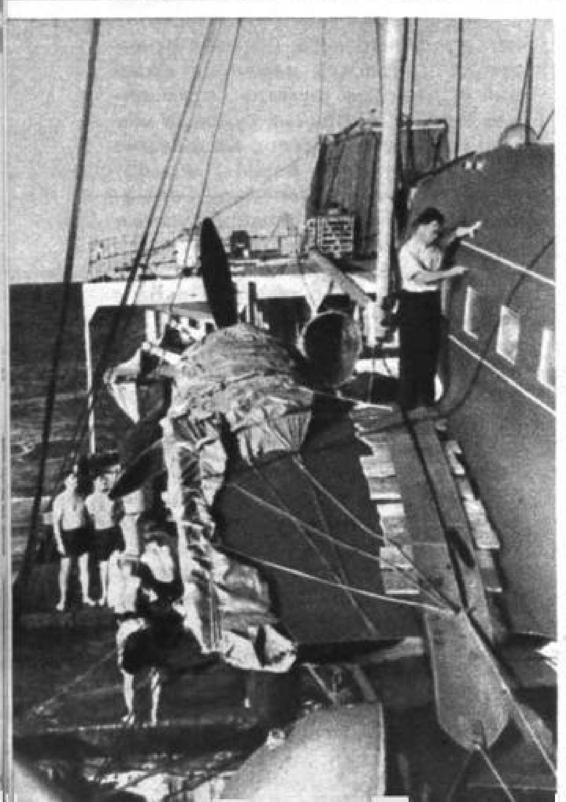

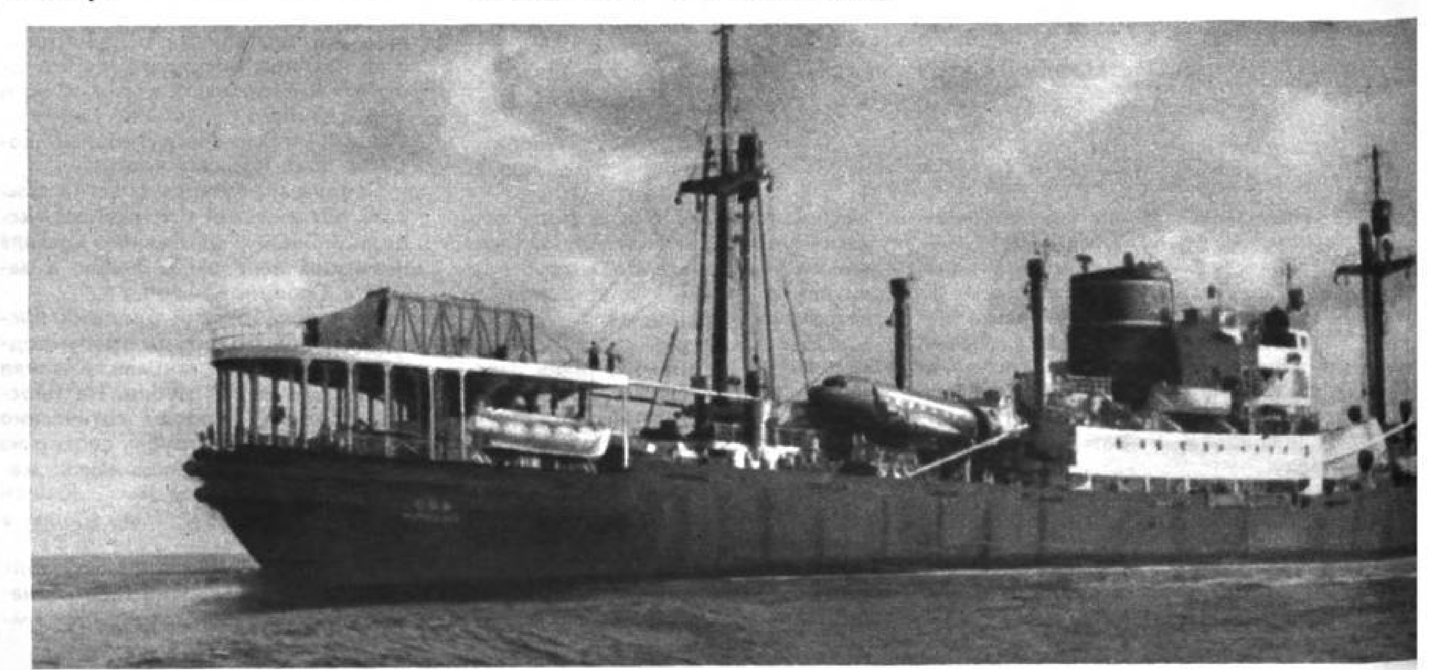

Первыми начали готовиться к празднику летчики: начальник авиационного отряда Герой Советского Союза Иван Иванович Черевичный тронул гитарные струны, бортмеханик Василий Мякинкин поднес магнитофонный микрофон, чтобы записать песенки летчика Алексея Каша и штурмана Дмитрия Морозова.

В однообразную синеву океана, в изнуряющую жару экватора ворвались гудки корабля, грохот литавр, рев труб, дробь барабанов и многоголосый хор: начался праздник «бога морей» Нептуна. Вот он стоит с трезубцем в руках,

с короной на густых волосах из пакли. Лучше всех связан с подводным миром океанолог, начальник морской экспедиции профессор В. К. Корт — он и сыграл роль Нептуна.

Мимолетной была стоянка в Южной Африке — в Кейптауне, и за мысом Доброй Надежды открылся Индийский океан. Корабль шел к весне в Антарктиде, но заметно холодало, пришлось перебраться с палуб в каюты, все оделись в теплое. Что ни день, океан тускнел, дымился туманами. Уже исчезли большие корабельные дороги, погасли огни маяков — серая и хмурая водяная пустыня окружала корабль. Началась деятельная подготовка к высадке на материк: проводили репетиции сборки домов и вертолета, обсуждали генеральный план застройки Мирного, уточняли планы научных работ. Жизнь стала суровой и напряженной.

Вдали от родных берегов, от заснеженной Москвы, от Колонного зала, где танцевали вокруг большой елки пионеры, советские исследователи устроили и себе новогоднюю елку.

С большой земли от родных и близких, от знакомых и незнакомых людей принесло радио добрые пожелания и вести. Бортмеханик Василий Мякинкин читает летчику Алексею Кашу новогоднее поздравление от друзей-пилотов с Северного полюса.

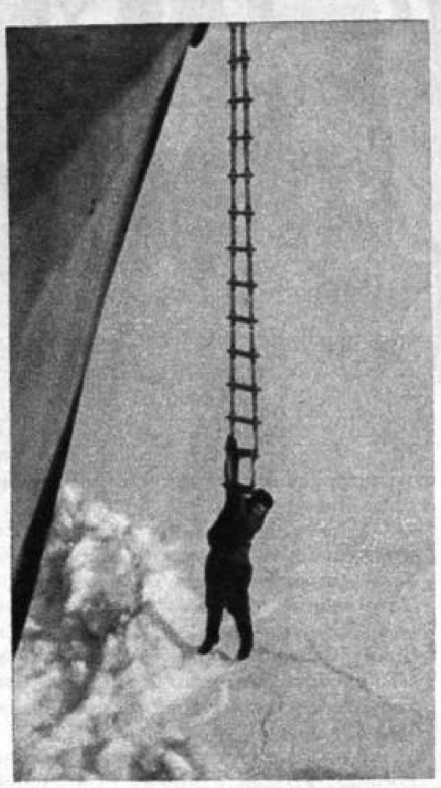
Новый год словно открыл новую жизнь — в густом тумане корабль шел к ледовому поясу Антарктиды. Приподнялась белесая мгла, и среди свинцовых воды и неба засветился призрачный зеленоватый огонь: первый айсберг казался подсвеченным изнутри, прозрачным и светлым. Вблизи он походил на причудливый дворик: по дворику чинно ходили люди в черном, спускались по лестницам, отдыхали на верандах, ныряли в воду. Это были пингвины.

Потом выросла в тумане горизонта вторая ледяная гора, третья, четвертая, и вот вокруг — только айсберги. От бело-голубых громад веяло холодом. Глубокие трещины рассекали горы, волны подтачивали их, и рядом обрушивались глыбы, взлетали тучи брызг, катились волны.

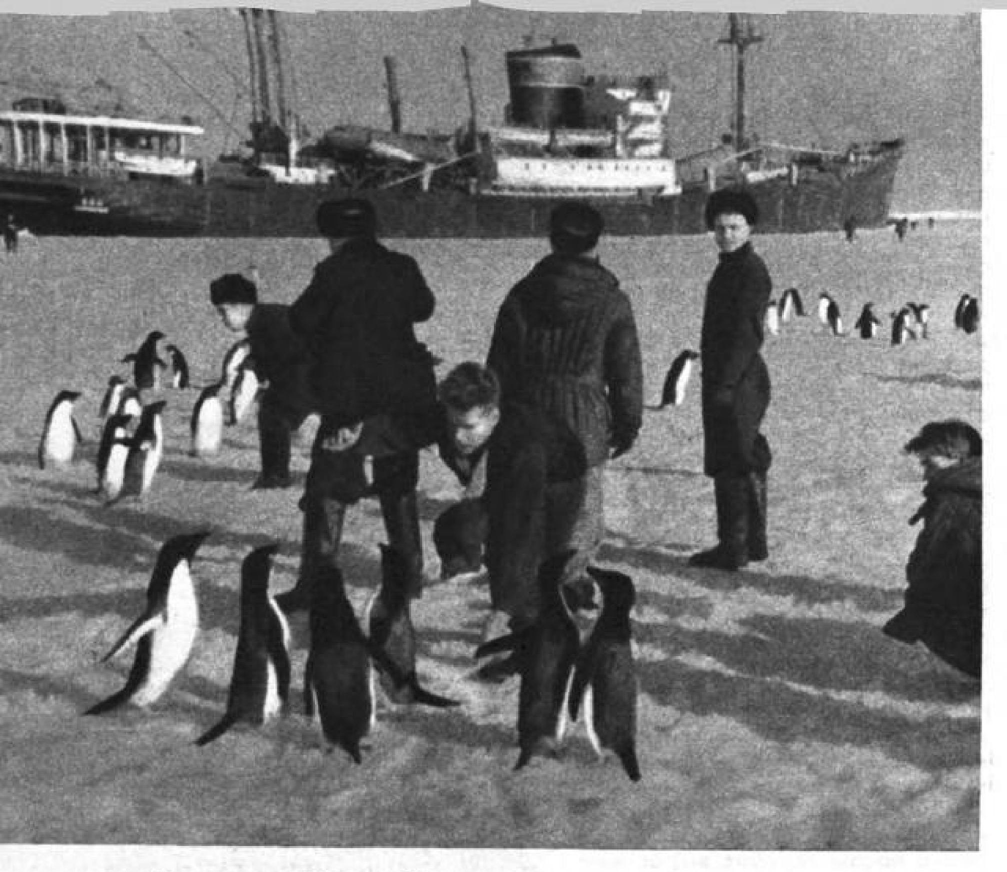
Плавать среди айсбергов опасно: они могут перевернуться и раздавить корабль. Они же закрывают подступы к материку. Когда «Лена», шедшая за «Обью», отважно пробиралась по сложному лабиринту среди плавающих гор, перед носом корабля вырос айсберг, раздался удар, и только находчивость и мужество штурмана Валентина Павлова спасли судно от гибели.

Миновав обледенелый остров Дригальского, солнечным январским днем «Обь» вошла в бухту Депо. Рядом сверкали ледники Антарктиды. Врезавшись в припай, корабль остановился. Пришли!

Первый советский человек — тракторист Миша Акентьев — ловко спустился по шторм-трапу и коснулся антарктического льда.

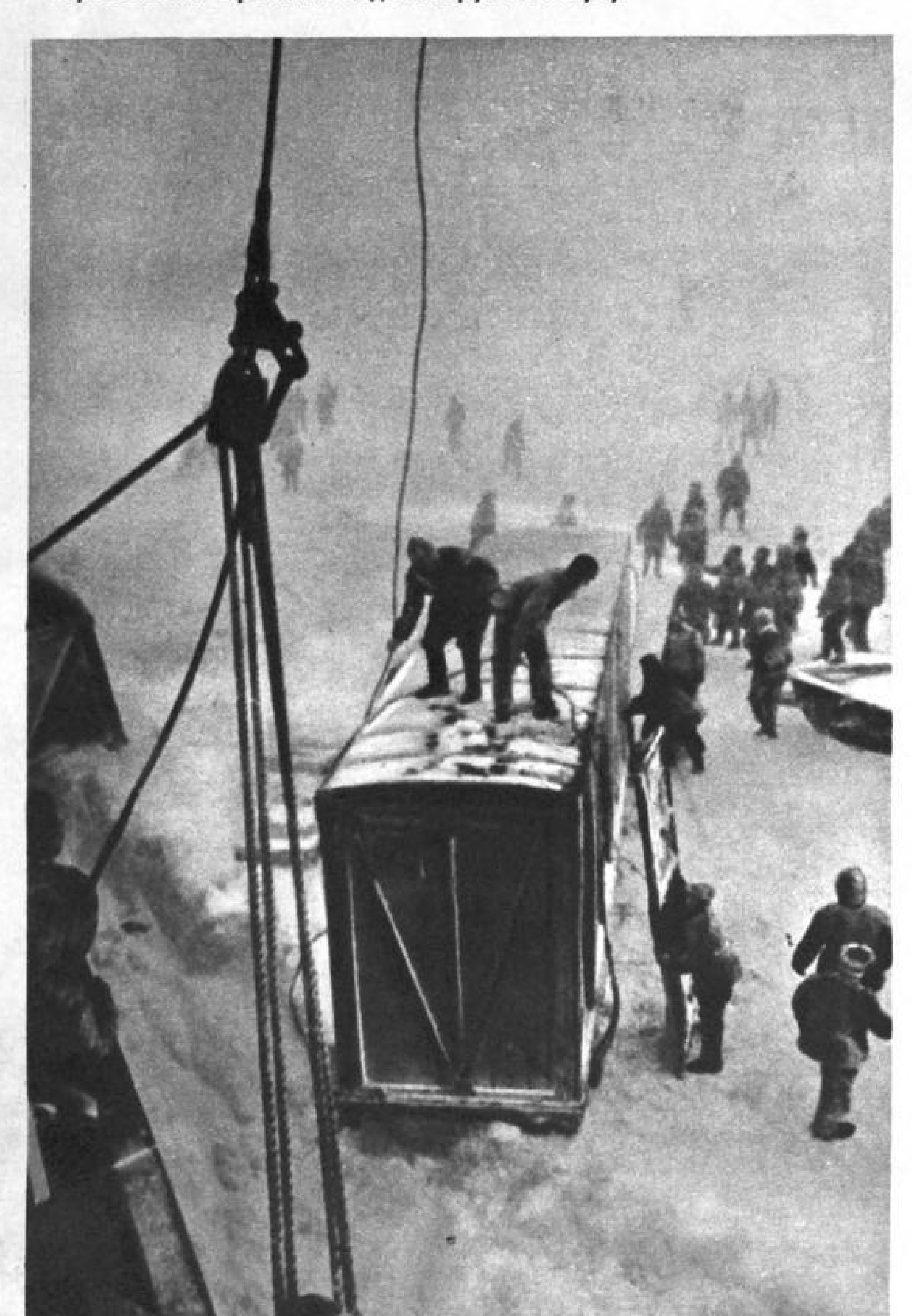

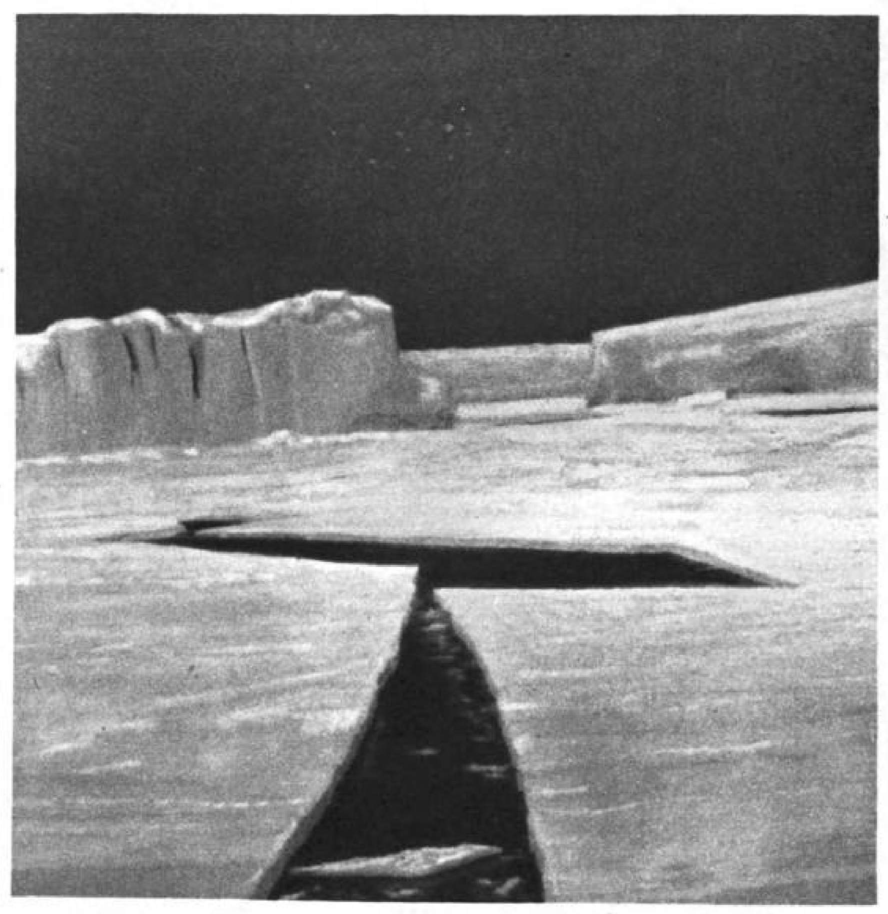

Но что это? К кораблю спешат... чарли чаплины: та же походка, тот же костюм. Пингвины! Они окружили судно, расталкивая моряков, забирались по парадному трапу на палубу, деловито осматривали дизель-электроход.

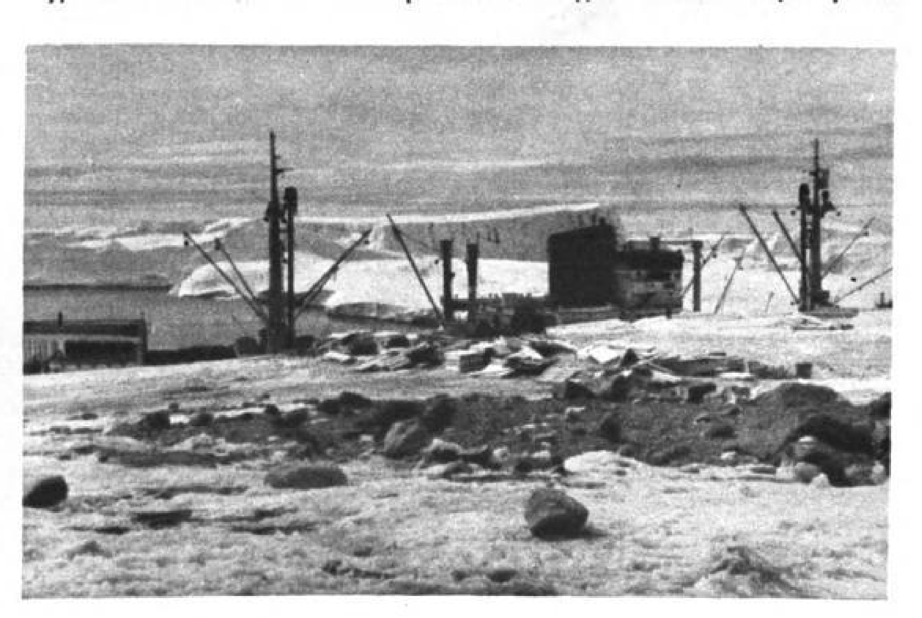
В несколько минут моряки и строители перезнакомились с милыми и доверчивыми существами. Выяснилось, они терпеть не могут свиста и, если кто-либо свистнет,— дерутся, бросаются на людей, требуя тишины. Зато пингвины полюбили танцевальную музыку, особенно вальсы Штрауса. Сойдут музыканты на лед, и стаи пингвинов пускаются в пляс: они самозабвенно «вальсировали» и час и другой, доводя до изнеможения гитаристов. Уставали люди, но птицы требовали музыки. Они сами отказывались от еды и криком приказывали, чтобы непрерывно неслись звуки вальса.

Только начали выгрузку на лед, налетела буря. Померкло яркое солнце. Ураган взломал припайный лед около борта корабля и понес его в море. Нужно было немедленно спасать самолет, тракторы, крылья; смельчаки бросились на ломающийся лед, застропили машины к корабельным стрелам и подняли груз на палубу.

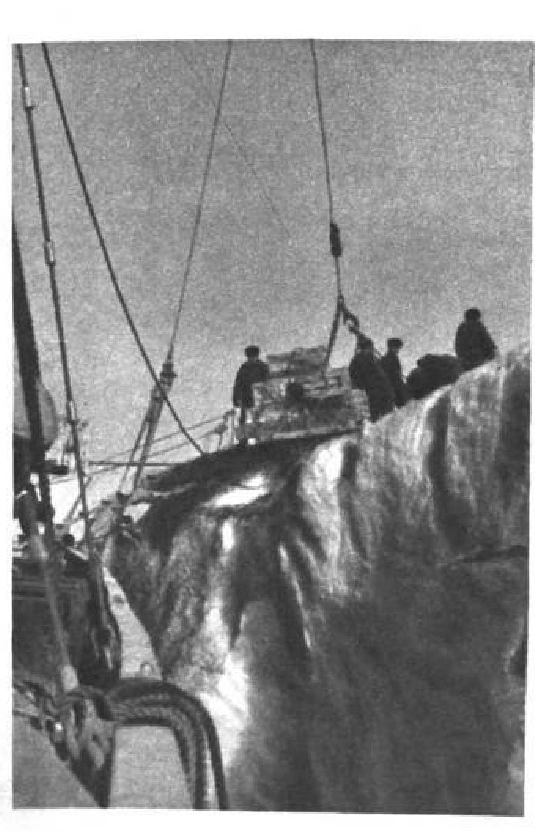

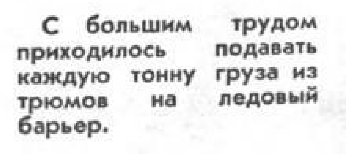

Льды трескались и расходились не только в бурю — в любую минуту, в любом месте появлялись расселины. Под ними — зловещая пучина.

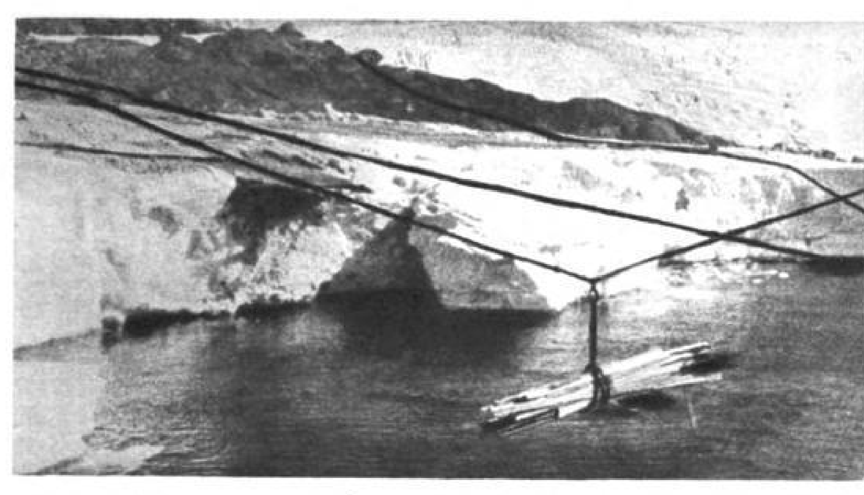

На медленно сползающем в море леднике, в бухте Депо, строить Мирный было невозможно. Долго искали другое, пригодное для разгрузки и строительства место. Бортмеханик Михаил Чагин, летчик Алексей Каш, штурман Герой Советского Союза Михаил Кириллов обнаружили к западу от бухты Депо, на самом Южном полярном круге, голые скалы, острова, пингвиньи базары и место для аэродрома — там и решено было строить Мирный.

С большим трудом приходилось подавать каждую тонну груза из трюмов на ледовый барьер.

Частые бури отгоняли «Обь», «Лену» и рефрижератор № 7 от берега, ломали тракторные дороги, проложенные от судов к строительной площадке, и тогда ставили канатные воздушные дороги.

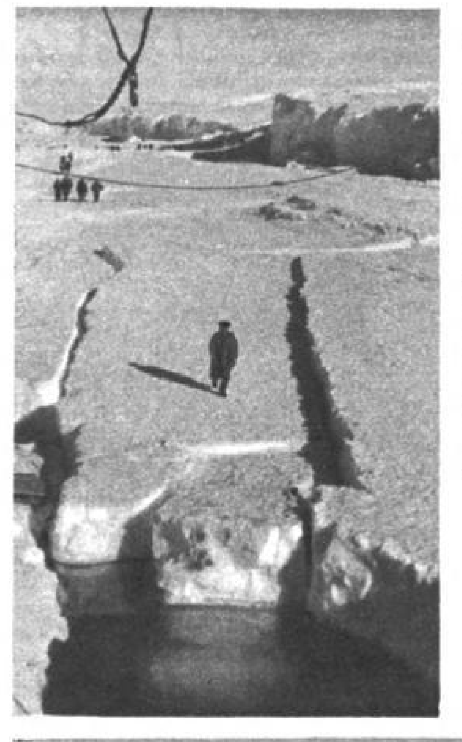
На снимке видны остатки разбитой тракторной трассы на ледяной барьер и участок канатной дороги.

Чтобы пройти в Мирный, на стройку, через бесчисленные трещины, использовали металлические волокуши — это были своеобразные передвижные мосты.

В Мирном еще негде было жить, и с кораблей в пургу приходилось пробираться на стройку по обрывам над бездной.

Но и в спокойную погоду, когда палило солнце и все было тихо, нелегко было возвращаться на корабль после работы.

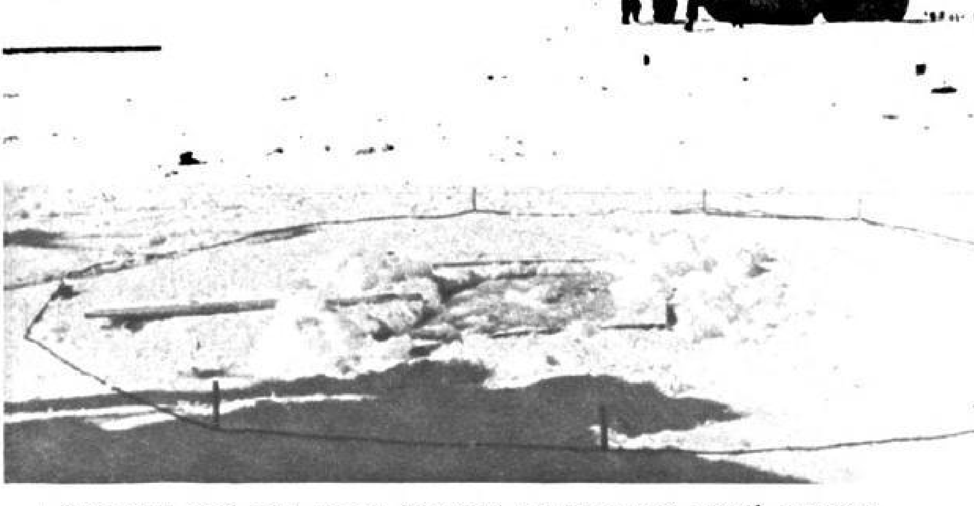

Поход в Антарктиду

В Антарктиде все было, как на войне: жестокая природа атаковала советских людей бурями, ломала под их ногами льды, слепила неистовым солнцем. Обгорали лица, покрывались волдырями губы, трескалась на руках кожа. Врач К. Челнавский предложил для строителей марлевую маску.

Упорной, длительной, полной риска и опасностей была схватка со стихиями. Выполняя маневр во время бури среди айсбергов, «Обь» налетела на подводные камни. В трюм хлынула вода. Старший матрос водолаз Леонид Гуляев спустился под воду для осмотра корабельного корпуса.

Выполняя свой долг перед Родиной, перед наукой, погиб смертью героя комсомолец тракторист Иван Федорович Хмара. Его трактор провалился под лед и исчез в бездне. Черный круг из стального троса, выложенный на льду, отметил полынью — могилу героя.

В скорбном молчании собрались участники Антарктической экспедиции на траурный митинг у подножья утеса Ивана Хмары. Трагическая гибель товарища не сломила волю, мужество моряков, строителей, ученых, летчиков и радистов. С еще большей энергией принялись они штурмовать Антарктиду.

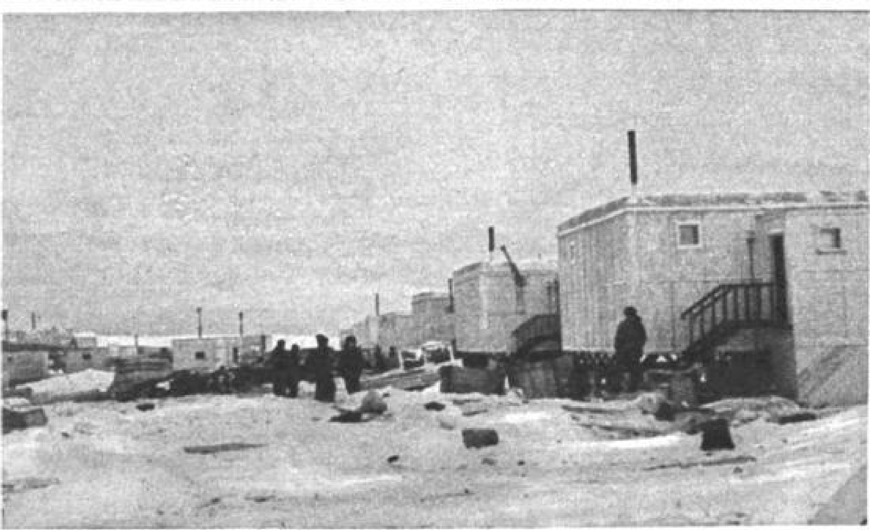

Бригада Николая Лепешкина с рекордной скоростью строила передающую станцию на скале Радио.

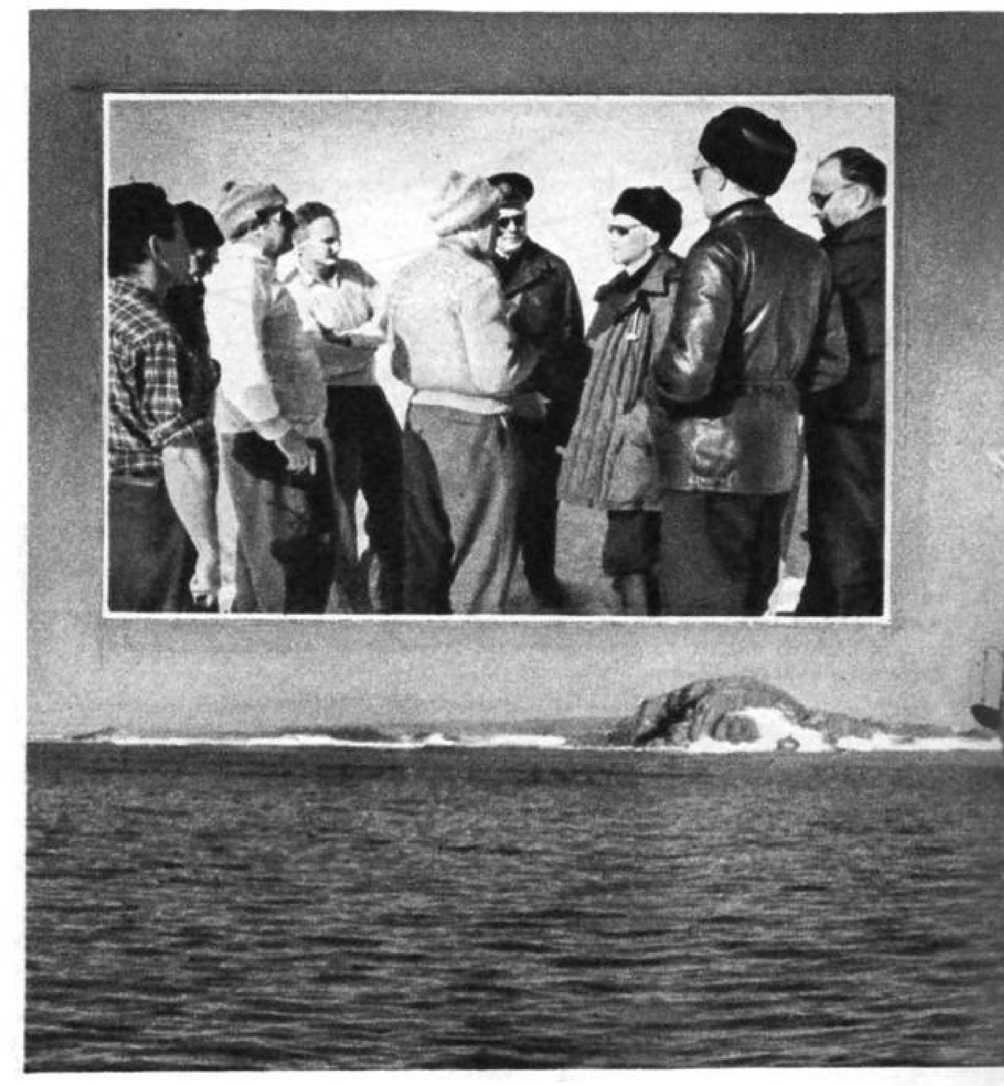
В содружестве со строителями моряки «Лены» возводили электрическую станцию мощностью в 600 киловатт.

Строились лаборатории, жилые дома, склады, гаражи. Всюду гудели тракторы, автокраны, звенели пилы и стучали топоры. Стройка Мирного размахнулась широко, азартно, и ничто уже не могло остановить натиск советских людей.

Мирный поднялся над ледниками. От сопки Комсомольской к скале Радио пролегла улица Ленина.

Ранним утром вблизи берега Правды стал на якорь экспедиционный корабль австралийских исследователей «Киста-Дан». В Мирном, на его аэродроме, на радиоцентре, на кораблях, состоялись дружеские встречи ученых двух стран.

Руководитель Национальной австралийской экспедиции по изучению Антарктики профессор Филипп Лоу заявил корреспонденту «Огонька», что он поражен размахом строительства Мирного, отличным оснащением экспедиции, ее обширными научными планами, но больше всего поразили и обрадовали его советские люди, сумевшие в сложных условиях выполнить важные задания для науки.

Константин Итальянцев, водитель вездеходов, первым форсировал пропасти, штурмовал ледники и скалы. Он восемнадцать раз проваливался с машиной в трещины и не раз глядел в глаза смерти.

Петр Целищев — снайпер эфира, знаменитый радист Арктики и Антарктиды.

Вернувшись после тяжелой работы со стройки на «Лену», плотники, монтажники, моряки принимались играть в волейбол.

Поход в Антарктиду

Покинули Мирный рефрижератор № 7 и дизель-электроход «Обь». Только «Лена» с величайшим мужеством несла вахту у берега Правды. До окончания стройки Мирного она должна была стоять и ждать строителей. Австралийский ученый профессор Филипп Лоу прислал капитану А. Ветрову дружескую телеграмму, в которой предупреждал, что позже 6 марта оставаться вблизи берегов Антарктиды опасно.

Как же не победить стихию юным, сильным и смелым людям, которым и в Антарктиде жарко!

Герой Советского Союза Иван Черевичный прилетал на аэродром в Мирный, тотчас связывался по телефону со штабом и снова улетал на ледовые купола.

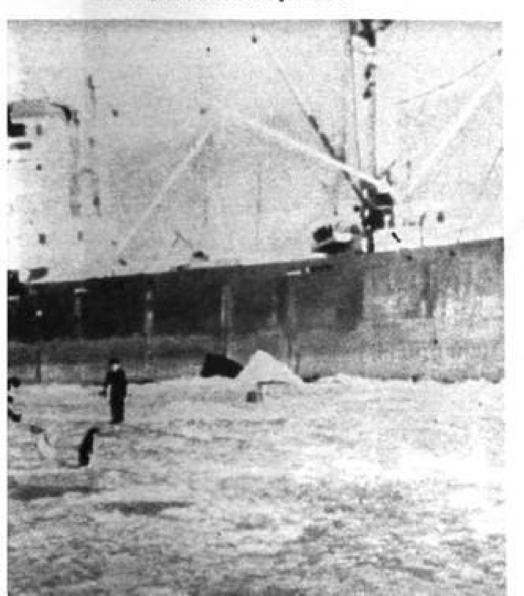
Профессор, заслуженный мастер спорта СССР Александр Гусев редко бывает в своей уютной, теплой комнате в Доме ученых в Мирном: он всегда в полетах. Сейчас профессор А. Гусев руководит внутриматериковой научной станцией Пионерская.

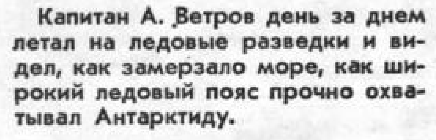

Пилот Алексей Каш с неистовым упорством летал то к горе Гаусса, то в Оазис, то на острова, он первым провел недельную «зимовку» в глубине материка.

Михаила Комарова называли «антарктическим Левшой»: он ремонтировал самолеты и часы, пишущие машинки и тракторы, водил машины в глубину материка.

Капитан А. Ветров день за днем летал на ледовые разведки и видел, как замерзало море, как широкий ледовый пояс прочно охватывал Антарктиду.

— Шестнадцатого марта — рано,— сказал капитан А. Ветров,— восемнадцатого — поздно.

Отход корабля был назначен на 17 марта.

Ледовый капитан А. Ветров повел «Лену» к Барьеру Отважных, к тому месту, где разгружался дизель-электроход.

На Комсомольской сопке под красным флагом Страны Советов стояли зимовщики и прощались с последним кораблем, уходившим к родным берегам.

Прощай, Мирный! Вот он, с домами, радиомачтами, аэродромом, научными лабораториями, далекий советский городок, форпост нашей науки в Антарктиде, созданный руками советских людей.

— Прощайте, друзья! Больших вам успехов! — гремело корабельное радио.

* * *

Ушли корабли.

В Мирном, затерянном среди безбрежной ледяной пустыни, остались отважные советские зимовщики. Девяносто шесть человек! Нелегко им сейчас, когда далекий континент погружен во тьму полярной ночи, когда поселок замели глубокие снега, а свирепые ураганы пытаются сбросить дома, павильоны и радиомачты. В этих условиях нужно выходить на лютый мороз, и, держась за веревку, добираться до метеоплощадки, и там вести наблюдения, выпускать из окоченевших рук радиозонды.

Исследователи трудятся не только в Мирном,— создана выносная внутриматериковая научная станция Пионерская, и здесь, на ледяном куполе Антарктиды, где неслыханно жестоки морозы, ведут исследования ученые. Летчики отряда Героя Советского Союза

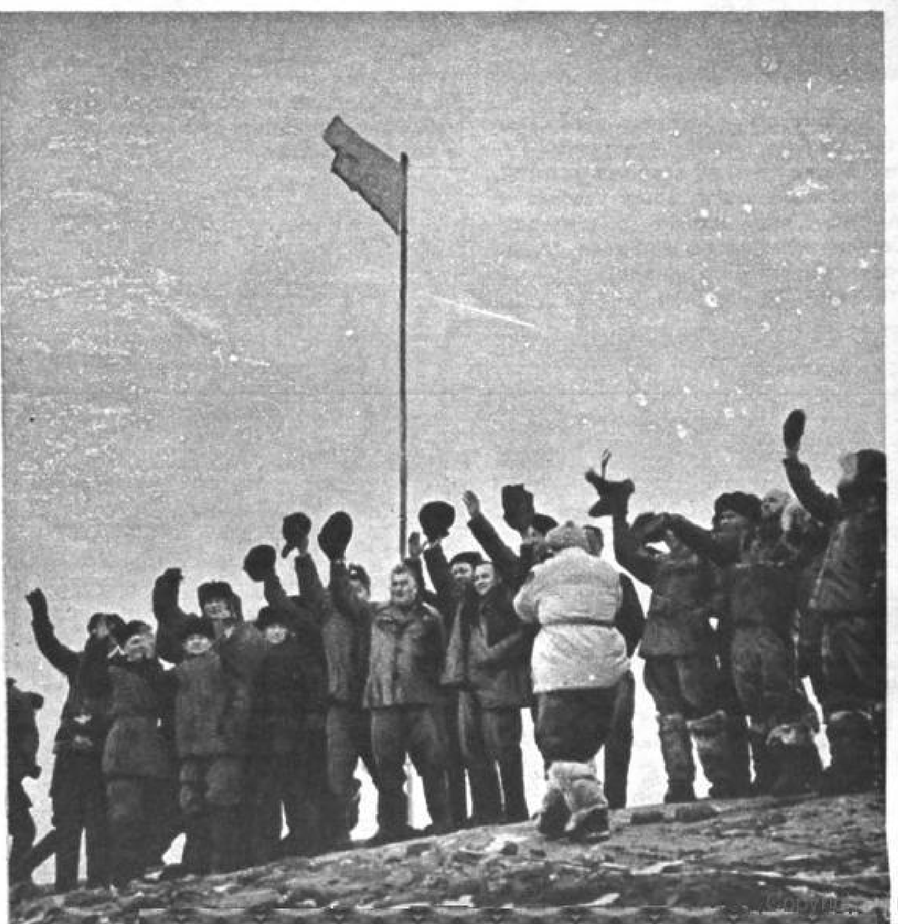
Капитан А. Ветров.

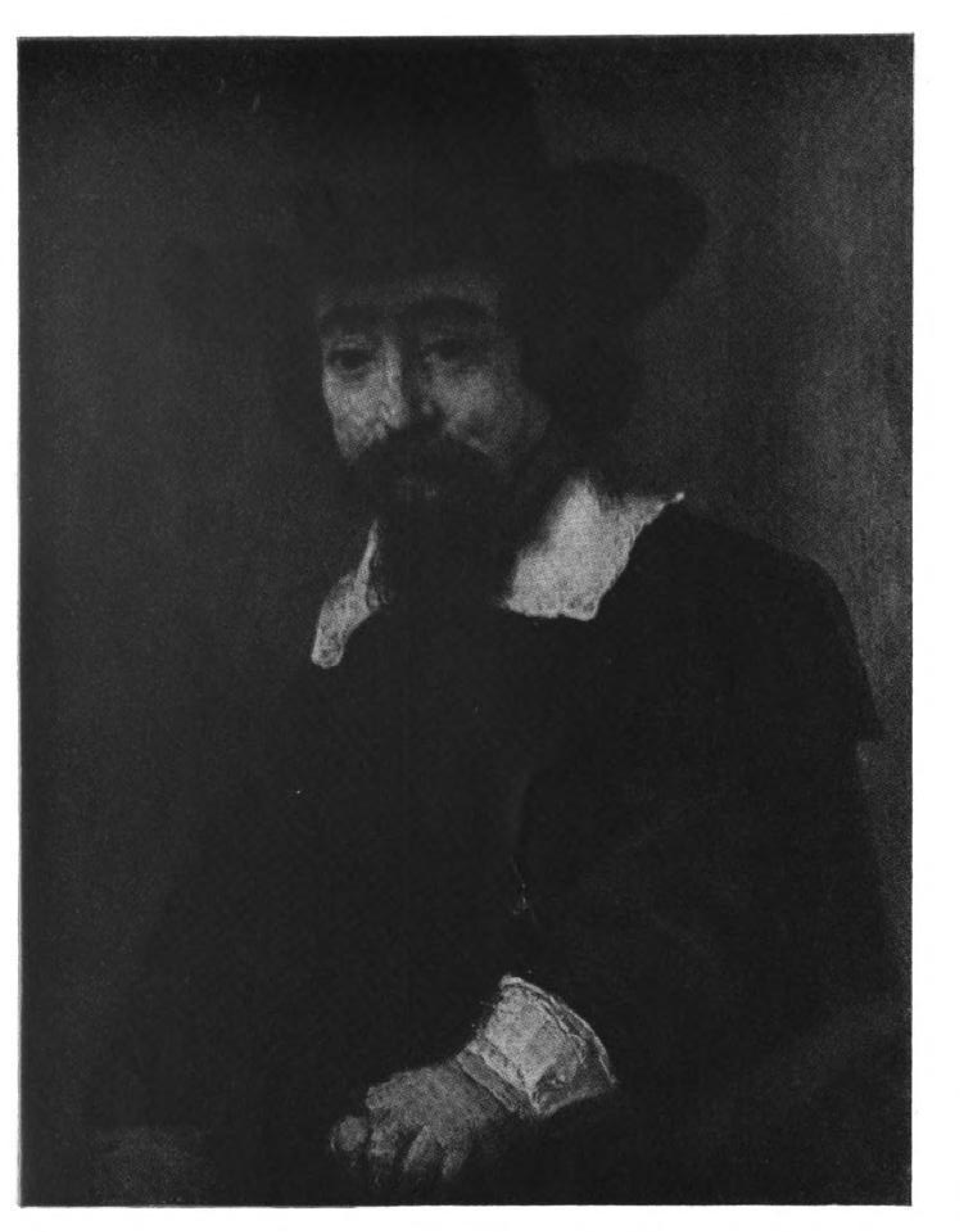
И. И. Черевичного недавно вывезли из Пионерской в Мирный двух научных работников,— они потеряли по десять килограммов в весе. Сказались кислородное голодание на большой высоте, бури, ледяные морозы. А на смену им улетели другие смельчаки.

В Мирном сделано много. Но это — лишь начало. Главное впереди.

Под руководством известного полярного исследователя Героя Советского Союза А. Ф. Трешникова сейчас организуется вторая экспедиция в Антарктиду. Осенью выйдут корабли, доставят смену зимовщикам, привезут новые дома и научное оборудование, приступят к выполнению обширных исследований по планам Международного геофизического года. Нужно будет создать научные станции Восток и Советская в районе геомагнитного полюса и полюса относительной недоступности, на толще льда, покрывающего материк более чем на 3 тысячи метров. Потребуется огромное напряжение и подлинный героизм от тех, кто приступит к созданию этих станций, чтобы вести сложные наблюдения.

И все это будет сделано! Сделано во имя науки, познания таинственного континента, оказывающего влияние на жизнь всей планеты.

Рембрандт Гарменс ван Рейн. ПОРТРЕТ ЕФРАИМА БОНУСА. 1647. **Музей в Амстердаме.**

Рембрандт Гарменс ван Рейн. ЕВАНГЕЛИСТ. 1661. **Музей в Роттердаме.**

Рембрандт Гарменс ван Рейн. НАТЮРМОРТ С ПАВЛИНАМИ. Около 1639 года. **Музей в Амстердаме.**

При встрече, о которой я сейчас расскажу, ничего, собственно, не произошло. Но когда говорят о судьбах, о душевной силе деревенской молодежи — тех, кому сейчас восемнадцать — двадцать лет,— мне вспоминается август первого послевоенного года и эта встреча.

Огненным, до предела раскаленным степным полднем я прибился в тень нежилой хаты, стоявшей на краю люцернового поля. Прислонив велосипед к облупленной саманной стенке, я стряхнул со лба пот и мешком опустился в узенькую полоску тени.

Впереди, в полукилометре, виднелась птицеферма, справа, возле далеких, ослепляющих солнцем копиц, работал на приколе комбайн, вымолачивал скошенную еще в июне пшеницу.

Дышать было нечем. Небо палило землю, а земля, покрытая сникшей люцерной, пылью дорог, ровными рядами подсолнухов, сама источала в воздух свой жар, свою нестерпимую печную сухость.

Невдалеке от хаты, в ложбине, живыми влажными красками голубел водопойный ставок, упершийся в земляную греблю. Вода, хоть и захламленная у берегов кустами скатившегося курая, хоть и пожелтевшая у краев, звала, тянула к себе, но жара настолько давила, что я был рад месту, неподвижно сидел у раскрытой двери, опершись о дверной косяк.

В пустой хате, как и в степи, было сонно. На полу валялось несколько высохших шляпок подсолнуха, в окошке на уцелевшем стекле сидел зеленоглазый пыльный овод, и только вверху, над соломенной крышей, беспокойно стрекотали воробьи да на полатях вроде слышалось порой шуршание.

Вдруг возле темнеющей в потолке открытой ляды кто-то явственно и энергично сморкнулся. Сверху посыпалась заблестевшая на солнце соломенная пыль. Сперва я увидел босые детские ноги, потом штаны с квадратными латками на коленях, следом голый живот в засохших подтеках арбузного сока, и наконец появился весь мальчишка, повисший на руках. Мальчишка качнулся и, крякнув, спрыгнул на пол.

— Эх! — произнес он еще раз и встал возле меня нос к носу, пораженно вытаращив глаза.

Глаза у него были желтые, как мне показалось, вороватые и смелые. На круглом лице — полова, остюки и пыль, густо налипшие на потные, точно из ушата облитые щеки, лоб и уши: должно быть, уж очень душно было на чердаке. В оттопыренных буграми карманах что-то пищало и шевелилось, наружу выглядывали перья.

— Здорово! — сказал я.— Воробьят в крыше драл? Зачем?

Он почесал одной ногой другую и запустил руку за шиворот, вытряхивая из-под рубахи солому.

— Цыплятам,— кивнул он в сторону фермы.— Для рациона им. Понятно?

Мне и раньше было понятно, что цыплят прикармливают мясом, но с этим «воробьиным» способом сталкиваться не приходилось.

— Сегодня мяса на ферме нема,— объяснил малец,— а рацион же надо выдерживать.

Он с прискока подтянул штаны, сползающие под тяжестью шевелящихся живых карманов. У колхозных ребят понятия о жалости трезвые. Как это жалеть, например, курицу, если ловишь ее для борща? Или, чего доброго, нюнить над цветущими вьюнками, которые выпалываешь с матерью на огороде? •

— Кто у тебя на ферме: мать? — спросил я.

— Сестра. Матери нету.

— А где отец работает?

— Отца тоже нету,— бросил он, потирая плечом исцарапанное в кровь ухо. Видно, в соломенной крыше, куда он продирался головой с чердака, были жесткие стебли.— В сорок четвертом отца убили, у меня его медали есть дома,— добавил он уже за порогом, но, увидав мой велосипед, остановился, нерешительно посмотрел на меня. Замирая от надежды и нисколько не веря в счастье, а просто так, на всякий случай, произнес: — Дядя, дайте прокачусь, а?..

— Дам,— сказал я.— Только подожди, отдохну, подкачаю камеру.

Мальчишка ошеломленно вздохнул, тронул свои тугие карманы. С таким грузом кататься невозможно. Он скинул штаны, свернул их комом и, оставшись в драных трусишках, сел лицом в степь чуть впереди меня, показывая

ДЕТИ

Рассказ

Владимир ФОМЕНКО

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

этим, что он абсолютно никого не торопит. Его выгоревшие волосы были совершенно белого цвета, а тонкая шея, зажатая в острых плечиках, до того коричневая, что казалась дегтярной.

— Тебе сколько лет?

— Одиннадцать. А что? — подозрительно и сразу недружелюбно глянул он, опасаясь, не повредило бы это договору о велосипеде.

— Ничего. Молодец! А зовут как?

— Валентин.

— Значит, с сестрой живешь, Валя?

— Ага. Она в седьмом уже классе. Зимой учится, летом — птичницей. Что-то с комбайном у них? Стал,— вгляделся он в степь.— Вон и наши пацаны едут сюда, будут быков поить.

Далеко на дороге виднелись подводы. Сливно стоя на одном и том же месте, покачивались в голубизне рогатые бычьи головы.

— Ох, и не люблю быков! — объявил Валентин.— То ли дело машина иль конь! Я с конякой на ферме три раза в день оборачиваюсь. И вода и корм — все без задержки! Сегодня бы за мясом ехать, да зав не выписал, паразит!

— Как это паразит?

— Так! Пьянствует!.. Вот и дерешь для рациона горобцов. Хорошо, что хоть коняка пока выпасается. Вон она.

Действительно, в сотне метров стояла белая лошадь и возле нее темный жеребенок. От зноя лошадь дремала, свесив большую костлявую голову, даже не обмахивалась хвостом, и в сиянии ослепительного неба, в палящем солнце казалась серебряной.

— Аня, Аня, Аня! — начал звать Валентин.— Анечка!..

Лошадь подняла голову, тряхнула ею, должно быть, сбрасывая свои сны, и медленно вместе с жеребенком пошла к хозяину, качая в такт шагам острой спиной и даже взмахнув гривой.

— Ну что! Видали? Ага! — хвастливо косился Валентин.— Я ж ее купать буду. Знает, паразитка!

В слове «паразитка» звучало сейчас не презрение, а нежная любовь, даже восторженность. Лошадь остановилась за несколько шагов. Но Валентин выдерживал характер, не поднимался.

— Анечка, Анечка!..

И только когда конская морда с отвисшей белесой губой, с огромными желтыми зубами совсем повисла над ним, он вскочил, стиснул ее подмышкой и начал охлопывать за ухом. Жеребенок остановился поодаль, оглядываясь на подводы.

— Валька, скупнемся? — кричали с подвод мальчишки.

— Чего там на комбайне у вас? — осведомился Валентин.

— Ремень порвался. В двух местах. Не зашьешь. Механик на бедарке поехал за новым.

— Т-р-р-р! — загорланили ребята на быков, сразу потянувшихся к воде.

Мальчишек было двое, и две девочки: одна совсем маленькая, лет трех, толстая, с помидорно-красными щеками, сомлевшая на подводе от тряски, солнца и горячего ветра.

— Посади ее в холодок, Гринька,— распорядился Валентин, ткнув в плечо спрыгнувшего наземь мальца.

— Сам не знаю, что ли! — огрызнулся тот и, с досадой обхватив девчушку поперек, будто куль, отволок ее под стену, в тень.

— И семечек дай ей, Гринька, пусть играет,— добавил плечистый цыгановатый хлопец, которого все уважительно называли Алексеем.

Гринька с ожесточением полез в карман, вытащил горсть семечек:

— Играй, Наташа...

Что Наташа и Гринька — сестра и брат, было ясно. Одинаковые носы, круто вздернутые кверху, две пары до смешного одинаковых круглых ноздрей, широко и как-то особо требовательно глядящих в мир. Лица ватрушками, только у Наташи убежденно-хозяйское, а у Гриньки злое, озабоченное обязанностями няньки, которую учит и контролирует вся компания. Особенно была недовольна Гринькой Оля — гладко остриженная, большерукая, тоненькая девочка. Когда Гринька посадил сестру, Оля ближе подвинула ее к стене, а когда насыпал семечки на землю, Оля с подчеркнутой назидательностью переложила их на платочек.

Ребята вынимали железные занозы из бычьих ярм, и быки нетерпеливо обмахивались, крутили лобастыми головами, вокруг которых вились мухи. Распряжкой руководил Алексей, черноглазый, черноволосый, черный от загара — настоящий галчонок. Кепка на нем была набок, продранный козырек с торчащим изнутри картоном небрежно висел над ухом.

— А где Джульбарс? — остановил он вдруг ребят.

— Джульбарс, Джульбарс! — встревоженно стали звать ребята, заглядывая в подводы, вороша в них солому.

— Есть! Вот он, Джульбарс! — победно заорал Валька и, вынув из ящика задней подводы спящего щенка, положил у колеса.

Рыжий кудлатый щенок-сосун продолжал спать, не реагируя на громкие, подобострастные возгласы:

— Джульбарс, эх, ты, дьявол! Джульбарсик!

Все три пары выпряженных быков бегом потрусили к ставку; одни прямо у берега с нетерпеливой жадностью припали к воде, другие с ходу влезли по брюхо, пили там. Мальчишки ринулись следом, сбрасывая на бегу рубахи и штаны. Оля жеманно отвернулась, глядя в степь. Она шагнула к подводе, потрогала ящик, потом, взявшись за обод, качнула колесо, как это делают мужчины, чтобы по звуку определить, есть ли на оси смазка.

— В порядке инвентарь? — спросил я.

Оля улыбнулась, подошла к толстой Наташке. Глаза у Оли были темнокарие, большие и продолговатые — украинские. Личико тоже

продолговатое, тонкое; и вся она — со своими большими руками, стриженая, в тесном платьишке выше смуглых острых коленок — походила на гибкую ивовую лозинку.

Говорила Оля тихо, крутила на пальце подол. Она с Днепропетровщины. Они «вакуированные». Бабушка и два деда — батькин и мамин — старые. Мать — одна на всех работница, да еще и болела зиму и весну, потому и Олю остригла, чтоб не возиться с косами. Возвращаться домой на Днепр пока трудно: как же на такую дорогу трех стариков поднимешь? Это ж не кошелочка, что подхватил — и айда!..

Оля рассказывала совсем как взрослая, чуть опуская свои длинные, темные-темные ресницы.

— А на батьку у мамы похоронная спрятана. Он лейтенантом был. Чего ж поделать?.. Валька вон тоже без отца. И у Алексея тоже отца убили, у него теперь дядя Миша. Хороший человек,— по-бабьи добавила Оля,— жалеет Лешку, в эмтеесе работает.

Над ставком звенел командирский голос Алексея:

— Гринька! А ну-ка Наташу скупай!

Подошедший Гринька угрюмо поднял сестру, но Оля отобрала ее, сама понесла к воде и, не спуская с рук, ловко умыла, посадила на валявшиеся у берега гринькины штаны, начала стирать наташину рубашку. Мальчишки тоже занимались делом: купали лошадей. Двигая загорелыми острыми лопатками, они скребли ногтями спины жеребенка и кобылы, поливали их водой, и лошади стояли смирно, жмурились от брызг.

— Давайте и Джульбарса скупнем! Тащи его, Оля!

Через минуту все ребята — с Наташкой, с мокрым напуганным щенком — снова были уже у хаты, и только быки, как застывшие, оставались в воде, залитые сверху нещадным солнцем. Алексей, как старший, недовольно посмотрел в сторону комбайна.

— Черт! — сказал он.— Стоит. Ну нехай, быкам тоже отдохнуть надо: не железные. Пошли, хлопцы, полову им насыплем.

Ребята носили из подвод полову и, поглядывая на велосипед, стараясь делать это незаметно, напряженно перешептывались с Валентином. Мол, не дрейфь, скажи ему... Чего ж он, если обещал!..

Пришлось встать, взяться за насос. Они все нагнулись над моей спиной, дыша в затылок, потрагивая пальцем то раму, то спиральную пружину под седлом и одергивая друг друга:

— Не лапай!

— На,— сказал я Валентину.

Валентин схватил руль, сперва за никель, потом за резиновые ребристые ручки, стал босой ногой на педаль и оттолкнулся. Вторую ногу продел внутрь рамы (через верх ему бы не достать) и так, стоя боком, замотылял по дороге. Сделав круг, запыхавшись, соскочил возле нас, посмотрел на присевшего у хаты печального Алексея, на велосипед, на меня. В глазах было одновременно счастье, опасение, что велосипед сейчас отберут, и борьба с самим собой за интересы товарища.

— Дядя,— решившись наконец, сказал Валька, — дайте прокатиться Алексею.

Поехал Алексей. Потом оказалось, что умеет кататься Гринька и даже Оля. Велосипед вилял и устремлялся вперед резкими рывками. Вот-вот врежется в стену или в угол подводы.

— А хотите, — снова несясь по кругу, возбужденно кричал мне Валька,— я задом еще проедусь?

— Нет уж,— твердо отказал я,— довольно!

Велосипед был поставлен, мальчишки с азартом обсуждали езду, а Оля наклонилась к хныкающей Наташке, подняла кукурузный початок и ловко повязала на нем платок:

— На куколку!

Стали есть арбуз. Арбуз был обмятый в подводе и почти горячий. Наташа неохотно хныкала, ко всем лезла, и все кричали на Гриньку. Гриньке смертельно надоела сестра, но он притопывал перед ней босой ногой по земле и даже становился на голову,— дескать, не реви только, дай человеку хоть минуту покоя. Наконец девчонку утешил арбуз. Гринька совал ей арбузную мякоть, предварительно выковыривая пальцем семечки. Кормили ее и остальные. Однако наибольшим вниманием пользовался у всех Джульбарс. Его науськивали друг на друга, каждый звал к себе, плюнув на щепку, давал ему понюхать и быстро прятал под рубаху, чтоб Джульбарс искал. Сосун дурковато смотрел, сонно отворачивался, и это тоже восхищало ребят:

— Черт хитрый! Нарочно не ищет!

Валентин собрал арбузные корки, высыпал их перед кобылой и начал растопыренными пальцами, точно гребенкой, расчесывать ее влажную, подсыхающую гриву. Лошадь сосредоточенно хрупала корками, роняла зеленый сок, а Валентин жаловался мне на отвернувшегося жеребенка:

— Подумайте, не ест арбуза...

— А ведь вот дыню он у него ест, и помидор ест,— сообщал Гринька, пользуясь тем, что сестра притихла.— Ох, и умный: знает, что любит!

Солнце над степью стояло в отвес, разламывалось на тысячи лучей. Палило все небо сразу; каждая его голубая частица, вися над полями, жгла и ослепляла сероватую, открытую до самого горизонта равнину.

— А у нас дома, на Украине,— мечтательно вздохнула Оля,— сады зеленые растут, в садах вишни, яблоки — во какие!

— И ты помнишь?

— Нет. Бабушка рассказывает... Говорит, когда б не война, люди бы на чужбине не мыкали горе.

Валентин сердито покосился на девочку, отрезал:

— Твоя бабка про чужбину распетюкивает, вроде наш хутор чужестранный, не родина!..

Оля не нашлась, как заступиться за бабушку, а Валька зло добавил:

— Ясно, можно ругать хутор, что некрасивый, когда половина его сгорела в войну!

Алексей перестал возиться с Джульбарсом, резко повернулся.

— В хуторе пять месяцев фашисты стояли. Вот и тут,— показал он на птицеферму,— стояли. Гараж у них был... Слыхали про нашего Петра Андреевича?

— Не приходилось,— сказал я.

Алексей удивленно вскинул брови и заговорил, распаляясь с каждой секундой:

— Вот человек был — это да! Хоть не партизан, а не хуже партизана. Старый, лет семьдесят, без ноги, а знаете, какой с себя? Как Чапаев. Ясно?!—Горячие, точно смоляные, зрачки мальчишки уставились на меня в упор.— С него хоть кровь по капле сцеди — не сдастся! Хоть даже совсем замори его голодом!.. Кушали ж один отрубь на горячей воде.

Валька, слушавший Алексея, улыбнулся, точно вспомнив что-то хорошее, и добавил:

— Мать возьмет ящик с-под муки, перевернет над этим отрубем и тарабанит по дну: может, чего натрусится? Еще и ножиком скребет в щелках.

— Много наскребешь оттуда,— усмехнулся Алексей,— одни стружки... Потом люди еще сладкий корень отыскали в степи. Роют и заваривают дома. Сперва — сладость, а после ноги пухнут. И все одно не сдавались!

— А сами вот такие,— показала Оля, выпучив глаза и двумя пальцами изо всей силы вдавив внутрь свои щеки.

— Верно,— подтвердил Алексей.— Как покойники. Какая тетка так себе лежит, молчит со слабости. Какая вместе с дитем, а то аж с тремя, с такими вот, как Наташка. Чего ей делать?.. Как поналупцует, как понадает им всем, чтоб не просили супа!..

Тихий Гринька, который держал на руках сестру, неожиданно весь вдруг порозовел, яростно раздул свои и без того круглые открытые ноздри.

— Я не просил,— решительно отрезал он.

Алексей отодвинул Гриньку и сказал мне:

— Пошли, дядя, одно дело вам покажем, тут вот, рядом.

За поворотом ложбины, в которой голубел ставок, виднелись под разросшимся бурьяном фундаменты нескольких обрушенных хат. Среди кирпичного лома поблескивали осколки оконного стекла, битое блюдце с розовой каемкой, лежал затоптанный в землю старый лоскут синей кофты или юбки. Здесь обитали когда-то люди, текла их жизнь и рождались их дети. Сейчас на месте уничтоженного жилья стояла тишь, и только где-то в травах, а может, в знойной вышине, беззаботно, заливисто стрекотали степные пичуги. Из высокой конопли возвышалась полуобрушенная каменная стена сарая, и на ней красным суриком была выведена надпись:

«Смерть хвошистским акупантам».

Надпись была злобно замазана полосой машинного мазута, но мазут выцвел на солнце, на южном ветру, и красные большие буквы четко выделялись на горячей стене.

— Петро Андреевич писал,— сказал Алексей.

— Здесь и погиб,— вздохнула Оля.

— Ничего! Зато написал! — вместе ответили Валька и Алексей, видно, не раз уже вдвоем обсуждавшие это.

Валька сорвал колосок овсюга, обкусал его и кивком показал на поле перед собой:

— Этот клин вот мы после освобождения первым поднимали.

— И ты, что ли? — спросил я.

Верно, Алексею послышалась в моем вопросе насмешка над Валькой. Он буркнул:

— Валька с ребятами зерно в сеялку носил со станции.

— Ясно, были у нас и слабаки,— заметил Валька,— идет и вдруг упадет.

— Ну их! — поморщился Алексей.— Разнюнится, мать увидит — и давай корову выпрягать с плуга, чтоб доить. Какое оно, молоко, после борозды? Через силу — полкружки. Ну и начинается: «Чи я его слезами долью, чтоб дите напоить?..» А другая рядом сразу про мужика вспомнит, тоже заголосит: нас, мол, в ту войну восьмеро без отца осталось, а теперь в эту — моих четыре!.. И все из-за одного слабака, что нажалуется, как ему за зерном ходилось.

Гринька молчал, а Оля виновато сказала:

— Я совсем не ходила. Меня дома оставляли. Стирать дедам и бабушке.

Она чувствовала себя дезертиром и, смущенно наклоняясь, срывала одуванчики, связывала их в букетик.

Мы повернули назад. Из-за хаты вышла вдруг валькина кобыла, поглядела и, качая большой головой, двинулась навстречу хозяину.

— Паразитка! — засиял Валентин.— Найдет хоть за сто километров. Анечка!.. Ольга, дай одуванчики! На что они тебе?

Валька с гордостью оглаживал белую, рябоватую морду лошади, подвязывая к недоуздку букетик возле заросшего шерстью отвислого уха. Алексей осведомился:

— Сегодня тоже зерна ей попало? — И пояснил мне, стараясь говорить возможно весомее: — Поправляется тягло по малости. Пора уж, делов много.— Он боком, как петух, глянул в небо и заторопился: — Хлопцы! Час уже кормим, поехали.

На быков все кричали басом, даже тоненькая Оля. Наверно, быки так лучше понимали. В вызолоченную солнцем подводу опять посадили толстую Наташу и Джульбарса. Валентин вместе со своим «рационом» для цыплят взгромоздился на лошадь, и, когда она побежала, валькины локти начали высоко и лихо взлетать вместе с рубашкой, туго вздувшейся парусом.

К 30-летию со дня смерти Ф. Э. Дзержинского.

ДЗЕРЖИНОВО

От станции Столбцы дорога, извиваясь и петляя, убегает вдаль. Вот уже скрылся из виду величавый Неман, и кругом, насколько может окинуть глаз, стоят, словно в сказке, дремучие, вековые леса. Изредка попадаются деревушки, приткнувшиеся к самому лесу, вдали видны колхозные постройки — силосная башня, ветряная мельница... Это родные места Феликса Эдмундовича Дзержинского. Не раз он уезжал со станции Столбцы и проезжал мимо нее. Это была ближайшая железнодорожная станция к Дзержинову, где в 1877 году в семье учителя родился пламенный революционер.

В Дзержинове до войны еще можно было увидеть небольшой деревянный домик родителей Феликса Эдмундовича.

Дом Дзержинских стоял на отшибе, как хуторок. Но Феликсу здесь некогда было скучать. Летом — грибы, рыбная ловля; зимой — прогулки, книги. С книгами он подружился очень рано. А когда подрос, родные отвезли его в Вильнюс, в школу.

Феликс Эдмундович прожил в Дзержинове лишь ранние годы, но оно навсегда осталось в его памяти. В окрестных деревнях в давней дружбе жили белорусские, польские, русские и литовские крестьяне.

На летние каникулы Феликс возвращался домой. Он был желанным гостем в домах бедняков: писал за них письма и прошения, читал вслух увлекательные книги, рассказывал, как живут люди в городах.

После революции крестьяне нередко писали своему Феликсу, и он отвечал им. Строгий, справедливый, твердый, сердечный — таким он запомнился всем, кто его знал.

Когда в 1941 году грянула война, земляки Феликса Эдмундовича вступили в ряды партизан. Отряды народных мстителей носили его имя. Фашисты сожгли домик Дзержинских, зверски замучили родного брата Феликса Эдмундовича — инженера Казимира Эдмундовича, персонального пенсионера.

Прошли годы... Возродились разрушенные врагом села, поселки, станции. Выросли новые дома, появились средние школы — юношам и девушкам не нужно ехать в далекие города для получения образования. Над крышами поднялись радиоантенны. В домах вспыхнул электрический свет.

Богато расцвела жизнь в колхозах, носящих имя великого земляка. В родных местах Феликса Эдмундовича свято чтут его память.

В районном центре Ивенец установлен памятник Ф. Э. Дзержинскому.

Е. САДОВСКИЙ

Фото С. Капелько (ТАСС).

Лирические стихи

Сергей ОСТРОВОЙ

Верность

Росла сосна у моря
На диком валуне,
И тень ее большая
Качалась на волне.

Когда скрывалось солнце
За дальнею горой,
Сюда слетались бури
И тешились игрой.

Кипел соленый ветер,
Сползал с горы туман,
Сгибал сосну на камне
Косматый ураган.

Но, цепкими корнями
Врастая в глубину,
Сосна держала камень,
А он держал сосну.

И, ничего другого
Не требуя взамен,
Росла сосна у моря,
Не зная перемен.

Росла на камне голом,
На диком валуне,
Чтоб вечно с далью синей
Ей быть наедине...

Почта

Белый пар лежит в овражке,
Только-только рассвело...
В синей форменной фуражке
Почта едет на село.

Вдоль шоссе велосипедит,
Только ветер мчит в догон.
Почта едет! Почта едет!
Новостей везет вагон.

Парень с ходу спрыгнул смело.
Получайте что кому!
Петушиная капелла
Встречу грянула ему.

Он идет. Шумят березы.
Он идет. Светлеет даль.
Рядом в сумке смех и слезы,
Рядом радость и печаль.

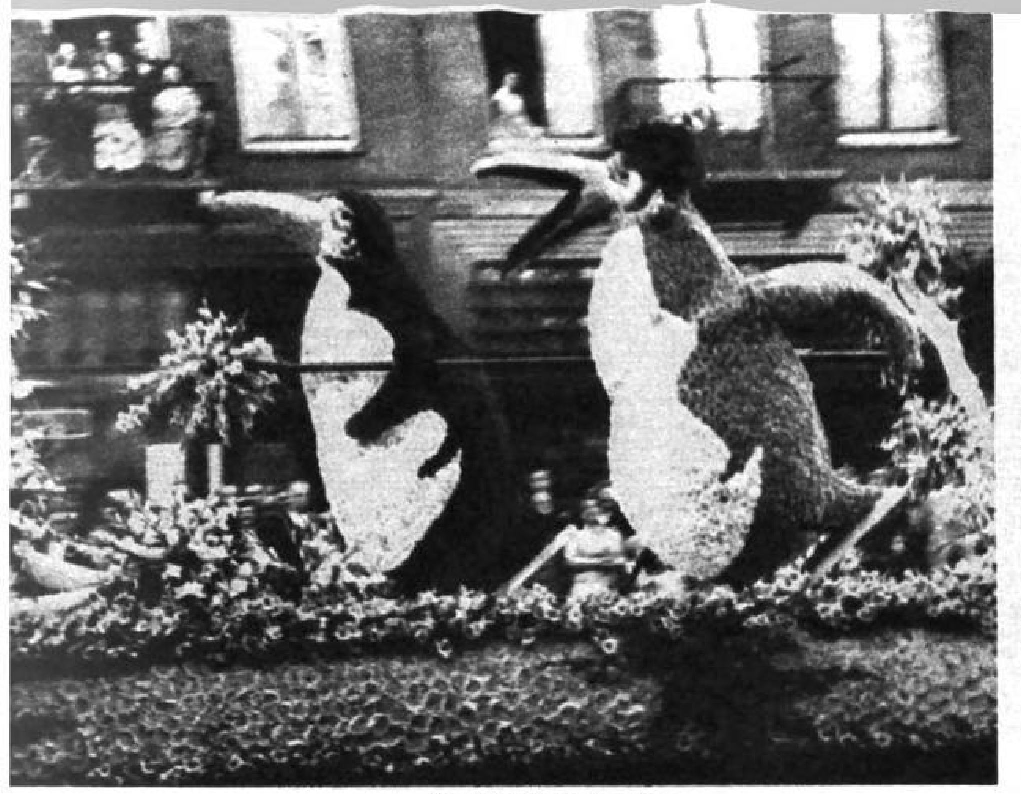
Сколько тайн лежит чудесных
В сумке кожаной, большой,
Сколько песен неизвестных,
Кем-то сложенных с душой,

Сколько трепетных приветов,
Сколько горестных разлук,
И невстреченных рассветов,
И пожатых с грустью рук,

И совет сердечный, братский,
И пакетики рассад,
Треугольничек солдатский —
Пограничный адресат!..

Почтальон стучится в двери.
— Кто?
— Откройте!
— Кто?
— Свои!
Весь народ ему доверил
Откровения свои.

Он идет. Шумят березы.
Он идет. Светлеет даль.
Рядом в сумке смех и слезы,
Рядом радость и печаль.

На празднике цветов.

В ГОЛЛАНДИИ

Заметки туриста

В. ЛОМОВА

К Амстердаму мы подлетели вечером. Внизу раскинулся большой красивый город. О его своеобразии уже много писалось. Каналы, которыми он изрезан, иногда проходят посреди улицы, как у нас бульвары, а в старом Амстердаме в некоторых местах образуют целые узкие водяные улицы. Плакучие ивы купают свои ветви в воде, то там, то здесь вырисовывается старая церковь. Дома Амстердама вытянулись в высоту и плотно прижались друг к другу, как бы стараясь занять меньше места на земле. Есть тут удивительно узкие здания — всего в одно окно на каждом этаже.

В старых голландских домах обычно очень крутые лестницы с узенькими ступеньками, ногу на них приходится ставить боком и уж, конечно, держаться за перила. В новых зданиях, в которых нам пришлось побывать, лестницы почти такие же крутые, как в старых. Из-за таких лестниц и узких дверей мебель и громоздкие предметы подымают в квартиры на крюках через окна. На наших глазах так поднимали груз в склад, построенный еще во времена Ост-Индской компании, и тем же способом водворяли мебель в квартиру нового дома.

В часы пик создается впечатление, будто весь город сел на велосипеды. Велосипедисты мчатся с большой скоростью, смело лавируя под носом у автобусов, трамваев и автомашин. Уличное движение почти не регулируется. Зато проявляется много заботы о безопасности детей. Кто-либо из школьников носит брезентовый широкий ремень, перекинутый через плечо. Поднимая красный металлический кружок, такой, как у наших дежурных в метро, он останавливает движение. И тогда стайка школьников спокойно переходит улицу.

Жилища на реке.
Фото Г. Кузнецова.

В Амстердаме нелегко с жильем. Немало людей вынуждены жить в лодках на каналах. Проезжая по каналам, мы наблюдали жизнь обитателей лодок: на палубе сушится белье, на окнах за занавесками видны цветы. Одну из лодок, уже без занавесок и цветов на окнах, куда-то тянул буксир, и на ней висело объявление: «Сдается в наем».

Новые здания Амстердама несколько однообразны по архитектуре. Они как бы целиком состоят из больших окон. Больше радуют взгляд уютные коттеджи, возле которых разбиты небольшие зеленые газоны с хорошо подобранными яркими цветочными пятнами: красные тюльпаны, голубоватые гиацинты, желтые или белые нарциссы, а где-нибудь сбоку посажен куст китайских колокольчиков. Нередко коттедж отделен от дороги небольшим каналом, через который перекинут мостик.

В старом квартале стоит небольшой дом со ставнями, разрисованными красными треугольниками. Над входом развевается флаг. В этом доме почти двадцать лет жил Рембрандт. В Государственном музее хранятся полотна великого художника. Здесь «Еврейская невеста», «Синдики» и знаменитый «Ночной дозор».

В музее много произведений и других прославленных художников: Яна Стена, Франца Гальса, Рубенса... Есть тут несколько картин Вермеера Дельфтского — «Дама в голубом», «Письмо» и широко известная «Служанка с кувшином молока». На его полотнах всегда приметишь излюбленное художником сочетание желтого цвета с синим или красным, которое так запомнилось нам по картине Дрезденской галереи «У сводни».

Когда мы вышли из музея, возле него толпилась группа школьников. Фотолюбители из нашей группы туристов направили свои камеры на детей, среди которых выделялся живой, шаловливый мальчуган. Заметив, что его хотят сфотографировать, он начал принимать такие же позы, как офицеры на групповых портретах, которые мы только что видели в музее, но делал это с явным чувством юмора. Туристы подарили веселому шалуну значок с изображением скульптуры, украшающей вход на сельскохозяйственную выставку в Москве. И тут же мальчика атаковали его друзья...

Наше посещение музея и эпизод с мальчиком пресса комментировала по-разному. Одна газета писала, что значок, на котором колхозница и рабочий держат в руках серп и молот, подарен с целью «красной пропаганды». Другая считала, что этим была пробита первая брешь в «железном занавесе». А один из отчетов заканчивался словами служителя музея: «Русские — такие же люди, как и все».

Я пишу эти строки, и передо мной лежит маленький сувенир: голландский башмачок, на котором нарисована синяя мельница, а из башмачка выглядывает букетик тюльпанов из пластмассы. Все магазины сувениров Голландии специально для туристов продают кломпы — деревянные, костяные и фарфоровые. Но кломпы, деревянные башмаки, в Голландии существуют не только как сувениры; их носят крестьяне: в деревянной обуви удобно работать на поле, они не промокают и к ним не так прилипает грязь. В городах можно увидеть кломпы на ногах рабочих.

По дороге в Зандам мы посетили мастерскую, где делают кломпы. Это маленькое предприятие рассчитано главным образом на туристов. Хозяин мастерской на несложном станке показывает, как вытачивают кломпы из куска дерева. Тут же крохотная лавчонка с кломпами всех цветов и размеров. К мастерской все время подъезжают автобусы с туристами, и хозяин снова и снова показывает, как вытачивают башмаки. Перед домиком стоит колоссальный деревянный башмак.

В Голландии многое делается специально для туристов. Как-то посетили мы остров Маркен. Раньше здесь был рыбачий поселок, но после того, как залив отрезала от моря большая дамба, рыбаки лишились своего промысла. Большинство начало искать работу в городе, а остальные — такое создается впечатление — живут за счет туризма. Жители Маркена до сих пор носят красивые национальные костюмы, и каждая туристская фирма организует на остров экскурсии.

Мы вошли в один из домов, состоявший из маленькой комнаты и кухни. Хозяйка стояла на стуле в одних носках — кломпы ее оставались, как полагается, перед входом в дом. С видом заправского гида она давала по-английски объяснения находившимся здесь туристам и демонстрировала лежавшие стопкой национальные костюмы. Очевидно, она чувствовала себя на рабочем посту и честно выполняла то, что требовали от нее туристские фирмы.

Когда мы уже покидали домик, туда буквально влетела пожилая американка. Не глядя по сторонам и не теряя зря времени, она кинулась в кухню, схватила первую попавшуюся под руку салфетку и выкрикнула:

— Сколько?

— Здесь дом, а не лавка, это не продается,— резко ответила хозяйка.

Оскорбленная в своих лучших чувствах, американская коллекционерка сувениров пулей вылетела из дома, браня ожидавших ее спутников.

Голландия — страна цветов. Много цветов выращивается на экспорт. Голландцы с большим вкусом украшают цветами свое жилище, высаживают их в парках, на берегах каналов, перед домами. Бросается в глаза, что цветы посажены в очень приятном сочетании друг с другом и окружающей зеленью. Запомнились прелестные букеты в залах музея Ван-Гога в Арнхеме, которые подбирает специально занимающаяся этим художница. Эти букеты с полным основанием можно назвать произведениями искусства.

В Алсмеере, местечке, где главное занятие жителей — цветоводство, обычно устраивается аукцион цветов. В большом помещении, напоминающем крытый ангар, лежат цветы, предназначенные для продажи. Махровые гвоздики, крупные, сочные, необыкновенных оттенков тюльпаны, гиацинты, нарциссы, розы — черные, чайные, белые, розовые,— душистый горошек нежных оттенков и орхидеи... Цветов так много, и они так красивы, что не знаешь, на чем остановить взгляд. Кажется, что ты в

сказочном царстве. Переходим в соседнее помещение, и волшебство кончается. Тут мы в реальном мире — здесь, собственно, и происходит аукцион цветов.

Комната напоминает студенческую аудиторию: скамьи для покупателей поднимаются амфитеатром почти до самого потолка. Напротив, высоко на стене, расположен большой циферблат, рядом с ним балкончик, на нем восседает тот, кто продает свои цветы. Рабочий ввозит платформу с цветами, их владелец приводит в движение стрелку на циферблате, указывающую цену. Стрелка движется, и цена идет на понижение. Покупатели должны нажать кнопку, чтобы посредине циферблата загорелся номер того, кто покупает. Первый нажавший кнопку приобретает цветы.

Незабываемое впечатление производит ежегодная выставка тюльпанов в Кейкенхофе. Одни из них похожи на крупные белоснежные лилии, другие — на пышные нежные пионы. Здесь тюльпаны ярко-красные, розовые, лиловые, черные, сине-сиреневые, с красиво изрезанными лепестками, и тюльпаны, по окраске и форме напоминающие перья птиц. Они так и называются — «Красный попугай» и «Синий попугай». Лепестки белых тюльпанов оканчиваются ажурным рисунком в виде плетеных кружев.

Интересным для нас было посещение домика Петра Великого в Зандаме (Саардаме). В то время Зандам был центром торговли лесом и кораблестроения. Здесь в 1697 году в домике кузнеца поселился Петр I, чтобы в качестве простого плотника изучать корабельное дело. Жил он тут всего неделю, а позже еще два раза посещал кузнеца, давшего ему приют. От времени домик сильно накренился набок, поэтому его обшили бревнами, одели в каменный колпак, защищающий от дождя и ветра. Дом бережно охраняется. В нем две небольшие комнаты, в одной из них стоит грубый деревянный стол, за которым сидел Петр I. В свое время этот дом посетил Наполеон, и над скромным очагом выписаны слова, сказанные им здесь: «Для великого человека нет малого».

Хочется написать о том, что никак не отражено в сувенирах,

Памятник Петру I в городе Зандаме.

предлагаемых туристам, но что на наш взгляд — самое главное и значительное. Это — мужество и труд народа, веками ведущего борьбу с морем. Две пятых поверхности страны лежат ниже уровня моря. Реки Голландии благодаря своему спокойному течению по равнине наносят большое количество ила. Русла их становятся выше тех земель, по которым они несут свои воды, как говорят здесь, «текут выше голов».

Морские берега покрыты песчаными дюнами, защищающими сушу от наступления моря. Но не везде дюны могут сдержать натиск воды — нужно все время укреплять береговую линию, строя сложную систему дамб и плотин. Берега рек также необходимо одевать в дамбы. Всюду построены шлюзы и насосные станции, они отводят излишек воды из почвы, а в каналах поддерживают необходимый уровень.

История Голландии знает ужасающие по своей разрушительной силе наводнения. Так, в 1282 году море прорвало береговые заграждения и залило большое пространство, образовав до сих пор существующий залив Зейдер-Зее. На протяжении XVI—XIX веков наводнения той или иной силы повторялись неоднократно. Нам рассказывали подробности грандиозного наводнения 1953 года. Было затоплено несколько крупных прибрежных городов. Борьба, которую ведет голландский народ с морем,— это не только защита, но и активное наступление. С давних времен голландцы осушают большие участки моря, создавая плодородные земли — польдеры.

По проекту инженера Корнелиуса Лели осуществляется осушение залива Зейдер-Зее. Зейдер-Зее отрезан от Северного моря большой дамбой протяженностью около 30 километров. Два польдера уже осушены, ведутся работы на третьем. Мы побывали на строительстве дамбы третьего польдера. С ее постройкой из окруженного участка залива начнут откачивать воду. Предполагается, что на это уйдет восемь месяцев. У моря будут отвоеваны еще десятки тысяч гектаров земли. Работы ведет государство, которое потом сдает землю арендаторам, взимая довольно высокую плату. Однако желающих очень много, на каждый участок претендовало по пятьдесят человек.

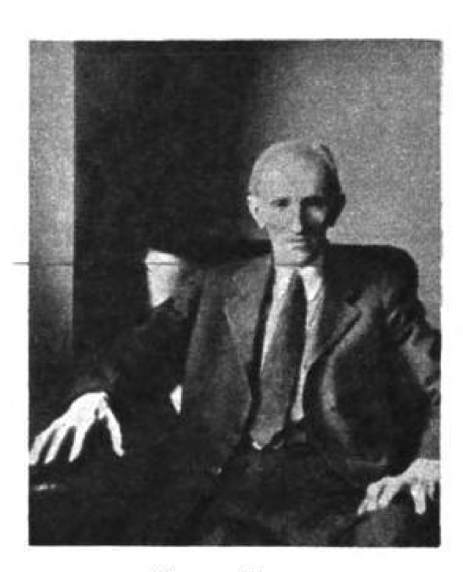
Проезжали мы по уже осушенному и заселенному польдеру. На нем проложены шоссейные дороги, построены фермы, засеяны поля. Поверхность польдера ровная, как стол. Прежние маленькие острова и на зеленеющем ровном польдере продолжают оставаться своеобразными островками.

На одном из таких «островов» создан музей, в нем собрано все то, что было найдено на дне залива: огромный череп какой-то страшной рыбы, старые, ржавые якори, орудийные ядра, черепки посуды. Возле музея стоит старая пушка. Раньше из нее стреляли во время наводнения, взывая о помощи. Теперь она лишь напоминает, что когда-то вокруг была вода.

Думая о том труде, который вложен голландцами в свою землю, нельзя не вспомнить популярную здесь шутливую поговорку: бог создал весь мир, кроме Голландии,— ее создали сами голландцы.

Жизнь, отданная науке

Б. РЖОНСНИЦКИЯ,
кандидат технических наук

Никола Тесла.

В начале января 1943 года в номере на 33-м этаже нью-йоркской гостиницы «Нью-Йоркер» в полном одиночестве скончался человек, чье имя на протяжении более полувека стояло в ряду самых уважаемых имен ученых.

Никола Тесла родился сто лет назад, 10 июля 1856 года, в сербской провинции Лика в деревне Смеляны, неподалеку от Адриатического моря. Отец его, Милутин Тесла, человек высокообразованный, знавший много языков, был прекрасный оратор, поэт и общественный деятель. Уже в детстве Н. Тесла проявил большую любовь к поэзии, познакомился с великими творениями классиков. Вместе с тем в нем рано сказалась склонность к изобретательству. В Высшем техническом училище в Граце Тесла обнаружил не только огромные способности, но и умение мыслить самостоятельно. Именно это и привело Тесла к первому замечательному изобретению в области электротехники, ставшей затем основной его специальностью.

Электротехника получила особенно быстрое развитие с 1870 года, когда французский изобретатель З. Грамм создал электродвигатель постоянного тока. Тесла построил модель машины Грамма и производил с ней опыты, пытаясь превратить ее в модель электродвигателя переменного тока.

Первую модель генератора переменного тока он создал позже, в Страсбурге, где работал инженером на постройке электростанции. Его предложение оборудовать станцию такими генераторами было отвергнуто, и Тесла, не желая оставаться простым исполнителем чужих проектов, уехал в Соединенные Штаты Америки, где ему удалось поступить в лабораторию Эдисона.

Работая у Эдисона, Тесла стал автором особой конструкции дуговых ламп для уличного освещения и владельцем ряда патентов на различные другие изобретения. В 1885 году он основал «Общество по освещению дуговыми лампами Тесла», а немного позднее, в 1887 году,— «Электрическую компанию Тесла». Это дало возможность создать и специальную лабораторию и мастерские для проводимых им исследований. 12 октября 1887 года Тесла заявил о своем изобретении электродвигателя многофазного переменного тока и особой системы распределения электрической энергии. Позже на это изобретение ему был выдан патент США.

На Всемирной выставке в Чикаго Тесла демонстрировал свою систему «передачи сигналов с помощью электромагнитных волн». Вот как описал эту демонстрацию А. С. Попов в докладе на Первом Всероссийском электротехническом съезде в январе 1900 года: «Употребление мачты на станции отправления и на станции приема для передачи сигналов помощью электрических колебаний не было впрочем новостью: в 1893 г. в Америке была сделана подобная попытка передачи сигналов известным электротехником Николаем Тесла. На станции отправления на высокой мачте был поднят изолированный проводник, снабженный на верхнем конце некоторой емкостью в виде металлического листа: нижний конец этой проволоки соединялся с полюсом трансформатора Тесла высокого напряжения и большой частоты. Другой полюс трансформатора был соединен с землей. Разряды трансформатора были слышны на станции приема в телефоне, соединенном с высоко поднятым проводом и землей».

У Тесла недоставало еще технических средств для приема волн, а у Попова — для их возбуждения. Соединение двух замечательных изобретений и дало свои результаты в созданном А. С. Поповым законченном радиотелеграфном устройстве, продемонстрированном 7 мая 1895 года.

Среди различных других исследований Тесла изучал также физиологическое действие токов высокой частоты. Эти работы его были использованы в медицине — и хирурги и терапевты начали широко применять токи высокой частоты для лечения.

Во время опытов с токами высокой частоты Тесла открыл возможность получения света без нагрева проводников. В трубке под действием токов частицы воздуха ионизируются, и при столкновении их с нейтральными молекулами воздуха освобождается энергия, превращающаяся в световой поток.

В период первой мировой войны радиогородок и радиостанция в Лонг-Айленде, созданные Н. Тесла, были разрушены правительством США из опасения возможного шпионажа. Тесла остался почти без средств к существованию и, поселившись в гостинице «Нью-Йоркер», едва мог продолжать свои теоретические работы. С 1936 года он принял предложение Югославии и стал получать пенсию Югославского правительства.

Никола Тесла — автор более 800 изобретений. Он получил 113 патентов США. 75 наиболее важных из них были реализованы...

Отмечая выдающиеся заслуги знаменитого сына Югославии, Народное правительство присвоило имя Николы Тесла одной из храбрейших дивизий югославской Народно-освободительной армии. Его именем названа одна из строящихся ГЭС Югославии; радиоприемники с маркой «Тесла» находятся в тысячах домов, более десятка «биоскопов» (так в Югославии называются кинотеатры) в крупнейших городах страны носят имя Н. Тесла. Завещанные им Югославии научные архивы составляют основу специального Музея Тесла в Белграде.

Научные заслуги Тесла были отмечены присуждением ему в 1916 году высшей научной награды США — медали Эдисона.

В 1955 году его именем названа одна из электромагнитных единиц.

Никола Тесла не дожил до полного освобождения своей родины от фашистских захватчиков. В Федеративной Народной Республике Югославии имя великого ученого и патриота не забудется никогда.

Анекдоты мистера Клукхона

А. СОФРОНОВ

С Фрэнком Клукхоном из госдепартамента США мы познакомились на борту парохода «Иль де Франс», когда входили в нью-йоркский порт. Высокий худой мужчина отрекомендовался и представил двух переводчиков.

— С этого момента мы будем сопровождать вас в поездке по Америке,— сказал несколько бесцеремонно Клукхон.

Не будем вновь напоминать о всех перипетиях нашего 33-дневного пребывания в Америке. Остановимся на личности Фрэнка Клукхона, который, по всей видимости, был старшим среди трех работников, сопровождавших нас. Он произвел на нас в общем благоприятное впечатление. Ежедневно общаясь с ним, мы, конечно, не могли не заметить некоторую его ограниченность и не очень большую образованность. Скажем прямо: вряд ли бывшего сотрудника газеты «Нью-Йорк таймс», хваставшего своими знакомствами с литературным миром Америки, может украшать, например, то, что он не знает одного из крупнейших современных писателей — Лиона Фейхтвангера. Когда мы в Лос-Анжелосе сказали Клукхону, что хотим посетить Фейхтвангера, пригласившего нас в гости, Клукхон ответил:

— Пусть этот парень сам к вам придет...

Мы посмеялись: что ж делать, одни журналисты любят виски, другие к этому еще и литературу. Мы объяснили мистеру Клукхону, что вряд ли удобно называть «парнем» человека, которому пошел уже восьмой десяток.

Нас не удивило и то, что Клукхон во время пресс-конференций вдруг прерывал американских журналистов, а иногда и нас... Что же, видимо, Клукхон по-своему понимает свободу слова.

В поездке Клукхон, придерживаясь своих политических убеждений, правда, не пытался обратить нас «в свою веру». Но это делали другие, и притом довольно грубо. Так, в Нью-Йорке после пресс-конференции одному из нас некая особа — явный провокатор в юбке — предложила «миллион долларов и американский паспорт, если кто-либо из советских журналистов останется в Америке». Она, конечно, получила соответствующий ответ. Когда мы сообщили об этом разговоре Клукхону, он сказал:

— Мы бы тоже искренне сожалели, если бы среди вас оказался такой.

Мы заверили мистера Клукхона, что повода для «сожаления» у него не будет.

Клукхон не лишен был чувства юмора. Он любил рассказывать анекдоты и любил слушать их. Он говорил нам, что не знает русского языка, но чувство юмора у него было развито до такой степени, что иногда он начинал смеяться... еще до того, как слышал перевод...

Недавно нам стали известны анекдоты, сочиненные Фрэнком Клукхоном и рассказанные им уже не устно, а письменно на страницах американского журнала «Ридерс Дайджест».

Через полгода после нашего отъезда из Америки Клукхон опубликовал в этом журнале статью «Путешествуя по США с семью красными». Через полгода! Необычная для американского журналиста «оперативность»! Мы, семеро советских журналистов, уже давным-давно «отписались» о нашей поездке и перешли к другим делам, а Фрэнк Клукхон полгода собирался и наконец сочинил 250 строк. Что же он написал?

Вот один из первых абзацев его статьи: «У каждого члена группы, как и у ее руководителя Бориса Полевого, существовал духовный железный занавес. Они реагировали на любую ситуацию в соответствии с линией коммунистической партии; разговаривать с ними было подобно разговору с кирпичной стеной».

Вот, оказывается, чем недоволен Фрэнк Клукхон! Советские журналисты посмели, находясь в США, «иметь свое мнение». Теперь действительно вспоминаются многие наши споры с американскими журналистами, высказывавшими нам свою точку зрения по различным вопросам. Мы не обижались на них за то, что они не принимали нашего образа мыслей. Почему же Клукхон в такой обиде на нас? Все, как говорится, было бы ничего, если бы автор не пытался общие положения подкреплять «фактами», разумеется, ложными. А ложь, как известно, не украшает джентльмена.

Клукхон пишет: «В одном загородном клубе в Фениксе наш хозяин хотел представить им (советским журналистам.— А. С.) обслуживающий персонал, заметив при этом, что одна из официанток является матерью майора воздушных сил. Мне пришлось сказать «нет». К этому времени я уже выяснил, что русские будут сердиться, если я приму это предложение».

Ай-яй-яй, мистер Клукхон, солидный как будто человек, а обманываете читателей! Мы ровно ничего не знали о том, что хозяин хотел представить нам «одну из официанток». Пусть ваше измышление останется на вашей же совести. Но, кстати, с официантками, обслуживавшими наши столы в ресторане, мы долго и дружески разговаривали при любезном участии гостеприимных жителей Феникса. Как же вы этого не заметили, мистер Клукхон? Смотрите, поставят вам двойку за прилежание...

Далее Клукхон пишет: «Они (советские журналисты.— А. С.) говорили с американскими рабочими в рабочее время, но в другое время не хотели иметь с ними никаких дел». И снова неправда. Встреч с рабочими, к сожалению, почти не было, за исключением 2—3 кратковременных визитов на квартиры в вашем, мистер Клукхон, и ваших помощников сопровождении. На заводах (вспомните!) нас предупреждали: «Просьба с рабочими не разговаривать». Это было на заводе моторов Форда в Кливленде и автомобильном заводе «Шевроле» в Лос-Анжелосе. Правда, на заводе Форда нас провели к одному рабочему и предложили задать ему несколько вопросов, что мы и сделали. Но на другой день и наши вопросы и ответы рабочего были опубликованы кливлендской прессой в извращенном виде.

А не вспомните ли вы, мистер Клукхон, письмо печника в Солт Лэйк Сити, приглашавшего нас в гости? Мы спросили вас: «Можем ли мы посетить печника?» Нам ответили: вы-де, мол, получили не приглашение, а нечто вроде приветствия...

Я не стану продолжать перечисление подобных фактов. Все они говорят об одном: мы не раз просили вас помочь нам встретиться с рабочими, простыми людьми Америки. И всегда следовал стереотипный ответ: «Нет времени, поездка напряженная».

Клукхон обманывает читателей журнала, утверждая, будто мы «не проявляли интереса» к школе для индейцев, но зато «не пропускали ни одной возможности выступить по телевидению или радио перед группами журналистов или лиц, интересующихся международными делами». Тут, как говорится, получается в огороде — бузина, в Киеве — дядька. Мы очень интересовались школой для индейцев и все, что думаем о ней, сообщили нашим читателям, каждый по-своему оценив эту школу. Я лично до сих пор не могу понять, почему дети индейцев учатся отдельно от детей «белых» американцев? Этого нам не объяснил ни мистер Клукхон, ни кто-либо другой во время нашего пребывания в Америке.

А может быть, вы вспомните, мистер Клукхон, что вы ответили нам, когда мы просили показать места жительства индейцев — резервации? Мы их видели только однажды с высоты полутора тысяч метров, пролетая к Гранд Каньону. И на эту нашу просьбу последовал стандартный ответ: «Некогда».

Теперь о наших выступлениях по радио и телевидению. Мы выступали столько раз, сколько нас просили, и ни разу больше. Можно представить, что бы написал Клукхон, если бы мы отказались хотя бы от одного такого выступления?!

Клукхон пытается бросить тень на нас. Они, мол, только выдавали себя за репортеров: на металлургическом заводе и на медном руднике они показали, что знают о производстве стали и содержащихся в руде минералах больше, чем наши гиды. Фрэнк Клукхон, видимо, не высоко оценивает эрудицию американских репортеров. Это — его дело. Что же касается «туманных намеков», то их можно было бы оставить и без внимания. Впрочем, туман легко рассеялся бы, если этого захотел бы Клукхон: стоило только ему обратиться к одному из американских репортеров, находящихся сейчас в Москве, часто встречающихся с нами на различных приемах и, как мы надеемся, хорошо знающих нас.

Клукхон обманывает своего читателя и тогда, когда заявляет, будто мы писали, что американский народ не хочет войны, а вот правительство США состоит из поджигателей войны. В своем письме редактору «Ридерс Дайджест» мы писали, что «согласны немедленно перевести г-ну Клукхону по телеграфу вдвое большую сумму, чем он получил за свою статью в этом журнале, если он сообщит, где, когда кто-либо из нас, вернувшись из США, писал, что «правительство США состоит из поджигателей войны». К сожалению, мы до сих пор не имеем ответа от редактора «Ридерс Дайджест». Собирается ли он напечатать наше письмо?

Я опускаю многое из той неправды, которую опубликовал Фрэнк Клукхон, и хочу задержать внимание читателей только еще на одном обстоятельстве.

«Почти с самого начала члены группы показали мне фотографии своих жен и детей, которые возили они с собой в бумажниках,— пишет Клукхон.— Меня поразило, что каждая жена выглядела как манекенщица из ателье мод и каждого ребенка можно было тут же снимать для кино... Они показывали эти снимки повсюду и при любой возможности, говоря: «Вы видите, что мы такие же люди, как и вы». Все американцы без исключения попадались на эту удочку, воспринимая это как дружественный жест».

Надо ли комментировать, спорить, отвечать что-нибудь на столь циничное заявление?

Видите ли, как были «вооружены» советские журналисты! Даже фотографии своих жен и детей захватили! А не выдают ли эти слова самого Клукхона, показывая его человеком бездушным, сухим, как логарифмическая линейка?

Недавно редакцию «Огонька» посетила дочь американского издателя Бетти Мерфи Мейс. Она спрашивала, как я отношусь к статье Клукхона.

— Когда вы будете в Нью-Йорке,— ответил я ей,— позвоните Клукхону в Вашингтон и скажите, что джентльмены так не поступают.

Наша гостья сочувственно закивала головой:

— О, да! О, да! Это очень нехорошо!

И когда думаешь сейчас о побудительных мотивах, заставивших Клукхона сочинить грязную статейку, невольно вспоминаешь сотни людей, с которыми мы встречались в Соединенных Штатах Америки. Наши мнения по многим вопросам были различны. Но сами по себе встречи, как правило, были дружественны. Мы горячо спорили, но одновременно узнавали друг друга. Даже такой далеко стоящий от нас на социальной лестнице человек, как Сайрус Итон, один из крупнейших банкиров и промышленников США, характеризуя советских журналистов, приехавших в США, писал: «На нас, американцев, произвели приятное впечатление способности и личные качества наших гостей из СССР, что я могу сам засвидетельствовать после посещения моего дома советскими журналистами».

Зачем же понадобилось Клукхону, целовавшемуся с нами при прощании (это он сам пишет), сочинять через полгода заведомую неправду о людях, которые так ему понравились (это он тоже сам пишет)?

Нет ли здесь боязни укрепления дружбы народов СССР и США, нет ли здесь желания закрыть доступ в США советским людям, желающим жить в дружбе и мире со всеми народами?

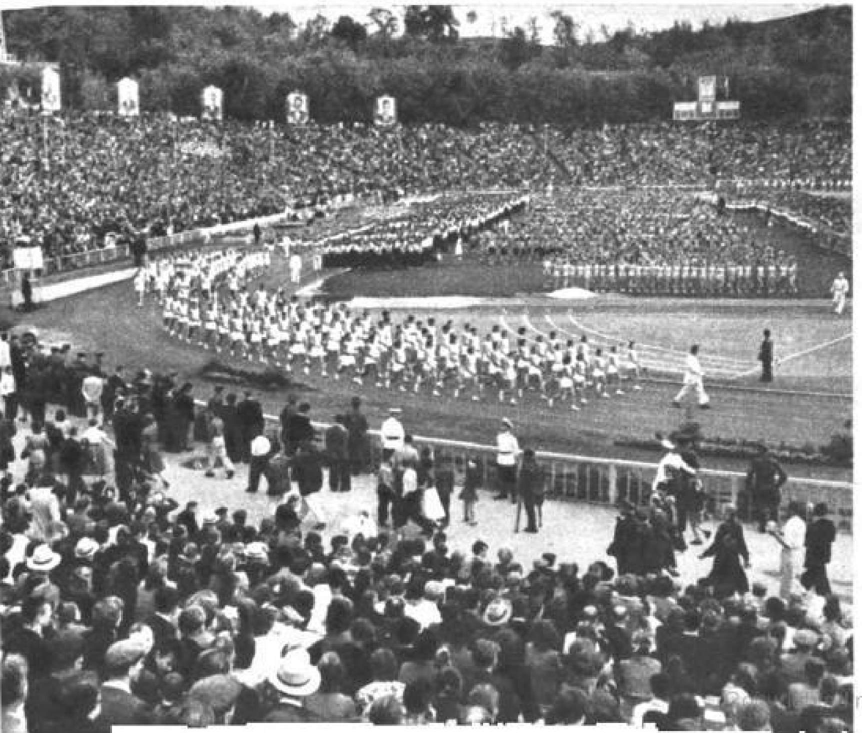
Мисс Бетти Мерфи Мейс в беседе с нами сказала, что «холодная война» пошла на спад и это ее очень радует. Мы убеждены, что это радует и миллионы американцев. Но есть индивидуумы, никак не желающие прекращения «холодной войны». Не их ли злой воле подчинился Клукхон, сочинивший свою лживую статейку?

ПЕРЕД СПАРТАКИАДОЙ НАРОДОВ СССР

Страна готовится к Спартакиаде народов СССР. В союзных республиках проходят спартакиады, которые должны определить составы сборных команд. Вслед за спортсменами Туркмении, Грузии, Казахстана, Узбекистана, Азербайджана, Армении провели свою спартакиаду спортсмены Украины.

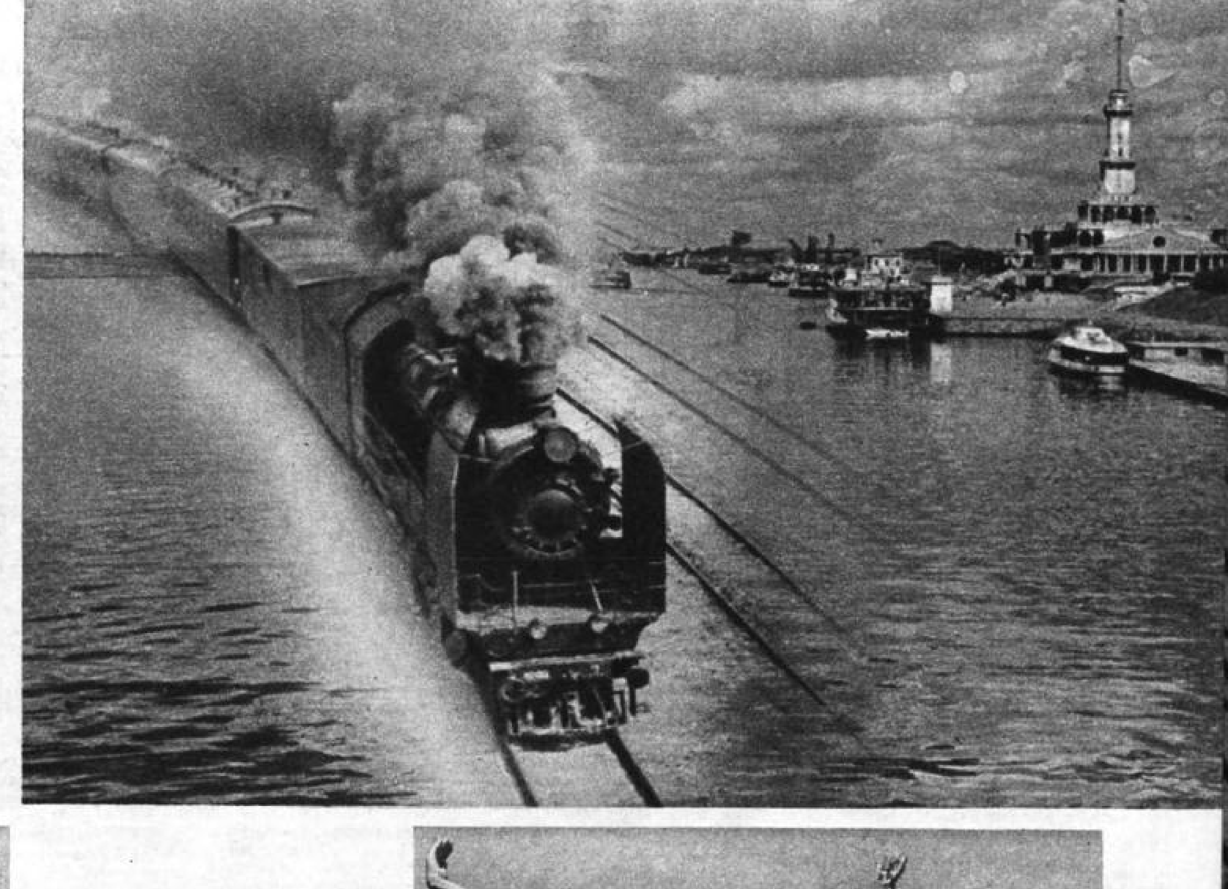
На снимке: Киев. Открытие спартакиады УССР.

Фото Н. Козловского.

Рассеянный фоторепортер

Фотошутка Г. Зельма

Фотоаппарат заправлен отличной пленкой. Пора за дело! Хочется заснять несколько эпизодов из жизни Москвы и москвичей.

Первый кадр — мчащийся к столице экспресс. Как будто должно получиться неплохо.

Запечатлены белоснежные яхты на Химкинском водохранилище. На стадионе «пойман» рекордный прыжок в высоту. Привлекательный сюжет — русская тройка лошадей на ВСХВ.

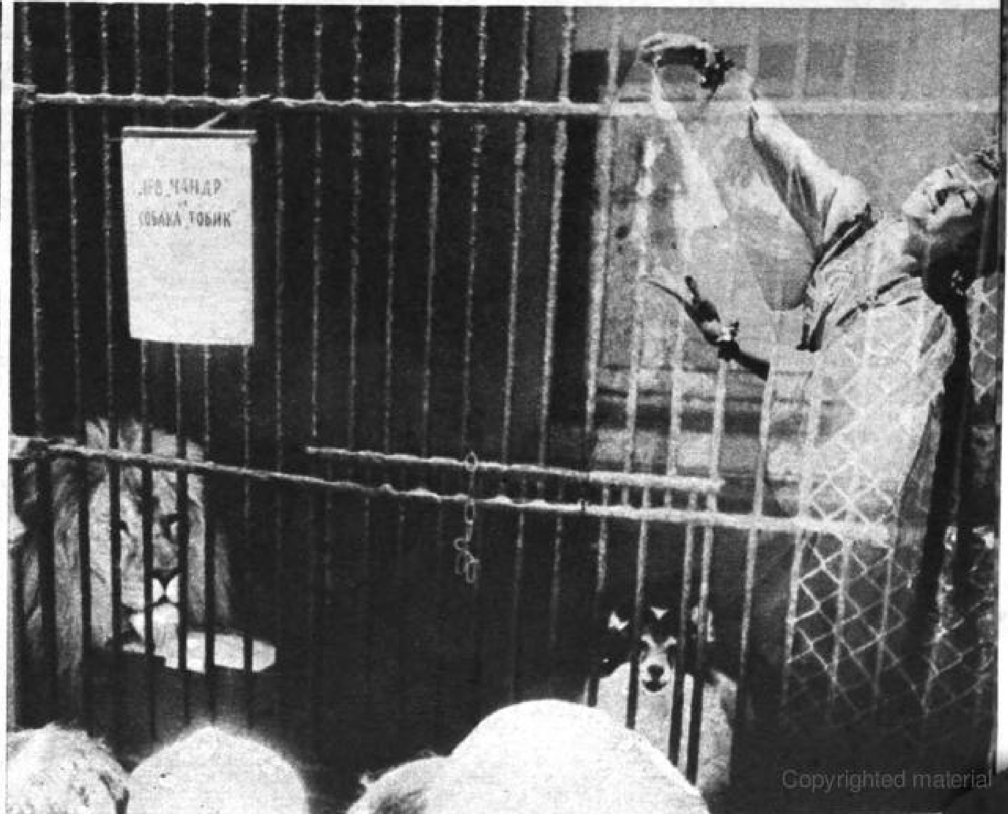
Час «пик» в Охотном ряду... Станция метро... Зоопарк, клетка с царем пустыни... Концерт в зале Чайковского...

Ночью весь фотоматериал проявлен. Какая неудача! Какая небрежность! На одной и той же пленке заснято по два кадра!

Вот до чего доводит рассеянность! Посмотрите, что из этого получилось...

Первые шаги

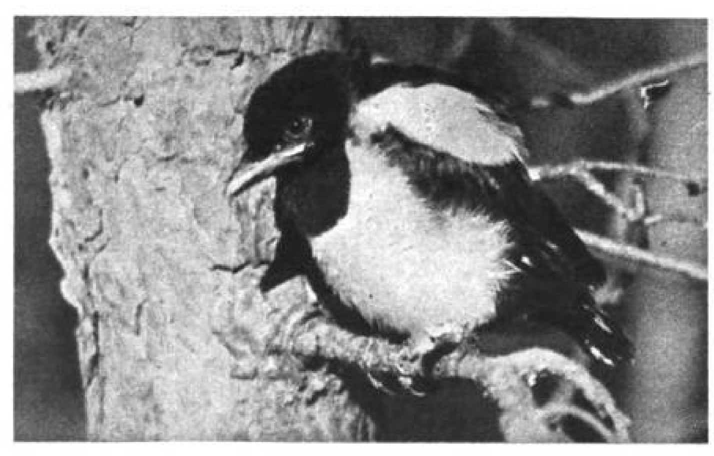
Каждый, кто был в лесу, мог слышать резкий, неприятный крик сойки, которым она предупреждает обитателей леса о приближающейся опасности. За это охотники терпеть не могут сойку. Мне удалось сфотографировать птенца сойки. Он не научился еще добывать себе пропитание, но уже с «малых лет» учится издавать предупреждающие крики, понапрасну тревожа лесных жителей.

Пока мать занята поисками пищи, двое маленьких чибисят тихо сидят в своем незатейливом гнездышке — небольшом углублении в земле. На птенцов можно наступить ногой, не заметив их среди травы: так хорошо маскирует их покровительственная окраска оперения.

После первого самостоятельного вылета из гнезда птенец лесного конька впервые в жизни уселся на ветке дерева и с удивлением оглядывается вокруг. Он и не подозревал о существовании открывшегося перед ним огромного, чудесного мира, пока сидел в гнезде, которое обычно находится на земле под кустом или в густой траве.

Сорока, как известно, славится своим хвостом, достигающим тридцати сантиметров длины. Этому сороченку, как видно, придется еще немало съесть на своем веку гусениц, червяков, жучков и прочей «живности», пока удастся отрастить настоящий, хороший сорочий хвост.

Петр НОСОВ

Рисунки Ю. Черепанова.

Английский юмор

Портрет мельника

Один мельник обратился к художнику, чтобы тот написал его портрет.

— Но только должен вам сказать, что я очень трудолюбивый человек,— заявил мельник,— и хочу, чтобы на портрете я сидел у окна своей мельницы и глядел на улицу. Но когда кто-нибудь, проходя мимо, посмотрит на меня, я должен сразу спрятать голову, чтобы не подумали, будто я лентяй и провожу слишком много времени у окна.

— Хорошо,— сказал художник,— я напишу ваш портрет так, как вы желаете.

Художник нарисовал мельницу с окном. Мельник посмотрел на картину.

— Очень хорошо,— сказал он,— но только вы забыли нарисовать меня.

— А видите, в чем дело,— ответил художник,— когда кто-нибудь смотрит на мельницу, то вы сразу прячетесь за стену, чтобы сохранить за собой репутацию трудолюбивого человека. Вот вы и спрятались, сейчас вы внутри мельницы.

— Правильно, правильно,— сказал мельник.— Я вполне доволен, вполне. Я сейчас, значит, нахожусь в мельнице? Это очень хорошо. Так и надо, я вполне доволен.

Из сборника «Остроумие и мудрость».

Восемь страниц цветных вкладок этого номера посвящены произведениям Рембрандта ван Рейна.

Год рождения 1850-й

До сих пор случаи долголетия, как правило, отмечались в южных краях, преимущественно на Кавказе. А вот Донат Бокте родился и 106 лет живет совсем в других широтах: оказывается, долгий век возможен и на равнинах Латвии.

В центре республики есть такой район — Эргли, а в том районе — хутор Папардес. Здесь и живет престарелый, но вполне бодро себя чувствующий колхозник Донат Бокте. Еще в прошлом году он пас колхозный скот, заработав несколько десятков трудодней. Да и сейчас трудится в меру сил в своем личном хозяйстве.

В республике насчитывается более ста тридцати человек, чей возраст выражается трехзначными цифрами. Недавно, например, в одном из рижских домов инвалидов тепло и торжественно было отмечено столетие потомственной батрачки Феодосии Скробатовой.

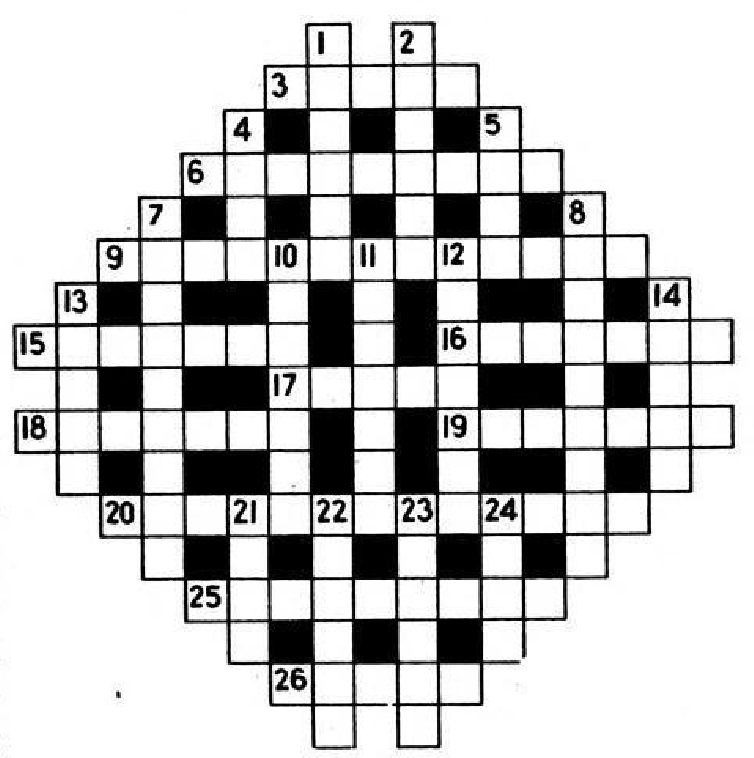
А. ВИТОЛ

Донат Бокте и Вия, одна из шестнадцати его внучат.

Фото Б. Тикнуса.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Башкирский музыкальный инструмент. 6. Регулярно выпускаемые печатные издания. 9. Сочетание частей, образующее гармоническое целое. 15. Математический знак. 16. Авиаконструктор. 17. Водоем. 18. Соцветие кукурузы. 19. Литературное произведение. 20. Искренность, откровенность. 25. Вывод, результат. 26. Стихотворное произведение для пения.

По вертикали:

1. Цветные нитки. 2. Документ, удостоверяющий полномочия. 4. Западнославянский народ. 5. Река в Канаде и на Аляске. 7. Искусственное орошение. 8. Изменение слова по падежам. 10. Род овсяной муки. 11. Сильное нагревание. 12. Врач. 13. Покрой, образец. 14. Достоинство. 21. Сетчатая ткань. 22. Город и порт Австралийского Союза. 23. Пальма тропической Азии. 24. Проток в дельтах рек.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ в № 27

По горизонтали:

1. Памфлет. 4. Трускавец. 7. Митинг. 9. Вакуум. 12. Токарь. 13. Шпала. 14. Идиома. 18. Многолетник. 19. Лима. 20. Порт. 21. Крузенштерн. 23. Ачинск. 24. Арсен. 25. Игуана. 28. Малайя. 29. Никель. 31. Стационар. 32. Житница.

По вертикали:

1. Порфир. 2. Факт. 3. Треска. 5. Нихром. 6. Фундук. 8. Гипсометрия. 9. «Валленштейн». 10. Аквамарин. 11. Горностай. 12. Теплица. 15. Арктика. 16. Форум. 17. Индер. 21. Каскад. 22. Нагель. 26. Каптаж. 27. Оксана. 30. Финн.

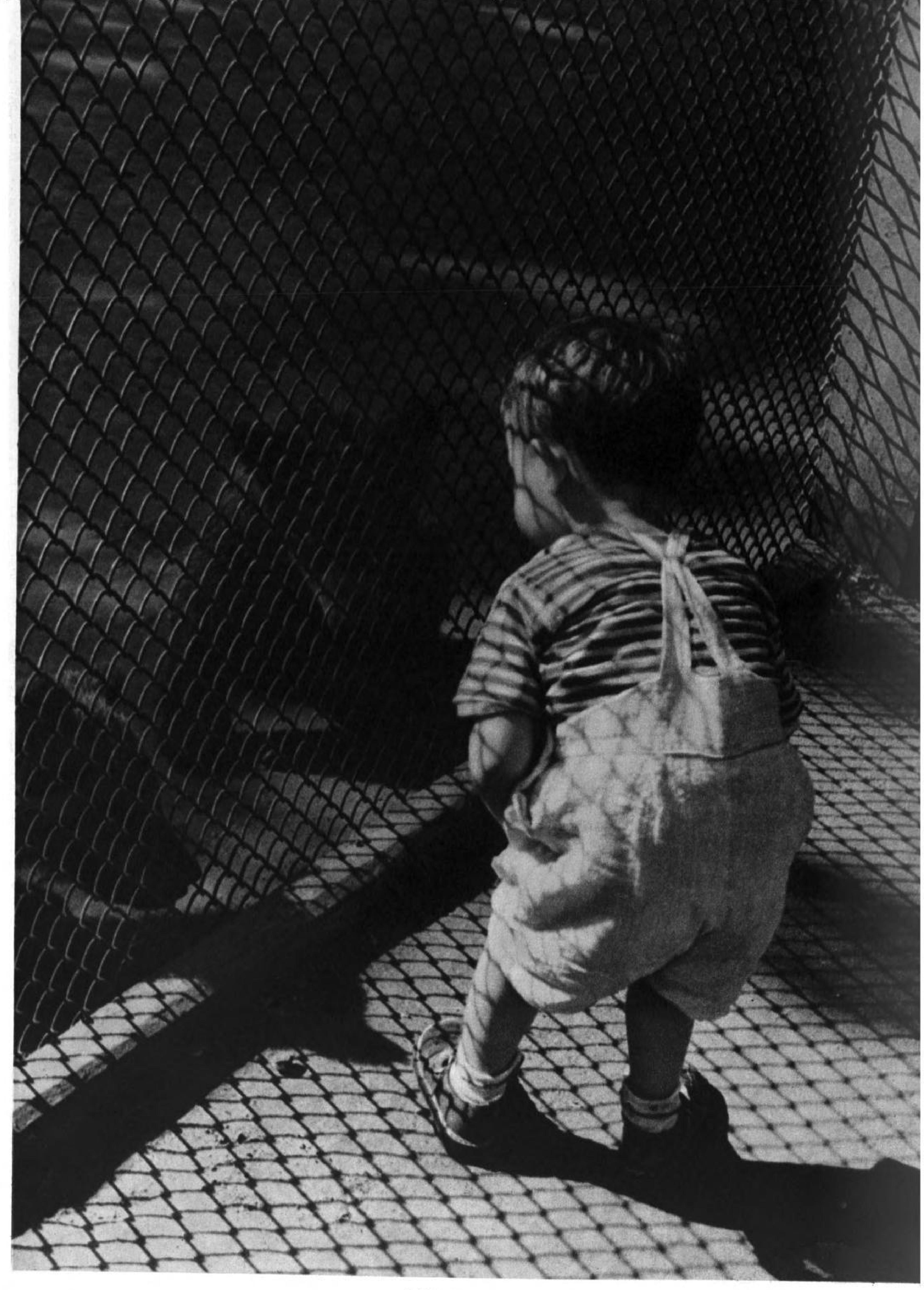
Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Публицистики и очерка — Д 3-39-27; Информации — Д 3-39-07; Международного — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-38-08; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 08415. Подп. к печ. 4/VII 1956 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 554. Заказ № 1750. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

В ЗООПАРКЕ. **Фото А. Заболоцкого.**

Цена номера 3 руб.

